

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Нижегородская академия

**ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ ДОКТОРАНТОВ,
АДЪЮНКТОВ И СОИСКАТЕЛЕЙ**

Выпуск 23

Сборник статей

Под редакцией кандидата юридических наук,
доцента Е.Е. Черных; Н.В. Летёлкина

Нижний Новгород
НА МВД России
2017

УДК 001.8

ББК 67

П78

П78 Проблемы юридической науки в исследованиях докторантов, адъюнктов и соискателей: сборник статей / под ред. Е.Е.Черных, Н.В. Летёлкина. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2017. – Вып. 23. – 202 с.

В сборник включены научные статьи адъюнктов очной и заочной форм обучения. Работы молодых авторов отражают современные и перспективные проблемы развития российского права, в них затрагиваются многие нетрадиционные и оригинальные подходы к совершенствованию правовой сферы.

Ознакомление с материалами сборника будет полезно специалистам в области юриспруденции, а также всем лицам, интересующимся современными проблемами развития российского права.

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Нижегородской академии МВД России

© Нижегородская академия МВД России, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Александрина Н.М.</i> Фикция как инструмент познания юридического лица.....	6
<i>Андреев С.Э.</i> О некоторых организационно-управленческих мерах в сфере оперативно-разыскной деятельности по борьбе с экономическими преступлениями в сфере строительства на объектах железнодорожного транспорта.....	11
<i>Аникиец Е.А.</i> Актуальные аспекты использования результатов оперативно-разыскной деятельности при принятии решения о возбуждении уголовного дела о взяточничестве или об отказе в его возбуждении	19
<i>Баркаръ А.В.</i> Современное состояние и причины нарушения законодательства о легализации преступных доходов.....	25
<i>Борисов А.С.</i> О балансе отдельных институтов уголовного процесса.....	36
<i>Борисов Д.В.</i> Сущность использования в доказывании по уголовным делам о преступлениях экономической направленности нового оперативно-разыскного мероприятия «получение компьютерной информации».....	45
<i>Гарцева Ю.В.</i> Доверие в семейных отношениях в Российской империи в XVIII – начале XX века как признак межличностных отношений.....	52
<i>Гнездилова Д.М.</i> К вопросу о периодизации истории ГИБДД	57
<i>Горбачева А.В.</i> Использование специальных экономических знаний в оперативно-разыскной деятельности ОВД.....	68
<i>Гуськова А.В.</i> Конфликтные ситуации, возникающие между участниками уголовного судопроизводства при реализации функции переводчика	73

<i>Гущин А.Ю.</i> Деятельность сотрудников органов внутренних дел РФ как объект уголовно-правовой охраны.....	81
<i>Ковалев А.Ф.</i> Цель как правовая категория.....	91
<i>Летёлкин Н.В.</i> К вопросу об определении системы преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»).....	99
<i>Морозов В.В.</i> Способ совершения преступления как криминалистическое понятие	109
<i>Нефедова К.А.</i> Социальная ценность информации.....	119
<i>Никифорова А.А.</i> Реформирование уголовной политики в сфере регулирования внешнеэкономической деятельности в период становления рыночных отношений	123
<i>Пешехонов Д.А.</i> Место и роль депоощрительных норм права в обеспечении эффективности методов воздействия.....	135
<i>Пшеничнов И.М.</i> Феномен незаконного найма на рубеже отраслей российского права	141
<i>Раченкова О.Н.</i> К вопросу о согласовании юридических актов в международном публичном праве (на примере Brexit).....	152
<i>Романова Т.Б.</i> Правовые основы, необходимые для реализации института уголовно-процессуального представительства лиц, вовлеченных в процедуру доследственной проверки заявления, сообщения о преступлении.....	159
<i>Столповский А.М.</i> Уголовно-правовая защита банковской тайны в России.....	166
<i>Теунаев А.С.-У.</i> Особенности личности преступника, совершившего преступление в сфере субсидирования агропромышленного комплекса	172

<i>Царева Ю.В.</i> К вопросу о нарушении прав адвоката на представление доказательств в суде	182
<i>Шутова А.А.</i> Вопросы разграничения мошенничества в сфере кредитования и незаконного получения кредита (по материалам правоприменительной практики).....	193

Н.М. Александрина,
адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., доцент *П.А. Кабанов*

ФИКЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЗНАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

Актуальным представляется исследование феномена фикции, являющейся инструментом научного познания и носящей нематериальный характер. Посредством нее существующую действительность, которой нельзя дать объективное обоснование, возможно подвести под какую-либо условную формулу. Данный прием используется в целях получения новых знаний вообще и в различных направлениях деятельности в частности.

Помимо бытующего мнения, что фикция – это «вымысел» и «выдумка», существует научный подход к изучению данной дефиниции. В научном понимании нечто невероятное воспринимается как необходимое для обозначения различных понятий и категорий. Предположение и невозможность фикции осознаются, но при необходимости она может сослужить большую службу человеческому разуму как временное вспомогательное понятие¹.

Проблема фикций была особо актуальной в начале XX столетия и оформилась в философское течение, далее распространяясь на многие области науки.

Ганс Файхингер считал научную фикцию полезно-ложным образованием и оправдывал ее существование и использование. Сформулированная им гносеологическая теория «фикционализма» стала результатом его многочис-

ленных исследований и помогала решать практические задачи. Сам же он предпочитал именовать свое учение «Philosophie des Ais-Ob» («философией как-если-бы»)².

Эволюция философского течения Г. Файхингера позволила оказать существенную помощь правовой науке, в том числе в исследовании юридического лица, являющегося сложным специфическим социальным явлением.

Не утихают споры вокруг юридического лица как субъекта правоотношений. Еще в конце XVIII века Фридрих Карл фон Савиньи выдвинул гипотезу о представлении юридического лица посредством фикции субъектом права, фактически не существующим образованием. В данном случае условность заключается в том, что речь идет о доктрине, существовавшей наряду с другими теоретическими концепциями о природе юридического лица, а не о конкретной законодательной норме. Под юридическим лицом понимался искусственный субъект, который создавался законом в целях условной привязки к нему субъективных прав и обязанностей, принадлежащих в действительности или его участникам – конкретным физическим лицам, или остающихся бессубъектными.

Основной научной теории Ф.К. Савиньи стала теория олицетворения, или теория фикции, господствовавшая в Средние века при поддержке католической церкви. Это учение в более поздний период стало называться «теорией олицетворения».

С учетом существующих реалий и проблем права Ф.К. Савиньи применил теорию олицетворения, которая заключается в том, что каждый отдельный человек и только отдельный человек правоспособен и на первоначальном понятии лица или юридического субъекта, совпадает с понятием человека³.

Следует согласиться с тем, что само понятие лица как абстракции от индивидуальной личности в первую очередь

было применено к живому существу и только потом перешло на юридический субъект. Благодаря праву понятие лица (физического и юридического) может быть ограниченным и расширенным. Из этого следует, что как некоторым физическим лицам может быть отказано в правоспособности, так и правоспособность может быть перенесена на нечто обобщенное, искусственно созданное (юридическое лицо).

«Как простая фикция юридическое лицо не может иметь сознания и воли и, следовательно, недееспособно; этот недостаток дееспособности восполняется представительством, как при опеке и попечительстве над малолетними и безумными. Ф.К. Савиньи полагал, что каждое отдельное юридическое лицо должно получать свое бытие от государственной власти, отстаивая таким образом разрешительный порядок образования юридических лиц»⁴.

Теория олицетворения подверглась критике со стороны юристов и как необходимость была воспринята законодателем. Одновременно с критическими замечаниями зарождались доктрины, которые использовали данную категорию для объяснения понятия юридического лица.

Германисты И. Блунчли и К. Безелер на основе изучения германского права пришли к выводу, что корпорация не является фиктивным лицом, а существует в реальной действительности.

По мнению римских юристов и некоторых современных исследователей, субъектами права могут быть только физические лица. Но следует заметить, что с развитием общества помимо физического лица возникают особые социальные организмы, которые имеют человеческие цели и интересы. Непосильность и непостижимость целей, как для отдельного человека, так и для группы лиц заставляет их объединяться в специфические организмы.

Объединяет различные субъекты правоотношений то, что они имеют отличную от других собственную волю.

Юридическое лицо как один из видов социальных организмов имеет общую волю, которая отличается от волеизъявления отдельных конкретных лиц. Существование социального организма реально и закреплено юридически.

В словаре иностранных слов дается такое определение юридическому лицу: это коллективное лицо, не подходящее под понятие единичного физического лица, но олицетворяющее собой совокупность интересов отдельных лиц, нуждающихся в особых правах⁵.

Споры вокруг определения юридического лица и сферы его существования и юридических последствий не прекращаются и на современном этапе. Несомненно то, что научные теории ученых Ф.К. Савиньи и Г. Файхенгера дают возможность теоретикам и практикам рассмотреть позитивное влияние теории фикций не только на развитие законодательства в различных странах, но и юридического образования, теоретических подходов вообще, а также использовать этот феномен в различных отраслях науки.

Следовательно, исследование феномена фикции способствует плодотворному научному поиску, позволяющему выдвигать и доказывать различные научные теории, применяя их в практической деятельности. С учетом динамики законодательства и правоприменительных норм формируются категории, дается классификация и типизация жертв преступлений, рассматриваются различные уровни виктимизации физических и юридических лиц, рикошетные жертвы. Фикция дает возможность расширить границы познания, разносторонне рассмотреть проблемы, выдвинуть гипотезы, рассмотреть объект в нескольких измерениях, выйти на другой уровень познания. Все это на основе системного анализа исследования причин и виктимологических факторов позволяет выработать меры по профилактике и реабилитации жертв, пострадавших от преступлений.

Примечания

1. Философский энциклопедический словарь. URL: <http://yandex.ru/dic.akademik.ru> (дата обращения: 23.05.2017).

2. *Солонин Ю.Н., Аркан Ю.Л.* Философия фикционализма Ганса Файхингера: опыт ретроспекции и оценки // Размышления о философии на перекрестке второго и третьего тысячелетий. К 75-летию профессора М.Я. Корнеева. СПб., 2002. Вып. 11. С. 28–37.

3. *Танимов О.В.* Развитие юридических фикций в эпоху Нового времени // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 4. С. 6.

4. Там же.

5. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Павленков Ф., 1907. URL: <http://yandex.ru/dic.akademik.ru> (дата обращения: 23.05.2017).

С.Э. Андреев,
адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., профессор *Е.М. Рябков*

**О НЕКОТОРЫХ
ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКИХ
МЕРАХ В СФЕРЕ
ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО БОРЬБЕ
С ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ
В СФЕРЕ СТРОИТЕЛЬСТВА НА ОБЪЕКТАХ
ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА**

Строительство, обеспечивая расширенное воспроизводство производственных мощностей и основных фондов для всего народного хозяйства, является одной из крупнейших сфер экономической деятельности. Строительная сфера отличается сложностью производственных связей и обслуживается предприятиями более чем 70 сфер экономической деятельности.

Сфера строительства представляет собой область человеческой деятельности, заключающейся в производстве строительных работ, то есть в ведении работ по проектированию, сооружению и реконструкции жилых, административных и других зданий, промышленных, гидротехнических, сельскохозяйственных и иных объектов¹.

Строительная продукция представляет собой ту часть общественного продукта, в которую входят работы по изысканию и проектированию объектов строительства,

их возведению, установке в них оборудования, по ремонту строительных объектов, их расширению и реконструкции, а также геологоразведочные работы, связанные со строительством.

Строительная сфера требует серьезных денежных вливаний. В России свыше 30% инвестиций в основной капитал связаны со строительной отраслью, причем в кризисные периоды доля строительства в инвестициях растет. За 2015 год непосредственно в строительство было вложено 5945,5 млрд рублей, что составляет 40,8% всех инвестиций в основной капитал за тот же период².

На железнодорожном транспорте в сферу строительства поступают колоссальные денежные средства. За период с 1999 года в нее инвестировано более 1 трлн рублей. Программой развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года в указанный сектор планируется направить не менее 12,5 трлн рублей из средств федерального бюджета и бюджетов субъектов РФ³.

Масштабные финансовые потоки в значительной мере предопределяют тот факт, что строительство является одной из наиболее криминализованных отраслей экономики.

Экономические преступления, совершаемые в сфере строительства на объектах железнодорожного транспорта, обладают существенной спецификой, обусловленной особенностями технологического процесса, документооборота, а также бухгалтерского учета.

Всего за 2016 год органами внутренних дел на транспорте, согласно статистическим данным, выявлено 6261 преступление экономической направленности (-1,8%), при этом удельный вес регистрируемых экономических преступлений в общей структуре преступности на железнодорожном транспорте составил 16,8%, (+ 1,1% по сравнению с 2015 годом)⁴.

При этом количество выявленных экономических преступлений в рассматриваемой сфере ничтожно мало, и нельзя не отметить тот факт, что результаты оперативно-разыскной деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции не в полной мере отражают складывающуюся оперативную обстановку.

Учитывая высокую латентность рассматриваемой категории преступлений, необходимо подчеркнуть, что одним из наиболее сложных направлений является оперативно-разыскная деятельность по выявлению коррупционных злоупотреблений на этапе проведения и оформления соответствующих конкурсных процедур.

Необходимо отметить, что весь строительный процесс на железнодорожном транспорте жестко аффилирован и структурирован, и сторонней организации попасть в данную схему невозможно.

Непрерывным условием повышения эффективности осуществления оперативно-разыскной деятельности подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции является своевременное проведение оперативно-поисковых мероприятий по установлению на обслуживаемой территории характерных для строительной сферы правоотношений. Данные правоотношения могут быть связаны с проведением и оформлением соответствующих конкурсных процедур, геологическими изысканиями, проектированием, сооружением объектов и пр.

Достаточно дискуссионными остаются вопросы использования руководителями и сотрудниками подразделений ЭБиПК МВД России на транспорте при проведении оперативно-разыскных мероприятий возможностей Федеральной службы по финансовому мониторингу. Анализ показывает, что соответствующие запросы направляются в органы финансового контроля лишь в единичных случаях, несмотря на то, что многие субъекты правоотношений

в строительной сфере создаются и функционируют с целью легализации денежных средств и имущества, добытых преступным путем.

Необходимо выделить следующие приоритетные направления деятельности подразделений ЭБиПК с учетом анализа состояния оперативной обстановки и правового регулирования в сфере строительства на объектах железнодорожного транспорта:

- сбор, накопление и анализ информации о состоянии оперативной обстановки, в частности установление нормативно закреплённых объемов и масштабов строительства на объектах железнодорожного транспорта, объемов планируемых к выделению денежных средств;

- эффективное использование имеющихся оперативно-разыскных сил и средств, тесное взаимодействие и возможность использования для документирования противоправной деятельности сил и средств специальных технических подразделений;

- осуществление взаимодействия с общественными организациями, службой безопасности ОАО «РЖД», ведомственной охраной ОАО «РЖД», частными охранными структурами, правоохранительными органами, органами финансового контроля по выявлению, предупреждению и раскрытию рассматриваемой категории экономических преступлений;

- методическое обеспечение вышеуказанных мероприятий;

- деятельность по возмещению наносимого совершаемыми противоправными действиями материального ущерба.

Специфика функционирования железнодорожного транспорта обуславливает его отнесение к источникам повышенной опасности. В связи с этим при рассмотрении аналитического обеспечения оперативно-разыскной деятельности подразделений ЭБиПК в сфере строительства

на железнодорожном транспорте следует уделить внимание особенностям функционирования субъектов правоотношений в данной сфере, наличие у них соответствующих разрешений и допусков к проведению соответствующих работ.

В этой связи также необходимо выделить ряд обязательных к выполнению мероприятий:

1) установление объектов строительства на железнодорожном транспорте, относящихся к компетенции подразделений ЭБиПК⁵;

2) постоянный мониторинг оперативной обстановки, направленный на:

– выявление угроз экономической безопасности на участке оперативного обслуживания;

– выявление факторов, оказывающих негативное воздействие на эффективность организации деятельности подразделений ЭБиПК;

3) установление данных по динамике экономических преступлений с распределением по месту их совершения, а также по этапам строительного процесса;

4) определение мер по повышению эффективности оперативно-разыскной деятельности подразделений ЭБиПК (на основе анализа ее фактического состояния);

5) определение сил и средств, привлечение которых будет способствовать решению задач оперативных подразделений по борьбе с экономическими преступлениями;

6) изучение материалов судебно-следственной практики, уголовных дел в разрезе рассматриваемой проблематики;

7) систематизация сведений по делам оперативного учета, наблюдательного производства.

Значительное воздействие на решение задач оперативно-разыскной деятельности, борьбу с экономической преступностью оказывает информационное обеспечение. Его применение связано с удовлетворением информацион-

ных запросов сотрудников служб оперативного блока, в том числе подразделений ЭБиПК.

Алгоритм действий руководителей подразделений ЭБиПК по организации информационной деятельности может выглядеть следующим образом:

- установление объема информации, получение и систематизация которой являются обязательными в решении задач оперативно-разыскной деятельности;

- установление источников данной информации, порядка и основания ее получения;

- определение способа накопления и систематизации получаемых сведений;

- определение оснований и порядка использования указанных сведений иными субъектами оперативно-разыскной деятельности;

- определение оснований и порядка обновления имеющихся или устаревших сведений.

Методическое обеспечение оперативно-разыскной деятельности по борьбе с экономическими преступлениями в сфере строительства на объектах железнодорожного транспорта предполагает, в первую очередь, сбор, систематизацию и внедрение в практическую деятельность по борьбе с экономической преступностью перспективных форм и методов работы, которые могут быть заимствованы в иных правоохранительных органах, а также в органах финансового контроля, призванных отслеживать расходование выделяемых денежных ассигнований.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что для повышения эффективности борьбы с экономическими преступлениями в сфере строительства на объектах железнодорожного транспорта необходимо выполнение следующих мероприятий:

- предусматривать применение в документировании устанавливаемой противоправной деятельности в части

установления фактически проводимых работ, субъектов, их выполняющих, ОРМ «наблюдение», используя как физическое наблюдение, так и электронное с привлечением специалистов специальных технических подразделений;

– организовать эффективное взаимодействие и обмен информацией со службой безопасности ОАО «РЖД», ведомственной охраной ОАО «РЖД», частными охранными структурами, правоохранительными органами, органами финансового контроля;

– по имеющимся в производстве оперативным материалам в обязательном порядке направлять соответствующие задания в подразделения оперативно-разыскной информации;

– по имеющимся в производстве оперативным материалам рассматривать факты незаконного обналичивания денежных средств, направлять в Росфинмониторинг запросы, касающиеся легализации денежных средств;

– своевременно устанавливать имущество фигурантов, на которое может быть наложен арест.

Примечания

1. *Веренич И.В.* Использование специальных знаний в процессе расследования преступлений, совершенных в сфере строительства, эксплуатации зданий и сооружений: дис. канд. юрид. наук. М., 2010.

2. Состояние и перспективы строительной отрасли в РФ в 2016–2017 гг. URL: <http://www.indexbox.ru/news/sostojanie-i-perspektivy-stroitelnoj-otrasli-rf/> (дата обращения: 18.05.2017).

3. Распоряжение Правительства РФ №877-р от 17 июня 2008 г. «Стратегия развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года».

4. Для сравнения необходимо отметить, что в 2016 году удельный вес выявленных экономических преступлений, отнесенных к компетенции ГУЭБиПК МВД России, в общей структуре преступности по России был зарегистрирован на уровне 5%.

5. Об организации взаимодействия территориальных органов МВД России на железнодорожном, водном и воздушном транспорте с иными территориальными органами МВД России и разграничении объектов оперативного обслуживания: приказ МВД России № 381 от 28 марта 2015 г.

Е.А. Аникиец,
адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., доцент *В.В. Терехин*

**АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ
ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПРИ ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЯ
О ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА
О ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ ИЛИ ОБ ОТКАЗЕ
В ЕГО ВОЗБУЖДЕНИИ**

В настоящее время коррупция превратилась в проблему национальной безопасности Российской Федерации, существенно подрывая нормальное функционирование экономики, развитие государственных институтов, общественных механизмов и образований, нанося вред и уничтожая общественный авторитет власти, полиции и создавая предпосылки для дальнейшей борьбы с «элитарной» коррупцией и различными ее проявлениями.

Коррупционные преступления несут в себе высокую социальную опасность, и, как всякое проявление преступных действий в обществе, они должны эффективно подавляться, своевременно выявляться и грамотно расследоваться. По своему характеру экономические преступления, в том числе коррупционные, отличаются высоколатентным, тщательно замаскированным и труднораскрываемым характером.

Постоянно в различных источниках, на конференциях, заседаниях высших должностных лиц и органов власти освещается та или иная проблема борьбы с коррупцией.

Государством принимаются различные меры по борьбе с коррупцией, например такие, как принятие Национального плана противодействия коррупции, введенного Указом Президента¹, направленным на повышение эффективности противодействия коррупции, расширение использования международного сотрудничества и пр. Так, в 2017 году, реализуя один из пунктов Национального плана, было обеспечено использование программного обеспечения «Справки БК» для отображения достоверных доходов и имущества государственных служащих, работников судебного аппарата и др.

Однако, несмотря на то, что за последние годы в средствах массовой информации и в ежегодных отчетах должностных лиц, на официальных сайтах МВД России в сети «Интернет» сообщается о снижении показателей совершения экономических преступлений, масштабы коррупции в стране остаются стабильно высокими.

Необходимо отметить, что в большинстве случаев в выявлении и раскрытии коррупционных связей и преступлений, связанных с дачей и получением взятки, колоссальное и решающее значение имеет оперативно-разыскная деятельность. Оперативное сопровождение взяточничества считается первоначальной и необходимой мерой.

Однако использование результатов оперативно-разыскной деятельности при выявлении взяточничества имеет ряд проблемных моментов.

Согласно статье 13 Федерального закона «О полиции» полиция вправе собирать доказательства, производить в случаях и порядке, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, следственные и иные процессуальные действия; проводить

оперативно-разыскные мероприятия; производить при осуществлении оперативно-разыскной деятельности изъятие документов, предметов, материалов и сообщений и иные предусмотренные федеральным законом действия; что означает возможность выявления и раскрытия преступления, в том числе коррупционной направленности, в процессуальной форме, так и посредством оперативно-разыскной деятельности. Рапорт об обнаружении признаков совершения коррупционного преступления может послужить основанием для возбуждения уголовного дела согласно ст. 143 УПК РФ.

На первый взгляд порядок введения результатов оперативно-разыскной деятельности в уголовный процесс достаточно регламентирован, однако, как справедливо отметил А.П. Попов, «результаты оперативно-розыскной деятельности не могут отвечать требованиям к доказательствам Уголовно-процессуальным кодексом, поскольку они создавались по иным поводам, процедурам, предусмотренным другим законом – Законом об ОРД²».

Также хотелось бы отметить и разделить мнение ученых-процессуалистов о том, что для использования в уголовном процессе в качестве доказательств результатов оперативно-разыскной деятельности может быть интересно только, если они имеют материальную или документальную форму³.

Нормативным ведомственным актом, регламентирующим предоставление результатов оперативно-разыскной деятельности, является Инструкция о порядке представления результатов оперативно-разыскной деятельности дознавателю, следователю, прокурору или в суд. В случае соблюдения требований Инструкции результаты проводимых в рамках оперативно-разыскной деятельности мероприятий могут послужить поводом или основанием для возбуждения уголовного дела.

На практике складываются разные случаи, касающиеся доказательственного значения результатов ОРД. Однако необходимо отметить, что чаще всего истинную доказательственную ценность несут лишь результаты применения различных специальных технических средств при проведении оперативно-разыскных мероприятий, все остальное, а именно: рассекреченные постановления, рапорта, ходатайства и другие сопровождающие документы по праву можно считать бумажной волокитой, которая существенно затрудняет работу сотрудника оперативного подразделения и снижает эффективность применения оперативно-разыскных мероприятий.

Итак, говоря о возбуждении уголовного дела о взяточничестве, необходимо отметить огромный потенциал проводимых в рамках ОРД мероприятий. Все же использование этого потенциала в полной мере в настоящее время невозможно по разным причинам. Прежде всего, мы говорим о том, что во время проведения оперативного эксперимента нельзя провоцировать взяточника на совершение противоправных действий. Одно лишнее сказанное слово или вопрос несет губительную участь для всего дела, давая юристам повод для опровержения таких доказательств в качестве допустимых в уголовном деле. Поэтому в теории и практике применения результатов оперативно-разыскной деятельности актуальным остается определение допустимых пределов процедуры реализации оперативной информации, с тем чтобы действия оперативных сотрудников не превратились в провокацию преступлений.

Под провокацией в уголовно-правовом аспекте понимают подстрекательство к совершению преступления. Подстрекательство – это действия, направленные на возбуждение решимости совершить конкретное преступление в отношении определенного лица. Общие призывы к соверше-

нию преступлений, обращенные к кому-либо, не являются подстрекательством⁴.

В целях предотвращения провокаций в действующем уголовном законодательстве за совершение такого рода деяний установлена ответственность за провокацию взятки либо коммерческого подкупа (ст. 304 УК РФ).

По мнению ряда ученых, действия сотрудников оперативных подразделений в рамках проведения оперативно-разыскных мероприятий при даче взятки не должны рассматриваться как провокационные, если оперативный сотрудник действует с целью проверки заявления о вымогательстве взятки либо для закрепления одного из эпизодов преступной деятельности, информация о которой достоверно известна.

Если действия оперативного сотрудника инициируют уже сформировавшееся преступное поведение чиновника или должностного лица, но не подавляют его волю и не вводят в заблуждение относительно характера совершаемых им действий, то, по моему мнению, они должны считаться правомерными.

Важный аспект решения проблемы усовершенствования законодательного урегулирования оперативного эксперимента заключается в том, чтобы расширить пределы правомерного активного поведения сотрудника оперативного подразделения, а именно: оперативный эксперимент следует считать законным средством изобличения преступника, не являющимся недопустимой провокацией взятки, если он выступает способом фиксации сложившегося механизма преступной деятельности, но также доказывания наличия умысла, готовности лица на получение очередной взятки⁵.

Примечания

1. О Национальном плане противодействия коррупции на 2016–2017 годы: указ Президента РФ от 1 апреля 2016 г. № 147 // Российская газета. 2016. 13 апреля.

2. *Понов А.П.* Результаты оперативно-разыскной деятельности: резервы оптимизации уголовного судопроизводства // Закон и право. 2006. № 3. С. 21.

3. См.: *Шейфер С.А.* Использование непроцессуальных познавательных мероприятий в доказывании по уголовному делу // Государство и право. 1997. № 9. С. 63

4. Закон об оперативно-розыскной деятельности в РФ: комментарий / под ред. А.Ю. Шумилова. М., 1994.

5. *Власова С., Александрова И., Кучерук Д.* Проект модернизации правового механизма борьбы со взяточничеством. Разработки нижегородской школы уголовного и уголовно-процессуального права. Саарбрюккен, 2012.

А.В. Баркарь,
адъюнкт адъюнктуры
НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., доцент *В.В. Сверчков*

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРИЧИНЫ НАРУШЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ЛЕГАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ

Отмывание преступно полученного имущества в настоящее время выступает связующим звеном между черной, серой и белой экономиками, определяя вектор движения, в котором криминальные по сути доходы приобретают внешне легальную форму, после чего уже беспрепятственно могут использоваться в законном обороте. Тем самым легализация как процесс совершения финансовых операций (сделок) выступает своеобразным фильтром, при прохождении через который преступные доходы «очищаются» от налета предшествующего преступления и преобразуются в «чистое» имущество. Поскольку в конечном счете оно принимает видимость законных доходов, государство в лице своих юрисдикционных органов утрачивает возможность установить их реальное происхождение и идентифицировать лицо, стоявшее за первичным преступлением и выступавшее инициатором такой операции или сделки.

Основные причины нарушения антиотмывочного законодательства, несмотря на его постоянное совершенствование и ужесточение, как нам представляется, по-преж-

нему лежат в экономической плоскости, что можно проиллюстрировать следующими рассуждениями. Как известно, корыстные преступления совершаются преимущественно в целях удовлетворения индивидуальных или коллективных нужд и извлечения экономических выгод. Получая криминальные доходы в крупных суммах (в данном случае имеются в виду отнюдь не уголовно-правовые стоимостные критерии, а экономические), существенно превышающие потребности и возможности потребления, преступники накапливают капиталы (активы), которые по достижении определенных масштабов неминуемо требуют принятия мер к минимизации правовых рисков обладания ими и экономических потерь (сбережения от инфляции, обесценения, конфискации, изъятия и т. п.).

Поскольку преступные доходы не могут быть полностью изъяты из оборота (иначе они теряют всякий смысл) и обладают определенной рыночной ценой (ценностью), единственный верный путь для их движения, сохранения и преумножения предоставляет экономический оборот. Вместе с тем, вовлечение преступно полученного имущества в легальный оборот сопряжено с риском раскрытия его источников юрисдикционными органами государства, что, в свою очередь, диктует необходимость маскировки его криминального происхождения. В этих целях проводятся многочисленные фиктивные сделки или запутанные финансовые операции, в результате которых преступные доходы вкладываются в экономическую сферу деятельности, где вследствие естественных процессов многократно преобразуются и приобретают видимую легальную форму, что позволяет выдавать криминальные доходы за легальные, препятствует их идентификации и предоставляет возможность беспрепятственного использования. Данные манипуляции позволяют не только скрыть истинное происхождение имущества, но и повышают статус

деликвента, превращая его в профессионального преступника – псевдопредпринимателя.

Между тем преступная легализация характеризуется высоким уровнем латентности. По самым скромным оценкам Росфинмониторинга, у нас в стране масштабы отмывания достигают 250–300 млрд рублей ежегодно, а выявляются деяния на сумму в 30 млрд рублей легализованных криминальных доходов.

Существование этого негативного явления и востребованность легализации, помимо трудностей в выявлении, обусловливается также постоянным ростом доходности и профессионализацией преступности. При этом наибольшие преступные доходы приносят коррупция (прежде всего взяточничество и другие должностные преступления), незаконная торговля наркотиками, оружием, фальсифицированными лекарствами, алкоголем, контрафактными объектами интеллектуальной собственности, распространение порнографии, экономические и налоговые преступления, а в последние годы также компьютерные преступления. Поскольку указанные преступные явления в жизни общества полностью не ликвидируемы, вторичная преступность в виде отмывания преступно полученного имущества также представляется неискоренимой, о чем красноречиво свидетельствуют данные уголовно-правовой статистики за весь период существования ответственности за легализацию.

Так, по сведениям ГИАЦ МВД России, в 2007 году выявлено 9035 фактов отмывания (в 2008 году – 8383; в 2009 году – 8791; в 2010 году – 1762; в 2011 году – 704; в 2012 году – 611; в 2013 году – 582; в 2014 году – 774; в 2015 году – 863; в 2016 году – 818, из них преступлений, совершенных в (особо) крупном размере: в 2009 году – 2 909; в 2010 году – 879; в 2011 году – 421; в 2012 году – 356; в 2013 году – 334; в 2014 году – 349; в 2015 году – 399; в 2016 году – 387); в суд направлены уголовные дела

по 7304 преступлениям (в 2008 году – 6360; в 2009 году – 8106; в 2010 году – 1790; в 2011 году – 532; в 2012 году – 422; в 2013 году – 556; в 2014 году – 618; в 2015 году – 734; в 2016 году – 679), при этом к уголовной ответственности привлечено 1795 лиц (в 2008 году – 2137; в 2009 году – 1819; в 2010 году – 666; в 2011 году – 308; в 2012 году – 244; в 2013 году – 271; в 2014 году – 448; в 2015 году – 592; в 2016 году – 596)¹.

В 2013 году число преступлений, предусмотренных статьей 174¹ УК РФ, возросло на 7,5%, (с 346 до 372). В то же время количество выявленных преступных посягательств по статье 174 УК РФ уменьшилось на 20,8%. Рост количества расследованных преступлений достигнут за счет деяний, указанных в статье 174¹ УК РФ, которых фактически расследовано в 2 раза больше (358 в 2013 году против 195 в 2012 году). Вместе с тем, аналогичный показатель для преступлений, квалифицированных по статье 174 УК РФ, снизился на 12,8% (с 227 в 2012 году до 198 в 2013 году). Почти в 3 раза выросло число расследованных преступных деяний, совершенных организованными группами или преступными сообществами (89 в 2013 году против 30 в 2012 году). Количество преступлений, уголовные дела о которых направлены в суд (из числа выявленных), изменилось незначительно (69% в 2013 году против 67,5% в 2012 году)².

В 2014 году число преступлений, предусмотренных статьей 174¹ УК РФ, существенно возросло – на 86,8% (с 372 до 695), в том числе на 4,6% (или до 339) – совершенных в (особо) крупном размере. В то же время число выявленных преступных посягательств, предусмотренных статьей 174 УК РФ, уменьшилось до 79 или на 62,4%, из которых 10 (стабильно) – совершенных в (особо) крупном размере; установлено 81 (или на 53,4% меньше, чем в предшествующем году) лицо, их совершив-

шее. По 481 (или на 65,3% больше, чем в предшествующем году) факту уголовные дела направлены в суд. 113 (или на 28,4% больше, чем в предшествующем году) преступлений совершено организованными группами или преступными сообществами³.

В 2015 году число преступлений, предусмотренных статьей 174¹ УК РФ, существенно возросло – на 15,4% (с 695 до 802), в том числе на 13,9% (или до 386) – совершенных в (особо) крупном размере. В то же время число выявленных преступных посягательств, предусмотренных статьей 174 УК РФ, уменьшилось до 61 или на 29,5%, из которых 15 (увеличилось на 50%) – совершенных в (особо) крупном размере; установлено 36 (или на 75% меньше, чем в предшествующем году) лицо, их совершившее. По 601 (или на 24,9% больше, чем в предшествующем году) факту уголовные дела направлены в суд, 119 (или на 5,3% больше, чем в предшествующем году) преступлений совершено организованными группами или преступными сообществами⁴.

В 2016 году число преступлений, предусмотренных статьей 174¹ УК РФ, снизилось почти на 10% (с 802 до 794), в том числе на 10,8% (или до 379) – совершенных в (особо) крупном размере. В то же время число выявленных преступных посягательств, предусмотренных статьей 174 УК РФ, существенно уменьшилось – до 24, или на 60,7%, из которых 8 (уменьшилось на 46,7%) – совершенных в (особо) крупном размере. По 605 (или на 6,7% больше, чем в предшествующем году) факту уголовные дела направлены в суд. 121 (или на 1,7% больше, чем в предшествующем году) преступление совершено организованными группами или преступными сообществами⁵.

В январе–мае 2017 года выявлено 330 фактов отмыкания, из них 166 преступлений совершено в крупном и особо крупном размерах; в суд направлены уголовные дела

по 262 преступлениям, при этом к уголовной ответственности привлечено 230 лиц⁶. Тенденции последних лет к снижению общего количества выявленных фактов отмывания не изменились и в текущем году. В структуре предикатных преступлений по-прежнему преобладают в порядке убывания мошенничество, незаконный оборот наркотиков, существенно отстают от них незаконное получение кредитов, уклонение от уплаты налогов, незаконное предпринимательство, присвоение и растрата. Одной из наиболее криминогенных с точки зрения легализации имущества остается финансово-кредитная сфера. За период с января по май 2017 года по расследованным уголовным делам легализовано более 10 млрд рублей.

Приведенная статистика свидетельствует о том, что, несмотря на внесенные Федеральным законом от 28 июня 2013 года № 134-ФЗ изменения в статьи 174 и 174¹ УК РФ⁷, повлекшие криминализацию ряда деяний и сокращение минимальных границ крупного и особо крупного размеров, результаты деятельности правоохранительных органов, включая органы предварительного расследования, по рассматриваемому направлению на протяжении последних четырех лет в целом сохраняют прежнюю динамику с некоторыми незначительными корректировками. Вместе с тем, указанные цифры в силу отмеченного высокого уровня латентности легализации не в полной мере отражают действительное состояние преступности в данной сфере, так как характеризуют лишь зарегистрированные деяния. При этом, несмотря на снижение основных статистических показателей по сравнению с 2007–2009 годами, нельзя не отметить наметившиеся с 2011 года качественные изменения в уголовно-правовой статистике по исследуемому направлению, которые с большей достоверностью отражают состояние зарегистрированной преступности в сфере отмывания преступных доходов.

До 2010 года статистические данные о деятельности юрисдикционных органов, хоть и казались более весомыми, однако вовсе не отражали действительной картины криминогенности сферы легализации (в связи с этим в настоящей статье они подробно не приводятся ввиду малой информативности), поскольку зарегистрированная преступность была существенно завышена в силу гонки за показателями, неправильного понимания признаков преступлений и, как следствие этого, многочисленных ошибок в квалификации деяний (например, квалификация тождественных преступных актов одного лица, фактически объединенных общим умыслом, в качестве самостоятельных преступлений вместо одного продолжаемого; вменение легализации в отсутствие у лица цели придания правомерного вида преступно добытому имуществу и т. п.), которые, к сожалению, далеко не всегда устранялись судом, особенно в случаях применения особого порядка рассмотрения уголовного дела (ситуация усугублялась отсутствием детализированной судебной статистики по результатам рассмотрения дел о легализации).

Статистические данные за 2010–2012 годы в настоящей статье также подробно не приводятся, так как затрагивают период, когда действовали нормы об отмывании, существенно ограничивавшие круг преступных деяний (в частности, существовали повышенные минимальные критерии для крупного и особо крупного размеров; по статье 174¹ УК РФ не признавались преступлениями деяния, совершенные за рамками данных порогов; из перечня предикатных преступлений исключался ряд деяний, потенциально предопределяющих необходимость легализации преступно полученного имущества, и т. п.).

Между тем данные уголовно-правовой статистики за 2007–2012 годы, несмотря на их относительную информативность о реальном состоянии преступности в рассмат-

риваемой сфере, не могли не отразиться и действительно отразились на развитии и совершенствовании законодательства о легализации, в том числе predeterminedили нынешние законодательные конструкции норм об отмывании в статьях 174 и 174¹ УК РФ.

Теперь, рассмотрев вопрос о состоянии преступности в сфере легализации, вернемся к причинам нарушения законодательства об отмывании, а поскольку они носят системный, комплексный характер, попытаемся сгруппировать и обобщить их. В этом плане представляет интерес позиция В.М. Алиева, который в существовании причинного комплекса преступности в данной сфере видит следующие группы факторов: во-первых, политико-экономические, которые опосредованно воздействуют на легализацию; во-вторых, социально-правовые, которые влияют на выбор направлений, где происходит легализация; в-третьих, нравственно-психологические, которые определяют преступное поведение⁸.

Описывая социальные факторы легализации, В.М. Алиев отмечает, что современный социум подразделяется на страты, следующие разной идеологии. «Низшие» слои общества отрицательно относятся к любым попыткам контроля со стороны «высших» слоев. Отдельные их представители видят преступность как допустимое и полезное поведение. При этом в сознании преступника наличие у него различных возможностей в корреляции с оценкой затруднительности изобличения порождает искажение объективных социальных факторов и влияет на выбор преступного поведения. В итоге в среде легально действующих предпринимателей появляются лица, содействующие в отмывании криминального имущества.

Следующим фактором легализации, по мнению В.М. Алиева, выступают сложные экономические условия, оказываясь в которых, значительная доля предпринима-

телей, испытывающих недостаток финансовых возможностей, уходит в «тень», уклоняется от надзора со стороны государства. В кризисные периоды экономики необходимость в «теневых» капиталах усиливается, что и используют преступники, разворачивая деятельность по отмыванию криминальных доходов. По оценкам Росфинмониторинга, за время экономического кризиса 2008 года в России резко возрос оборот денежной наличности, активизировалась «обнальная» деятельность (связанная с обналичиванием денежных средств), возросли масштабы вывода денег из страны, операции с ценными бумагами и другими финансовыми инструментами переместились с организованных биржевых площадок на внебиржевые. Число последних несколько снизилось в связи с санкционной политикой других государств в отношении нашего государства, компаний и граждан.

В числе нравственно-психологических факторов легализации В.М. Алиев особо отмечает отсутствие сформированной этики ведения бизнеса. По его мнению, предпринимательское сообщество не в состоянии самостоятельно вытеснить криминал с рынка и постепенно начинает использовать преимущества недобросовестной конкуренции в своих целях.

Нам же представляется и уже высказывалось ранее, что основные причины данных преступных проявлений лежат в экономической плоскости, а остальные либо являются общими причинами преступности, либо выступают условиями нарушения законодательства о легализации. Однако это вовсе не означает, что современная экономика является единственной и неперенной причиной отмывания, о чем свидетельствует и анализ уголовных дел, позволяющий сделать однозначный вывод, что легализация преступно полученного имущества сопровождает не каждое корыстное преступление.

Основным экономическим фактором легализации являются сами деньги, выполняющие роль универсального мерила стоимости товаров, работ, услуг. Денежные инструменты утрачивают ценность вне существования экономического оборота, поэтому независимо от того, законно ли происхождение капиталов (активов), они в любом случае вводятся в оборот. Отсутствие ограничений экономического оборота способствует росту спекулятивного капитала, что использует криминалитет при легализации доходов, особенно в сфере инвестиций.

Таким образом, резюмируя сказанное и руководствуясь приведенными статистическими данными, можем сделать вывод, что именно в силу указанных причин легализация относится к устойчивому, латентному и опасному виду преступности, для которого характерно самое активное воздействие лица, совершающего первичное или вторичное преступление, на окружающую его политическую, экономическую, социальную среды. При этом данное лицо самостоятельно создает криминогенную ситуацию в результате противопоставления своих антиобщественных потребностей, личных интересов с интересами других субъектов, а также в целях создания условий и облегчения совершения преступления и сокрытия его следов.

Примечания

1. Состояние преступности в Российской Федерации в 2007, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016 годах. URL: <https://мвд.пф/folder/101762/item/> (дата обращения: 15.06.2017).

2. Годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» за 2013 год. URL: <https://мвд.пф/Deljatelnost/gosprogram/>

Gosprogramma/Otcheti_o_hode_realizacii_Programmi/ (дата обращения: 15.06.2017).

3. Годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы за 2014 год. URL: <https://мвд.рф/folder/3197171/> (дата обращения: 15.06.2017).

4. Годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы за 2015 год. URL: https://мвд.рф/Deljatelnost/gosprogram/Gosprogramma/Otchet_o_hode_realizacii_Programmi_za_20/ (дата обращения: 15.06.2017).

5. Годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы за 2015 год. URL: https://мвд.рф/upload/site1/document_file/godovoy_otchet_2016.pdf/ (дата обращения: 15.06.2017).

6. Состояние преступности в Российской Федерации в январе–мае 2017 года. URL: <https://мвд.рф/folder/101762/item/> (дата обращения: 15.06.2017).

7. Собрание законодательства РФ, 2013, № 26, ст. 3207.

8. *Алиев В.М.* Теоретические основы и прикладные проблемы борьбы с легализацией (отмыванием) доходов, полученных незаконным путем: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 59.

А.С. Борисов,
адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
к.ю.н., доцент *Е.С. Кузьменко*

О БАЛАНСЕ ОТДЕЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

В современных условиях развития правового государства особую роль приобретает установление сбалансированного отношения между отдельными элементами уголовного процесса, регулирующими разнородные правоотношения. Одними из таких элементов являются гласность и тайна уголовного судопроизводства.

Приведем гипотезу: гласность и тайна в своем единстве и противоречии уравнивают уголовно-процессуальную деятельность, способствуя ее нормальному функционированию. Нарушение этого равновесия внешним негативным воздействием развязывает связанные силы, нанося ущерб правам и законным интересам участников уголовного судопроизводства.

При этом гласность сама по себе не является синонимом справедливости. Гласность является условием стадии судебного разбирательства, поскольку, как и другие общие условия, создает предпосылки для реализации принципов уголовного процесса и вынесения правосудного судебного решения.

Декларируя высокое значение гласности для судопроизводства, нельзя не согласиться с доводами И.Я. Фойницкого в ее защиту. Так, он считал, что раз уголовный про-

цесс есть процесс публичный, следовательно, в нем разрешаются интересы не отдельного лица, а интересы общества в целом. В гласном процессе, на его взгляд, воплощается исполнение цели уголовного судопроизводства по привлечению виновного лица к ответственности и общественному убеждению в правильности применения закона, когда тайна, напротив, способна породить сопереживание к приговоренному и сомнения в правосудности приговора¹.

Аналогичного мнения придерживался В.К. Случевский, полагавший, что каким бы сложным и запутанным ни было преступление, факт его публичного разоблачения оказывает огромное воздействие на общественное сознание, что, в свою очередь, можно считать формой противодействия преступности, поэтому важно, чтобы правосудие не носило тайный, загадочный характер для общества².

В то же время, по мнению И.Я. Фойницкого, гласность оказывает позитивное влияние и на суд, способствуя активности судей, не допуская формализма, присущего канцелярской тайне. Гласность катализирует процесс обмена точками зрения между судом и обществом, не позволяя юстиции отдалиться от реальной жизни³.

Соответственно публичный процесс восстановления нарушенных преступлением общественных отношений посредством гласного правосудия как ничто иное, отражает сущность уголовно-процессуальной деятельности в целом, в основе которой положена упорядоченная система правовых отношений личности, общества и государства по достижению целей и задач уголовного судопроизводства.

При этом не следует полагать, что демонстрация отправления правосудия в угоду обществу является самоцелью уголовно-процессуальной деятельности.

Несомненно, при отправлении правосудия суд, руководствующийся законом и совестью, так или иначе воспринимает общественное мнение по рассматриваемому уго-

ловному делу, в особенности, когда такое дело возбуждает широкий резонанс.

Этим вопросом задавался еще А.Ф. Кони, пришедший в своих размышлениях к выводу, что общественное мнение имеет двойственный характер, с одной стороны, выступая как проявление общественной совести, с другой – общественной страсти, довлеющее на суд в принятии им решения, но, невзирая на это, суд обязан оставаться независимым⁴.

В свою очередь В.К. Случевский видел еще одно позитивное значение гласного судопроизводства на этапе расследования уголовного дела, выражающееся в объединении гражданского общества в борьбе с преступностью путем оказания активного содействия органам государственной власти в обнаружении ранее неизвестных свидетелей и новых источников доказательственной информации («улик»), что возможно только в условиях гласности⁵.

Однако, несмотря на все отмеченные позитивные тенденции, которые несет в себе идея рассмотрения дела в условиях гласности, она имеет и своих оппонентов, приводящих не менее интересные аргументы в защиту тайного судопроизводства.

К ним относятся, к примеру, представители итальянской антропологической школы: Чезаре Ломброзо, Энрико Ферри, Рафаэле Гарофало, считавшие, что демонстрация в ходе открытых процессов обстоятельств совершенных преступлений может оказать негативное влияние на скрытых преступников, подтолкнув их к совершению общественно опасного деяния, предоставляя схемы и способы их осуществления⁶.

Оппонируя защитникам тайного судопроизводства, В.К. Случевский берет на вооружение мнение Государственного сената, отмечая, что суд не является источником формирования и распространения преступных идей, напро-

тив, суд выступает их разоблачителем после того, как они проникают в общество, поэтому не тайность является оружием против них, а гласное обличение⁷.

И.Я. Фойницкий, В.К. Случевский, А.Ф. Кони не случайно входят в плеяду классиков уголовно-процессуальной науки, поскольку их воззрения, выдвинутые еще на рубеже IX–XX века, как никогда актуальны и в настоящее время. Подтверждением тому является эмпирический материал, полученный нами в процессе исследования.

Так, интервьюирование судей по вопросу значения гласности для отправления правосудия продемонстрировало, что 85% респондентов склоняются к мнению, что гласность в большей степени содействует функции информирования общественности и функции социального контроля деятельности судебных органов, чем защите прав и законных интересов обвиняемого или потерпевшего.

Опираясь на озвученные результаты и теоретическую составляющую нашего исследования, мы приходим к следующему основному выводу.

Неоспорим тот факт, что человек есть существо политическое⁸, общественное. Все поступки человека нуждаются в оценке социума. В уголовно-процессуальной деятельности, в силу ее специфичности, жесткости нормативного регулирования, такой оценкой выступает гласное судопроизводство. Судебное разбирательство с участием общественности, «оглашение» приговора, имеет цель предупреждения других членов общества от совершения подобных преступлений, носит превентивный характер, способствует реализации принципов уголовного процесса и несет в себе ряд иных выше обозначенных положительных тенденций. Но в таком случае возникает закономерный вопрос: почему же тогда в уголовном процессе имеет место закрытое судебное разбирательство, если в условиях глас-

ного судопроизводства в наибольшей степени реализуются принципы уголовного судопроизводства?

Ответить на него следует так. Гласность допустима и желательна, если отсутствует риск распространения какой-либо информации, разглашение которой может повлечь наступление негативных или общественно опасных последствий.

Здесь противовесом гласности выступает тайна – как условие уголовного судопроизводства, обеспечивающее ограничение доступа к сведениям, разглашение которых может повлечь существенное нарушение прав, свобод, законных интересов личности, общества и государства.

Так, УПК РФ предусматривает следующие основания, ограничивающие гласность судебного разбирательства, перечисленные в ч. 2 ст. 241, в случаях когда:

1) это может привести к разглашению государственной или иной охраняемой законом тайны;

2) при рассмотрении уголовных дел о преступлениях, совершенных лицами, не достигшими возраста шестнадцати лет;

3) при рассмотрении уголовных дел о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности, других преступлениях, что может привести к разглашению сведений об интимных сторонах жизни участников уголовного судопроизводства либо сведений, унижающих их честь и достоинство;

4) в интересах обеспечения безопасности участников судебного разбирательства, их близких родственников, родственников или близких лиц.

Согласно ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года закрытое судебное заседание полностью или частично допускается по моральным соображениям, для обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних, при защите частной жизни, по сообра-

жениям государственной безопасности и общественного порядка, а также для обеспечения интересов правосудия⁹.

Соответственно тайна превалирует над гласностью в данном случае, охраняя наиболее важные общественные отношения. Обращаясь к необходимости соблюдения тайны в уголовно-процессуальной деятельности, иными словами, недопустимости разглашения данных предварительного расследования, следует выделить ряд основополагающих элементов.

Особенности досудебного производства, выражающиеся в необходимости розыска лиц, подлежащих привлечению к уголовной ответственности, недопущении уничтожения возможных доказательств соучастниками, по мнению В.П. Божьева, обуславливают ограничение разглашения сведений, имеющих значение для уголовного дела, ибо в противном случае возникает опасность в причинении вреда как интересам расследования, так и правам и интересам участников уголовного процесса¹⁰.

М.Н. Лонгвинов, оперируя данными международных исследований, констатирует, что наибольшее распространение как средство противодействия уголовному правосудию в настоящее время имеет использование информации по расследуемым делам, полученной преступным путем, для угроз, насилия или оказания иного противоправного воздействия на судей и участников уголовного судопроизводства¹¹.

Не вызывает сомнений тот факт, что преступники заинтересованы различными способами получить значимую информацию по уголовному делу для последующего оказания противодействия расследованию с целью сокрытия интересующих следствие фактов, а также для оказания воздействия на свидетелей, потерпевших, как посредством угроз и шантажа, так в отдельных случаях и физического уничтожения.

Правовой режим обеспечения ограниченного доступа к сведениям, имеющим значение для расследования уголовного дела, а также сохранение в тайне сведений о мерах безопасности, являются процессуальными гарантиями обеспечения прав и интересов потерпевших и свидетелей, должностных лиц, иных участников производства, а также интересов предварительного расследования.

Указанный правовой режим воплощается в качестве общего условия недопустимости разглашения данных предварительного расследования, закрепленного в статье 161 УПК РФ. Разглашение данных предварительного расследования и сведений о мерах безопасности, примененных в отношении участников уголовного судопроизводства, влечет наступление уголовной ответственности по статьям 310 и 311 УК РФ соответственно.

Резюмируя вышесказанное, мы подходим к следующему основному выводу. Тайна досудебного производства выступает одним из условий расследования уголовного дела. В расследовании преступления внешним негативным воздействием на процесс познания по уголовному делу является деятельность лица, его совершившего, по уничтожению, изменению и сокрытию доказательств, оказанию давления на потерпевшего, свидетелей, воспрепятствованию установления объективной картины совершенного преступления и его роли нем. Сохранение в тайне планируемых и принимаемых следователем или дознавателем решений по расследованию уголовного дела обеспечивает независимость расследования и достоверность его результата. Кроме того, тайна в уголовно-процессуальной деятельности является гарантией обеспечения безопасности участников, в нее вовлеченных, к чему следует отнести меры безопасности, предпринимаемые в отношении лиц, проходящих по уголовному делу.

Оглашение результатов отдельного следственного действия (к примеру, ознакомление с протоколом, демонстрация хода его проведения представителям общественности), гласное судебное заседание, способствует осуществлению функции общественного контроля над деятельностью органов, осуществляющих уголовное судопроизводство.

Таким образом, сбалансированное сосуществование гласности и тайны обеспечивает познающему субъекту – должностному лицу, ведущему расследование, – достижение достоверного результата, суду – вынесение правосудного решения, участникам судопроизводства – защите прав и законных интересов.

Примечания

1. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. / под ред. А.В. Смирнова. СПб., 1996. Т. I. С. 35.

2. *Случевский В.К.* Учебник русского уголовного процесса. СПб., 1892. С. 59–72.

3. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. / под ред. А.В. Смирнова. СПб., 1996. Т. I. С. 35.

4. *Кони А.Ф.* Русское уголовное судопроизводство. Часть общая. СПб., 1878. С. 39.

5. *Случевский В.К.* Учебник русского уголовного процесса. СПб., 1892. С. 59–72.

6. Там же.

7. *Случевский В.К.* Учебник русского уголовного процесса. СПб., 1892. С. 59–72.

8. *Аристотель.* Политика: сочинения: в 4 т. М., 1984. Т. 4. С. 38.

9. Совет Европы и Россия: сборник документов. М., 2004. С. 48–49.

10. *Божьев В.П.* Уголовный процесс: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юрис-

пруденция» / под ред. В. П. Божьева. 3-е изд., испр. и доп. М., 2012. С. 82.

11. *Лонгинов М.Н.* Уголовная ответственность за разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении участников уголовного судопроизводства: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 14.

Д.В. Борисов,
адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
к.ю.н. *Е.С. Кузьменко*

**СУЩНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
В ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНЫМ
ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ
НОВОГО ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОГО
МЕРОПРИЯТИЯ «ПОЛУЧЕНИЕ
КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ»**

В настоящий период времени практически во всех современных демократических правовых государствах права и свободы человека и гражданина находятся на первом месте и являются высшей ценностью. Данная тенденция отражена в международных и внутригосударственных нормативных актах различных государств. Так, в статье 2 Конституции Российской Федерации закреплено: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства»¹. Иначе говоря, права и свободы человека – самые важные аспекты в деятельности государства, одновременно являются объектами международного и внутригосударственного регулирования и протекции.

При этом в то же самое время в демократическом правовом государстве на необходимом уровне должна функционировать система защиты от террористической, экономической или иной угрозы данному обществу. Опе-

ративно-разыскной процесс, на наш взгляд, можно обозначить и определить как применение в заданном порядке компетентными должностными лицами, сотрудниками оперативных подразделений органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, правовых актов оперативно-разыскного законодательства и раскрывающих их норм подзаконных нормативных актов с целью решения задач оперативно-разыскной деятельности согласно предусмотренным действующим законодательством проведения оперативно-разыскных мероприятий, то есть основанную на законе и облеченную в форму правовых отношений деятельность правоохранительных органов, использующих негласные и иные специальные силы и средства, а также участвующих в ней лиц. В настоящий период времени Интернет и информация, хранящаяся в электронных носителях, в том числе в компьютерах, имеет большое значение для своевременного выявления внутренних и внешних угроз. Наличие разрешения на обработку компьютерной информации позволит задокументировать большее количество преступлений, а также и пресечения их вовсе. Следует также отметить недостаточную изученность правоприменительной практики на сегодняшний день по применению данного нового оперативно-разыскного мероприятия по причине многоаспектности и сложностей, которые стоят в настоящий период времени перед следственно-судебной практикой при применении норм доказывания по уголовным делам экономической направленности компьютерной информации, полученной оперативно-разыскным путем, в связи с чем было принято изменение в Федеральный закон «Об оперативно-разыскной деятельности» от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ, а именно добавлено к имеющимся 14 оперативно-разыскным мероприятиям новое оперативно-разыскное мероприятие «получение компьютерной информации» в список опера-

тивно-разыскных мероприятий (ст. 6 ФЗ «Об ОРД»)². Существует множество определений компьютерной информации как в социальной сети «Интернет», так и в периодических изданиях, монографиях, авторефератах и диссертациях, однако, по нашему мнению, наиболее полное и универсальное определение нового оперативно-разыскного мероприятия отразили в своей статье А.Ф. Мицкевич и А.В. Суслопаров. Под компьютерной информацией нужно понимать не какой-то особый вид информации, а специфическую форму ее представления, приспособленную для обработки в компьютерных устройствах, передачи по каналам связи и хранения на специализированных носителях³. Главный вопрос состоит в том, в чем сущность и нововведение данного мероприятия и нужно ли оно настолько, что потребовалось внести изменение в статью 6 Федерального закона «Об ОРД», которая, важно подчеркнуть, не менялась с начала 1999 года. В современном обществе идут многочисленные дискуссии относительно необходимости введения данного мероприятия и сущности его в рамках доказательства в уголовных делах экономической направленности. Использование технических средств придает большую объективность результатам ОРМ, и соответственно возрастает их доказательственное значение. При проведении данного нового оперативно-разыскного мероприятия отбрасывается в сторону «человеческий фактор», а также субъективизм, на которых всегда акцентируют внимание защитники в рамках судебных прений. В сочетании с судебной санкцией получение информации с применением технических средств в ходе ОРД позволяет существенно объективизировать результаты данной категории ОРМ и значительно менее «играть» на «незаконности» проведения данного мероприятия, что означает меньше апелляций со стороны защиты по данному вопросу в ходе судебных прений.

Сведения о данных нахождения субъекта заинтересованности в различных социальных сетях предоставляют возможность органам предварительного следствия зафиксировать и приобщить данную информацию к материалам доказательства уголовного дела. Несомненно, документация данных сведений ложится на плечи органов оперативно-разыскной деятельности. При «наработке» статей экономической направленности, к примеру статьи 146 Уголовного кодекса Российской Федерации «Нарушение авторских и смежных прав» проведение оперативно-разыскного мероприятия «получение компьютерной информации» позволит собрать информацию, какими интернет-сайтами, социальными сетями, форумами, программами пользовался объект при осуществлении преступной деятельности (установка и распространение лицензируемого программного обеспечения без получения на то соответствующей лицензии (разрешения) от правообладателей), дату и время скачивания той или иной программы. Документирование данных аспектов и предоставление органам предварительного следствия результатов проведенного нового оперативно-разыскного мероприятия даст более устойчивую позицию в судебных прениях стороне обвинения и тем самым сократит маневрирование стороной защиты, каким-либо апелляционными сомнениями. Причем развитие научно-технических средств противоречиво отражается на использовании результатов ОРМ в доказывании. Решение задач раскрытия и расследования преступлений требует применения только таких технических средств, которые обеспечивают объективное отражение следов, предметов, документов и т. п. Возрастают требования к уровню квалификации работников оперативных подразделений и их действий по получению, накоплению, обработке и передаче информации⁴.

Фундамент ОРМ «получение компьютерной информации» составляют сложные в техническом аспекте и требующие профессиональной подготовки действия, направленные на получение находящихся в электронных носителях, в том числе в компьютерах, информации о лицах и фактах, которые вызывают оперативный интерес. Практически во всех случаях их надлежащее применение невозможно без участия обученного специалиста. Данный аспект указан в части 4 статьи 6 Федерального закона «Об ОРД», что ОРМ, связанные с получением компьютерной информации, проводятся с использованием оперативно-технических сил и средств органов Федеральной службы безопасности и органов внутренних дел.

Немаловажно подчеркнуть, что оперативным подразделениям следует более плотно сотрудничать со следственными органами, в том числе как по наработке материалов процессуальной проверки, так и в рамках возбужденного уголовного дела из получения компьютерной информации, направленной на пресечение преступлений экономической сферы. Качество реализации намеченных мероприятий в немалой степени зависит от того, учтены ли при составлении плана возможности взаимодействия с различными службами органов внутренних дел и другими государственными и общественными организациями либо коммерческими организациями. Благоприятные предпосылки для такого взаимодействия возникают при специализации определенных сотрудников следственного и оперативного аппаратов на делах о преступлениях против экономической безопасности государства. В ходе проведения первоначальных следственных действий оперативно-разыскные мероприятия направлены: на установление лица, совершившего преступление; организацию мер по розыску и задержанию преступников; выяснение отдельных обстоятельств преступления (например, выявление свидетелей, соучастников преступления); изучение личности предполагаемого преступ-

ника (получение сведений об условиях жизни и т. д.); сбор информации о готовящихся преступлениях и о принятии мер к их пресечению; получение данных о похищенных ценностях и имуществе, о возможностях возмещения ущерба, причиненного преступлениями⁵. Взаимодействие со специализированными подразделениями поможет следователю получить более полную информацию о объекте посягательства, что будет способствовать объективности расследования. Основой взаимодействия следственных и оперативных работников должно быть установленное законом разграничение их компетенции, чтобы деловой контакт в работе не подменялся незаконной передачей полномочий. Тенденция взаимодействия оперативных и следственных подразделений на ранних этапах наработки материала позволит более качественно выявить и зафиксировать совершение преступлений, направленных на подрыв экономической безопасности как предпринимателей и организаций, так и государства в целом. Ввиду добавления нового оперативно-разыскного мероприятия «получение компьютерной информации» и отсутствия практики его применения необходимо разработать совместные инструкции по взаимодействию оперативных и следственных подразделений, а также внести изменения в Уголовно-процессуальный кодекс РФ в части, касающейся изъятия электронных носителей, содержащих информацию, имеющую значение для пресечения готовящегося и раскрытия совершенных преступлений экономической направленности.

В заключение рассмотрения данной тематики хочется подчеркнуть, что появление нового оперативно-разыскного мероприятия предоставляет возможность правоохранительным органам копировать данные с компьютерных устройств всех типов, которые могут использовать физические либо юридические лица, однако важно отметить, что в настоящий период времени не наработана практика применения, в том числе каким образом и в каких случаях требует-

ся решение суда на проведение данного ОРМ. На наш взгляд, получение судебного разрешения на использование данного мероприятия позволит более грамотно и уверенно выстроить линию обвинения при доказывании по уголовным делам о виновности лиц, что ограничит сторону защиты в области протестов относительно недопустимости доказательств, незаконности его проведения.

Примечания

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.

2. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.05.2017).

3. *Мицкевич А.Ф., Сулопаров А.В.* Понятие компьютерной информации по российскому и зарубежному праву // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 2. С. 206–209.

4. См.: *Кучерук Д.С.* К вопросу об использовании в доказывании результатов гласных оперативно-розыскных мероприятий // Проблемы юридической науки в исследованиях докторантов, адъюнктов и соискателей: сборник научных трудов / под ред. В.М. Баранова и М.А. Пшеничникова. Н. Новгород, 2009. Вып. 15. С. 48–51.

5. См.: *Плахотнюк Ю.И.* Взаимодействие органов предварительного следствия с оперативным и другими подразделениями при расследовании уголовных дел по преступлениям против семьи и несовершеннолетних // Государство и право: теория и практика: материалы II Международной научной конференции (г. Чита, март 2013 г.). Чита, 2013. С. 68–70.

Ю.В. Гарцева,
адъюнкт адъюнктуры
НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., профессор *А.А. Демичев*

**ДОВЕРИЕ В СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЯХ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА
КАК ПРИЗНАК
МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Первичной социальной ячейкой и источником воспроизводства социума является семья. На протяжении всей эволюции общества трансформировался и институт семьи, а также правовое регулирование брачно-семейных отношений. Однако необходимо отметить, что отношения в семье регулируются не только нормами права, но и нормами морали, религиозными нормами и другими социальными регуляторами. Особое место в семейных отношениях занимает эмоциональное начало, на котором основываются межличностные отношения всех членов семьи.

Каждая семья – это малая социальная группа, которая базируется на личных и доверительных отношениях между супругами, родителями и детьми. Ни для кого не секрет, что любые отношения строятся на доверии. Но не все в жизни соответствует нашим ожиданиям, и часто даже самые близкие люди своими поступками разрушают доверительные отношения. И неважно, кто и почему не оправдал ожиданий, смириться с предательством всегда нелегко, а восстановить прежние отношения, порой кажется, даже и невозможно.

Доверие в социологии и психологии – открытые, положительные взаимоотношения между людьми, содержащие уверенность в порядочности и доброжелательности другого человека, с которым доверяющий находится в тех или иных отношениях. Так, Большой толковый социологический словарь определяет доверие как «веру в надежность человека или системы»¹.

Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона дает такое определение понятию «доверие»: «так называется психическое состояние, в силу которого мы полагаемся на какое-либо мнение, кажущееся нам авторитетным, и поэтому отказываемся от самостоятельного исследования вопроса, могущего быть нами исследованным»²; Толковый словарь русского языка определяет доверие как: «Уверенность в чьей-н. добросовестности, искренности, в правильности чего-н.»³. Кроме того, Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля трактует понятие «доверие» как «чувство или убеждение, что такому-то лицу, обстоятельству или надежде можно доверять, верить; вера в надежность кого, чего»⁴.

Доверие в семейной жизни приобретает особое значение, поскольку выполняет роль «цементирования» семейных отношений – противостояния распаду семьи и возникновению семейных кризисов.

Исследование нормативных актов, регламентировавших брачно-семейные отношения в XVIII – начале XX века, показывает, что царивший в семье патриархальный уклад не допускал возникновения доверительных отношений, так, т. X кн. III Свода законов Российской империи определяет достаточно диспозитивные нормы, регулирующие семейный уклад.

Примером «диспозитивности» правовых норм является ст. 6 т. X кн. III Свода законов, которая регламентирует требование вступления в брак и определяет его как

дозволение родителей, опекунов или попечителей. Но стоит обратить внимание на дополнение к указанной статье: норма ст. 12 т. X кн. III Свода законов Российской империи определяет: «Брак не может быть законно совершен без взаимного и непринужденного согласия брачующихся лиц; посему запрещается родителям своих детей и опекунам лиц, вверенных их опеке, принуждать к вступлению в брак против их желания»⁵. Обратим внимание на то, что содержание семейных отношений определяется не только законом, но и нормами нравственности и морали, одной из этических категорий которой является доверие. Стоит отметить, что после вступления в брак супруги могут самостоятельно определять место жительства, уклад жизни, систему воспитания детей. Отсюда вывод: зачастую отношения между супругами, выражающиеся в совместном проживании, воспитании детей, строятся на доверии, причем их доверительный характер определяется не только кровным родством, но и уважением, любовью – сугубо нравственными основами. На наш взгляд, лично-доверительные отношения и придают межличностный оттенок семейным отношениям. Доверительные отношения в семье довольно подробно описаны в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин», где в семье Лариных между супругами царило согласие и взаимопонимание, где супруга распорядилась хозяйством, «мужа не спросясь»⁶. Основанная на патриархальном укладе семья, где исправно «хранили в жизни мирной привычки милой старины», воспитывает дочерей на сочетании чтения французских романов и наивной веры в «преданья простонародной старины... сны, карточные гаданья и предсказания луны», что свидетельствует о доверии между супругами при определении методов воспитания детей.

Как справедливо отмечает М.В. Антокольская, семейное право почти никогда не придает лично-довери-

тельному элементу правовой характер аналогично тому, как это происходит в гражданско-правовых отношениях, которые появляются из договора поручения или доверительного управления имуществом⁷. Это действительно так, поскольку семейно-правовые нормы реализуются в определенных правоотношениях исключительно тогда, когда доверие в кругу семьи, а также между иными субъектами семейного права уже потеряно, а потому возникла конфликтная ситуация, требующая разрешения. Поэтому там, где возникает конфликтная ситуация, доверие утрачивает свою силу и межличностные отношения между супругами приобретают правовую природу. Примером утраты доверия и наступления правовых последствий может стать измена одного из супругов. В этом случае супруг может не простить измену, и семейные отношения начинают подпадать под действие норм права. Супруг может подать на развод, что влечет определенные правовые последствия. Другой вариант развития семейных отношений в случае измены супруга представлен в романе Льва Николаевича Толстого «Анна Каренина»⁸, где главная героиня романа Анна Каренина решает на измену мужу. Супруг Анны Алексей Александрович Каренин пытается остановить развитие отношений Анны и ее нового возлюбленного Вронского. Как мы видим из содержания романа, супруга идет на измену, но Алексей Каренин, узнав об измене Анны, не идет на развод с ней. Однако в конце романа главная героиня заканчивает жизнь самоубийством, бросаясь под поезд. В данном случае и наступают правовые последствия в виде вступления в права наследования ее родственников после смерти Анны Карениной. Стоит отметить, что в приведенном нами романе имеет место быть межличностный характер семейных отношений: после утраты доверия к Анне, ее супруг не пошел на развод, поэтому правовые последствия ее измены не наступили.

Таким образом, доверие в семейных отношениях, главным образом, определяет уклад семьи и ее быт. Однако не стоит забывать, что на основании наличия или отсутствия доверительных отношений и формируется правовой статус семьи.

Примечания

1. *Джери Д., Джери Дж.* Большой толковый социологический словарь. М., 2001. Т. 1. С. 188.

2. *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. СПб., 1893. Т. X. С. 842.

3. *Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений М., 1993. С. 172.

4. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: М., 1989. Т. 1. С. 448.

5. Свод законов Российской империи, 1832, Т.Х. Кн. III.

6. *Пушкин А.С.* Евгений Онегин. М., 1980.

7. *Антокольская М.В.* Семейное право. М., 2002. С. 17–18.

8. *Толстой А.Н.* Анна Каренина. М., 1970.

Д.М. Гнездилова,
адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
к.ю.н., доцент *А.Н. Лушин*

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ ГИБДД

Если говорить о современном механизме, обеспечивающем безопасность дорожного движения на территории России, то в его состав включено немало субъектов, деятельность которых регламентирована существенным объемом правовых норм, а функционирование данных правоотношений невозможно без значительных человеческих ресурсов.

Следует признать, что современные основы системы по обеспечению безопасного дорожного движения были заложены сравнительно давно. Этапы становления и развития данной системы обладают неразрывной связью. Проведение углубленного и всестороннего анализа указанных этапов обладает научным интересом для внедрения накопленного опыта в работу современной системы, служащей для обеспечения безопасности движения.

Целесообразно выделить определенные этапы, по которым развивалась система по обеспечению безопасности на дорогах в сочетании с правовым регулированием деятельности. Наличие данной периодизации способствует некой упорядоченности в исследовании процессов и дает возможность для системного отслеживания и анализа.

Немаловажно будет упомянуть о том обстоятельстве, что некорректно заниматься анализом этапов по формированию системы обеспечения дорожной безопасности,

не упоминая обо всем автомобильно-дорожном комплексе России, состоящем из транспорта, промышленности, дорожного строительства и смежных отраслей. Если рассматривать периодизацию в данном аспекте, то этот вопрос остается дискуссионным по причине того, что разные исследователи отличаются различными подходами.

В исследовании А.С. Квитчука¹ упоминается о трех основных этапах становления – имперском, советском, постсоветском. Автором определяется хронологическое разграничение в соответствии с изменением государственного устройства в стране. Если говорить о первом этапе, предшествующем событиям 1917 года, называемом имперским, то, по мнению А.С. Квитчука, «в этот период происходит формирование материально-технических и политико-правовых предпосылок, обусловивших возникновение в России единой системы сил и средств, обеспечивающих безопасность дорожного движения»². Второй этап становления рассматриваемой деятельности автор называет советским. Он характеризуется обособленными специализированными органами милиции, занимающимися безопасностью движения на дорогах и ставшими основными субъектами правоприменения. Третьему этапу исследователь дал название постсоветского. В этот период модернизировали советскую систему, обеспечивающую безопасность на дорогах, в сочетании с ее правовой переориентацией.

По нашему мнению, методика подобного хронологического разделения системы на три этапа развития весьма спорна.

С одной, стороны нельзя не согласиться с мнением А.С. Квитчука, что события 1917 и 1991 годов стали коренным переломом, изменившим общественно-политическую и правовую сферы жизни в нашем обществе.

С другой стороны, рамки рассматриваемых А.С. Квитчуком исторических этапов соответствуют масштабным

политическим событиям, происходившим в нашей стране и определившим направления ее развития. Если же говорить о развитии отечественного автомобильно-дорожного комплекса и системе по обеспечению безопасности на дорогах как одной из его составляющих, то нужно отметить, что эти процессы, лишь частично зависели от событий 1917 года и распада СССР, произошедшего в 1991 году.

Развитие системы по обеспечению безопасности на дорогах связано с влиянием множества иных факторов, а именно:

- уровнем развития сети дорог;
- уровнем развития правовых норм, регулирующих сферу по обеспечению безопасности дорожного движения, а также норм, регламентирующих деятельность служб, отвечающих за безопасность на дорогах;
- темпами роста выпуска автомобилей, как на отечественных предприятиях, так и в мировом масштабе;
- уровнем осознания населения необходимости соблюдения аспектов, направленных на безопасность на дороге;
- степенью вовлечения граждан в систему движения на дорогах, а также рядом иных факторов.

По моему мнению, определяющим критерием в периодизации системы по обеспечению безопасности на дорогах следует признать степень автомобилизации нашего государства. Для подобного суждения существует несколько весомых аргументов:

1. Система по обеспечению безопасности движения на дорогах возникла в качестве реакции общества на появление в конце XIX века нового средства передвижения, то есть автомобиля.

2. Поэтому следующим пунктом, в связи с массовым производством автомобилей, можно выделить необходимость в детальной правовой регламентации, определяющей нормы участия в системе дорожного движения.

3. В связи с возрастающим значением автотранспорта и автодорог, в том числе для повышения обороноспособности и экономики государства, возникла потребность в создании специальных служб по контролю и надзору, обладающих, в том числе и правоохранительными полномочиями.

По нашему мнению, наличие указанных обстоятельств доказывает, что основными критериями в разграничении этапов развития, а также регулировании всей системы по обеспечению безопасности на дорогах, явились: развивающееся автомобильное машиностроение, глобальное использование автомобилей в народном хозяйстве и соответственно потребность общества в правовом регулировании указанных процессов.

Наши взгляды во многом сходны с теми, которые отразил в своих работах Г.П. Рифицкий. Он весьма детально подходит к вопросу о периодизации этапов развития российской системы по обеспечению безопасности на дорогах. В своем исследовании³ он описывает несколько этапов: 1. Конец XVII – XIX век. 2. Конец XIX – начало XX века. 3. С 1928 до 1935 года. 4. С 1936 до 1945 года. 5. С 1945 до 1980 года. 6. С 1980 года по настоящее время.

Основным критерием, по мнению Г.П. Рифицкого, разработавшего данную хронологию, является развитие парка автомобилей в нашей стране. Однако данную периодизацию мы также признаем в некоторой мере дискуссионной. Рамки четвертого этапа, с 1936 по 1945 год состоят из мирного периода (с 1936 по 1941 год), и военных лет, с 1941 по 1945 год. Мы считаем, что автор не учел особую специфику, характерную для автомобильно-дорожного комплекса в военный период. Следует упомянуть и о другом дискуссионном моменте, характеризующем периодизацию данного автора. Рамки пятого этапа включают 35-летний отрезок времени, связанный с отечественным

автомобильно-дорожным комплексом и системой безопасности на дорогах. Мы считаем, что уместно разделение данного этапа на две части, приблизительно равные по времени. Первую часть можно увязать с народным хозяйством, а конкретней, с автомобильной отраслью, которая развивалась благодаря научно-техническому прогрессу в послевоенное время, и одновременно с неэффективным существующим механизмом по обеспечению безопасности на дорогах. Рамки второй части можно ограничить периодом со 2-й половины 60-х годов до начала 80-х годов XX века. Этот период связан с повышением внимания государства, озаботившегося организационно-правовыми вопросами безопасности в связи с бурно развивающимся автомобильным парком и формированием системы по обеспечению безопасности на дорогах. Центральное место в деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения в этот период отводится ГАИ МВД СССР.

Кроме того, необходимо дополнить хронологическую периодизацию деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения, предложенную Г.П. Рифицким, путем включения седьмого исторического этапа, а именно с 2011 года по настоящее время, что связано с существенными изменениями, последовавшими после принятия Федерального закона «О полиции».

Благодаря сравнительному исследованию мы дали формулировку определенной исторической периодизации этапов, определяющих развитие системы по обеспечению безопасности на дорогах, учитывая специфику данной сферы в комплексе с ее правовыми, техническими, экономическими и иными составляющими.

Если рассматривать в развитии отечественную систему по обеспечению безопасности на дорогах, то продолжительность первого этапа связана с большим временным промежутком, начиная с применения гужевого

транспорта и завершая 1928 годом. В это время государство не пыталось осуществить детальную правовую регламентацию дорожного движения. Историки исследовали многочисленные документы⁴, но в нормотворческой работе того периода не просматривается единая система. В связи с изобретением автомобиля ситуация в конце XIX века кардинально изменилась.

Появление на городских улицах автотранспорта потребовало проведения системной правовой работы, регламентирующей использование машин, так как уже в то время было понимание их значимости и опасности. Если рассмотреть вторую половину 20-х годов XX века, то она характеризовалась проникновением автомобилей в экономику страны. Тогда же произошло начало массового производства машин для всех сфер хозяйства Советского Союза. В нормотворческой деятельности государства относительно сферы обеспечения безопасности дорожного движения стали наблюдаться черты целенаправленности и упорядоченности.

Для второго исторического этапа характерной чертой является совпадение с годами Великой Отечественной войны. Мы рассматриваем данный период, начиная с 1928 года, когда началось массовое производство автомобилей. Вследствие этого обществу и государству пришлось позаботиться о создании специальных служб, предназначенных для обеспечения безопасного использования автомобилей. Такая служба требовала создания эффективной системы, обладающей достаточным набором государственно-властных полномочий.

Рамки третьего этапа данной периодизации ограничены годами Великой Отечественной войны. Этот этап необходимо выделить в связи с тем, что в военные годы автомобильному парку государства было суждено стать стратегическим фактором в отражении нападения противника.

Военное положение привело к кардинальным изменениям в сфере правоотношений, регламентирующих систему безопасности на дорогах. Государством делался акцент на решение задач, важных для военного времени.

Рамки четвертого этапа ограничены периодом с 1945 года по 60-е годы XX века. В этот период государство вело масштабную деятельность, поднимая экономику страны, развивая науку и технику. В то же время возникла необходимость проведения комплексных организационно-правовых преобразований, направленных на повышение эффективности системы по обеспечению безопасности на дорогах.

Начало 20-летнего пятого этапа совпадает с серединой 60-х годов и завершается в середине 80-х годов XX века. Данный период характеризуется бурно развивающейся автомобильной промышленностью СССР, растущим автомобильным парком страны, кардинальными изменениями в обеспечении безопасности на дорогах. На основании проведенного нами исследования⁵ можно сделать вывод, что в течение данного периода государством проводилась масштабная работа по созданию нормативно-правовой базы, ставшей основой для развития основных направлений на протяжении многих лет.

Вторую половину 80-х годов XX века характеризует демократизация во всех сферах государственной жизни, затронувшая в том числе сферу безопасности дорожного движения. Автомобильную отрасль вместе со смежными отраслями считают ключевым индикатором, определяющим рыночную экономику и успешность всего государства. В ситуации со взрывным ростом автопарка, начиная с конца 80-х – начала 90-х годов прошлого века, а также коренными изменениями в структуре системы безопасности, требовалось существенное количество времени для реализации организационно-правовых мер, а также их

адаптации в соответствии со стремительно происходящими изменениями, но без потери эффективности.

Началом шестого этапа, продолжающегося и сегодня, по развитию системы, обеспечивающей безопасность движения на дорогах, была середина 80-х годов XX века. Характеристикой данного этапа стало проведение масштабных социально-экономических преобразований, коснувшихся и автомобильно-дорожного комплекса, и деятельности по обеспечению безопасности на дорогах. В связи с либерализацией общества и распадом СССР в структуре автопарка произошло много изменений благодаря притоку иностранных автомобилей. Правда, эти автомобили зачастую были старше десяти лет и обладали криминальным прошлым. Явления, присущие 90 годам прошлого века, и сегодня характеризуют отечественную автомобильную промышленность, и их можно назвать глубоким системным кризисом. Отечественным автомобилям сложно конкурировать в условиях рынка с зарубежными моделями. Еще одной проблемой является плохое финансирование дорожного строительства и одновременно наплыв автотранспорта, что приводит к существенной диспропорции между протяженностью автомобильных трасс и числом автотранспортных средств. В течение рассматриваемого периода серьезно ухудшилась подготовка водителей, что привело к снизившейся дисциплине участников движения на дорогах и снижению культуры водителей. С 90 годами XX века связано множество открытых высказываний общественности по поводу проявлений коррупции среди работников Госавтоинспекции и вообще в системе МВД. Все эти обстоятельства негативно влияли на ситуацию на дорогах, приводя к аварийности, смертности, детскому дорожно-транспортному травматизму, большому числу дорожно-транспортных происшествий.

В 90-е годы прошлого столетия Госавтоинспекции пришлось столкнуться с непростыми переходными условиями, поэтому задача по обеспечению безопасности оказалась крайне сложной. Несмотря на комплекс принимаемых мер, уровень аварийности отличался разнонаправленной динамикой и не свидетельствовал о существенном улучшении дорожного движения в России.

Начало масштабных изменений в обеспечении безопасности на дорогах связано с первыми годами XXI века. Руководство страны восприняло проблему по обеспечению безопасности на дорогах как серьезную угрозу эффективности экономического развития. В 2006 году была принята Федеральная целевая программы «Повышение безопасности дорожного движения в 2006–2012 годах», в которой была обозначена задача по сокращению количества погибших в ДТП.

Подготавливая данную Программу, ее создатели учитывали и осмысливали наличие историко-правового опыта по обеспечению безопасности и комплексно подошли к стоящим перед обществом задачам. В Программе разработаны комплексные меры по подготовке водителей, изменению меры ответственности за совершение правонарушений, связанных с безопасностью движения, внедрению инновационных разработок, связанных с организацией и контролем движения, масштабными улучшениями инфраструктуры дорог.

О позитивных результатах, связанных с реализацией программы, можно говорить уже сегодня. При анализе аварийности отмечается тенденция, связанная с ее сокращением. Однако спешить с окончательными выводами рано.

Внедрение программ повышения безопасности на дорогах России В.В. Путин в ежегодном Послании Федеральному Собранию РФ на 2013 год назвал одной из актуальных задач развития страны, а также обозначил приоритетные цели, которые должны реализовываться в рамках

Федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в 2013–2020 годах».

На основании обзорного историко-правового анализа совершенствования системы по обеспечению безопасности на дорогах можно утверждать, что в качестве ключевого аспекта эффективности деятельности следует признать наличие скоординированного системного подхода к возникающим проблемам в сфере автомобильно-дорожного комплекса России.

У каждого этапа, входящего в отечественную систему по обеспечению безопасности на дорогах, была собственная специфика, определяемая явлениями, характерными для автомобильно-дорожного комплекса страны. Данные явления вызывали определенную реакцию государства и общественности, что приводило к принятию соответствующих правовых норм и проведению всевозможных организационных мероприятий, которые должны были обеспечить максимальную безопасность для всех участников дорожного движения.

Нельзя говорить только об общетеоретическом и историко-правовом значении научного изучения данных этапов. Благодаря их рассмотрению можно сформировать представление о перспективных практических направлениях, необходимых для совершенствования системы по обеспечению безопасности движения в настоящее время.

Примечания

1. *Квитчук А.С.* Система обеспечения безопасности дорожного движения в России (историко-правовое исследование): дис. д-ра. юрид. наук. СПб., 2006. С. 15–16.

2. Там же.

3. *Рифицкий Г.П.* Безопасность дорожного движения в России: история и современность: учебно-практическое пособие. М., 2005.

4. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. 6. С.525. Соборное уложение 1649 глава «О мытах, и о перевозах, и о мостах» или Указ Петра I от 16 ноября 1720 г. «О непропуске в Санкт-Петербург, когда шлагбаумы опущены, без фонарей, о езде извозчикам на взнузданных лошадях, и о непрошении по улицам и при церквах милостыни».

5. *Войтенков Е.А.* Организационно-правовые основы деятельности МВД СССР по обеспечению безопасности дорожного движения во второй половине 60-х – середине 80-х годов XX в.: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

А.В. Горбачева,
адъюнкт адъюнктуры
НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., профессор *С.П. Голубятников*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОВД

Экономические преступления в своих наиболее опасных проявлениях требуют дополнительных усилий по их раскрытию и расследованию. Задача правоохранительных органов состоит в надежной защите от преступников интересов государства, прав, интересов и собственности граждан, в том числе тех, кто честно ведет свой бизнес¹. Однако имеющийся у МВД России потенциал используется далеко не в полном объеме². Успешное выявление, раскрытие и расследование преступлений этой категории немислимо без активного использования института специальных экономических знаний.

Между тем в теории и в практике упор сделан либо на судебно-экономической, либо на судебно-бухгалтерской экспертизах, которые назначаются и производятся, как правило, в уголовно-процессуальной деятельности³. В рамках оперативно-разыскной деятельности такие формы применения специальных экономических знаний противоречат принципам негласного получения доказательственной информации и внезапности ее представления.

Появление в 2003 году специалистов-ревизоров в качестве аттестованных сотрудников оперативных подраз-

делений ОВД России породило множество организационных, тактических и процедурных проблем⁴. До настоящего времени не нашел убедительного решения вопрос о содержании специальных экономических знаний. Не решена проблема соотношения между различными формами их использования. До сих пор нет четкого представления о том, какими именно знаниями и полномочиями должен обладать специалист-ревизор, в какой момент возможно привлечение такого специалиста к участию и осуществлению оперативно-разыскных мероприятий (в том числе до начала проведения гласных мероприятий). Также не проработана методическая сторона процесса применения специальных экономических знаний специалиста. Недостаточно изучена проблема тактики проведения организационных и процессуальных действий с участием специалиста-ревизора.

Сама история становления, содержания, пути совершенствования и особенности использования специальных экономических знаний в ОРД до настоящего времени монографическому исследованию не подвергались.

По моим представлениям, корни многих подобных ситуаций кроются в возникших еще в прошлом веке ошибочных представлениях о тождестве содержания таких форм использования специальных экономических знаний, как документальная ревизия и судебно-бухгалтерская экспертиза.

К сожалению, на сегодняшний день уровень этих ошибочных представлений в значительной степени возрастает, о чем свидетельствует содержание ряда современных монографических исследований и инструктивных материалов, вполне обоснованно, подвергнутых критике в данной статье.

Особый интерес, на мой взгляд, представляет выявленная уникальная, но отрицательная тенденция, когда

ошибки практики применения специальных экономических знаний впоследствии находят закрепление в федеральном, в том числе в уголовно-правовом законодательстве. Думается, что появление в ст. 144 УПК РФ такого способа проверки сообщений о преступлении, как исследование документов, является тому примером⁵. В результате этот способ проверки начал вытеснять назначение документальных ревизий и проверок. Это породило новую проблему разграничения в содержании таких понятий, как «исследование документов, проводимое в порядке ст. 6 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» по инициативе оперативных работников»⁶ и «исследование документов, назначаемое следователем в порядке ст. 144 УПК РФ».

В связи с этим следует уделять особое внимание проблемным вопросам использования различных форм специальных экономических знаний в процессе выявления и раскрытия преступлений, тревожным тенденциям в законодательной и оперативно-следственной практике, связанной с необоснованным отождествлением таких форм, как документальная ревизия и исследование документов.

Мне лично представляется, что подобную ситуацию вполне можно исправить путем внесения коррективов в закон «О полиции», согласно которому на сегодняшний день исключено право оперативных работников требовать производства документальной ревизии.

Рассматривая вопрос о научной компетенции специалиста-ревизора, возможно, следует предложить собственную трактовку понятий о содержании специальных экономических знаний, включая в них обязательный для экспертов и специалистов-ревизоров комплекс не только общих экономических знаний, но и комплекс экономических знаний, адаптированных к задачам выявления и раскрытия преступлений. Это положение, на мой взгляд, должно быть учтено при разработке методического обеспечения дея-

тельности специалистов-ревизоров и при подготовке кадров, проходящих обучение по специальности 080101.65 «Экономическая безопасность».

Обращаясь к другому проблемному вопросу, а именно к определению статуса специалиста-ревизора как субъекта деятельности по выявлению и раскрытию преступлений, мы признаем недопустимым ограничение их функциональных обязанностей лишь исследованием документов, самостоятельно собранных оперативным работником и представленных специалисту, а наоборот, говорим о более активном участии специалистов-ревизоров в поисковой деятельности органов внутренних дел, в том числе путем сканирования экономической информации в целях обнаружения признаков преступлений.

Примечания

1. Расширенное заседание коллегии МВД России от 15.03.2016. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51515> (дата обращения: 17.03.2017).

2. Расширенное заседание коллегии МВД России от 09.03.2017. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54014> (дата обращения: 17.03.2017).

3. В соответствии с Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» допускается отбор образцов для сравнительного исследования и назначение судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела (см. ч. 1 ст. 144 УПК РФ).

4. Вопросы совершенствования государственного управления в Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 11 марта 2003 г. № 306 // Российская газета. 2003. 25 марта.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 223-ФЗ // Российская газета. 2001. 22 декабря.

6. Об оперативно-разыскной деятельности: федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33, ст. 3349.

**А.В. Гуськова,
адъюнкт адъюнктуры
НА МВД России.**

Научный руководитель –
д.ю.н., профессор *М.П. Поляков*

КОНФЛИКТНЫЕ СИТУАЦИИ, ВОЗНИКАЮЩИЕ МЕЖДУ УЧАСТНИКАМИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИИ ПЕРЕВОДЧИКА

По словам известной поэтессы В. Бедновой, «правда есть, но лишь в присутствии двух свидетелей». Однако, как показывает практика досудебного и судебного производства, присутствие свидетелей и понятых при производстве следственных и иных процессуальных действий не гарантирует достижение истины в высшей инстанции. Подтверждением этих слов служит наличие приговоров судов, вынесенных в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния, ответственность за которые предусмотрена статьей 307 УК РФ. Не представляет сложности завуалировать ложную информацию под истинную, когда одним из участников уголовного процесса является переводчик. И именно наличие таких попыток обмануть сторону обвинения и суд приводит к возникновению конфликтных ситуаций между различными участниками уголовного судопроизводства.

В рамках данной статьи рассмотрим несколько типовых ситуаций с участием переводчиков, свидетелей и подсудимых, которые могут привести к конфликтам. Под конфликтом в зависимости от приведенной ситуации мы будем понимать *«серьезное разногласие»* или *«спор»*¹.

1. Следователь – переводчик – свидетель.

Согласно толковому словарю свидетель – это «человек, лично присутствовавший при каком-нибудь происшествии, событии, очевидец», либо это «лицо, вызываемое в суд для дачи показаний об известных ему обстоятельствах дела»².

В соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 74 УПК РФ показания свидетеля имеют статус доказательства по уголовному делу. Если свидетель не владеет или недостаточно владеет русским языком – ему назначается переводчик. Таким образом, усложняется процесс получения информации. Свидетель может давать ложные показания, несмотря на предупреждение об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний. Либо переводчик может осуществить заведомо неправильный перевод сказанного свидетелем, искажая смысл отдельных фраз, или может не переводить часть информации, имеющей значение для расследования уголовного дела.

Приведем следующий пример: дело № 1-50/2011. Приговор вынесен 2 февраля 2011 года Трусовским районным судом г. Астрахани. В судебном разбирательстве участвовал переводчик А., оказывающий помощь подсудимому – гражданину Мавлидмагомедову Г.А., обвиняемому в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 307 УК РФ.

Мавлидмагомедов Г.А. сообщил в суде следующую информацию: являясь пассажиром автомобиля, в котором находился уже признанный виновным гражданин Б. (ч. 1 ст. 318, ст. 319 УК РФ), он стал очевидцем конфликта, спровоцированного сотрудником ГАИ. Гражданин Б., по его словам, противоправных действий не совершал. После анализа всех материалов по уголовному делу суд пришел к выводу, что Мавлидмагомедов Г.А. не мог находиться на месте преступления. Его показания, ранее данные им в качестве свидетеля, были признаны недостоверными.

Органами следствия действия Мавлидмагомедова Г.А. были квалифицированы по ч. 1 ст. 307 УК РФ как заведомо ложные показания свидетеля в суде. Гражданин был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 307 УК РФ, и ему было назначено наказание в виде штрафа в размере 10 000 рублей³.

В данном примере переводчик выступал информационно-коммуникационным посредником и осуществлял квалифицированный перевод всего сказанного сторонами, а также письменный перевод. Однако действия свидетеля привели к тому, что его показания (свидетеля) находились в диссонансе с обстоятельствами объективной действительности. Чтобы помочь другому лицу избежать уголовной ответственности, гражданин Мавлидмагомедов Г.А. согласился дать заведомо ложные показания. Благодаря активной деятельности стороны обвинения истина торжествовала.

Перейдем к рассмотрению следующего примера. Допрос свидетеля осуществляется как при производстве предварительного расследования, так и в суде в соответствии со ст. 278 УПК РФ. Именно суд выносит приговор, поэтому допрос свидетеля в суде приобретает особую значимость. По нашему мнению, особый интерес представляет перекрестный допрос, производимый после основного. Приведем следующий пример:

А: Можете ли вы под присягой утверждать, что это та самая шапка?

Б: Да, могу.

А: Вы внимательно рассмотрели эту шапку, прежде чем взяли утверждать, что она принадлежит подсудимому?

Б: Да.

Эсквайер Д.О'Конел, защищавший подсудимого Джеймса по делу об убийстве, берет в руки шапку и внимательно разглядывает ее.

А: Насколько я могу разобрать, на подкладке есть буквы Д-Ж-Е-Й-М-С, вы обратили внимание на эти буквы, когда нашли эту шапку?

Б: Да.

А: Вы видели их на ней?

Б: Да.

А: А Вы уверены, что это та же самая шапка?

Б: Я уверен.

Д.О'Конел, подходя к судье и показывая ему шапку: «Ваша честь, полагаю надо прекращать это дело. На шапке нет никакого имени»⁴.

Нередки ситуации, когда при проведении предварительного следствия свидетели сообщали одну информацию, а в суде меняли свои показания на противоположные.

При допросе свидетеля в суде, когда его показания противоречат ранее высказанным утверждениям, ученый Ф. Велман рекомендует задавать следующие вопросы: 1. Какое из Ваших утверждений правильно? 2. Вы забыли о своих словах, которые говорили раньше? 3. В чем состояла ваша цель – ввести в заблуждение суд⁵? 4. Какое из Ваших показаний является правильным: первоначальное или последнее? Также следует спросить свидетеля, не желает ли он исправить какой-либо из своих ответов⁶.

Если допрос осуществляется в отношении свидетеля, не владеющего или недостаточно хорошо владеющего русским языком, следует тщательно подыскивать подходящие для вопросов слова, которые были бы понятны не только обычному гражданину, но и иностранцу – носителю определенных культурных традиций и обычаев.

«Если вы ведете допрос медленно, то позволяете свидетелю обдумывать ответы и высказываться из трудных положений. Быстрый темп обеспечивает спонтанность ответов»⁷. При проведении перекрестного допроса с участием свидетеля, не владеющего языком уголовного судопроиз-

водства, быстрый темп допроса обеспечить практически невозможно. Фактор внезапности в этом случае теряется. Однако это не означает, что следует отказываться от такого полезного инструмента, как перекрестный допрос.

Резюме № 1: в уголовном судопроизводстве периодически принимают участие недобросовестные свидетели, которым оказываются переводческие услуги. Если обнаружится противоречивость показаний свидетеля благодаря фактам, предоставленным одной из сторон, свидетель может сослаться на осуществление переводчиком заведомо неправильного перевода. В связи с этим следует осуществлять видеозапись всех следственных и иных процессуальных действий, а также привлекать к участию на досудебных и судебных стадиях переводчиков, имеющих документы, подтверждающие их квалификацию. Это позволит защитить переводчика от возможной необоснованной критики свидетеля и самого свидетеля от переводчика, если последний неграмотен или имеет умысел на осуществление заведомо неправильного перевода.

2. Суд – подсудимый – переводчик.

Гражданин Шайлиев, по национальности карачаевец, был признан виновным в разбойном нападении на Долаевых и был осужден за убийство последних.

При проведении предварительного расследования в форме следствия Шайлиеву были предоставлены переводчики. Они участвовали в ряде следственных и иных процессуальных действий (при допросах, предъявлении обвинения, ознакомлении с материалами дела и др.). Однако обвинительное заключение, составлением которого завершается стадия предварительного расследования, не было переведено на карачаевский язык. Обвиняемому была вручена копия обвинительного заключения на русском языке.

Судом было отклонено ходатайство защитника Шайлиева о возвращении уголовного дела прокурору в связи

с нарушением ст. 18 УПК РФ ввиду следующих причин: «подсудимый имеет среднее образование, является студентом лингвистического университета...».

Судебное разбирательство велось на русском языке. В судебном заседании подсудимый заявил о необходимости воспользоваться услугами переводчика, так как ему непонятны отдельные юридические термины. Переводчик был предоставлен.

Шалиев отметил, что в школе учился плохо, из университета был отчислен за неуспеваемость, отказывался от услуг переводчиков при выполнении некоторых следственных действий из-за плохого знания некоторыми из них русского языка.

«При таких обстоятельствах вывод суда о том, что в ходе расследования не нарушены требования ч. 3 ст. 18 УПК РФ, ошибочен. Приговор был отменен»⁸.

Резюме № 2: обвинительное заключение должно быть переведено всегда, когда подозреваемый (обвиняемый) не владеет или недостаточно хорошо владеет языком, на котором ведется уголовное судопроизводство. Из-за одного непереведенного процессуального документа уголовные дела возвращаются прокурору, отменяются судебные приговоры. Это в очередной раз подчеркивает значимость функции переводчика.

3. Суд – подсудимый – адвокат.

Гражданин А. был признан виновным в совершении убийства на основании обвинительного вердикта коллегии присяжных заседателей.

В апелляционных жалобах адвокат осужденного А. просил об отмене приговора в связи с нарушением права осужденного на защиту, выразившимся в том, что гражданину А. как лицу, не владеющему русским языком, не был предоставлен вопросный лист на его родном языке.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ оставила приговор без изменения. Было разъясне-

но, что проект вопросного листа, формулируемый судьей в письменном виде, не относится к числу судебных документов, подлежащих обязательному вручению подсудимому. Поэтому в силу ч. 3 ст. 18 УПК РФ проект вопросного листа не подлежал письменному переводу на родной язык гражданина А.

Было отмечено, что в судебном заседании участвовал переводчик. Именно его услугами в части перевода вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями, следовало воспользоваться подсудимому А. В соответствии с протоколом судебного заседания, осужденный А. и его защитник принимали участие в обсуждении проекта вопросного листа⁹.

Резюме № 3: В УПК РФ отсутствует перечень документов, подлежащих обязательному переводу. Общее правило, которым следует руководствоваться, прописано в ч. 3 ст. 18 УПК РФ.

Конфликты в уголовном судопроизводстве есть и всегда будут. Участниками конфликтов выступают переводчики, свидетели, чаще – подозреваемые (обвиняемые), адвокаты и др. Во многом благодаря истинным конфликтам появляется возможность приблизиться к истине, восстановить нарушенные права участников уголовного процесса. Ложные конфликты напротив, связаны с затягиванием сроков уголовного судопроизводства, с написанием безосновательных жалоб и ходатайств участниками уголовного процесса. На наш взгляд, именно в истинном конструктивном конфликте рождается судебная истина.

Примечания

1. *Лопатин В.В., Лопатина Л.Е.* Малый толковый словарь русского языка: ок. 35 000 слов. 2-е изд., стереотип. М., 1993. С. 210.

2. Толковый словарь русского языка: более 15 000 слов / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 2010. С. 803.

3. Официальный сайт «РосПравосудие». URL: <https://rospravosudie.com/court-trusovskij-rajonnyj-sud-g-astraxani-astraxanskaya-oblast-s/act-101923411/> (дата обращения: 21.10.2016).

4. *Александров А.С., Гришин С.П.* Перекрестный допрос: учебно-практическое пособие. М., 2005. С. 232.

5. Там же. С. 205.

6. Там же. С. 240.

7. Там же. С. 233.

8. Официальный сайт Верховного Суда РФ. Бюллетень № 9. 2004 год. URL: http://www.vsrp.ru/vscourt_detale.php?id (дата обращения: 21.10.2016).

9. Официальный сайт Верховного Суда РФ. Бюллетень № 3. 2015 г. URL: http://www.vsrp.ru/vscourt_detale.php?id=9973&w (дата обращения: 21.10.2016).

А.Ю. Гуцин,
адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., профессор *И.А. Александрова*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РФ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

В сложных условиях реализации национальной и социально-экономической политики в стране разработка теоретических и прикладных вопросов уголовно-правовой охраны деятельности сотрудников органов внутренних дел¹ приобретает все большее значение.

При осуществлении повседневной служебной деятельности сотрудники ОВД затрагивают многие сферы общественных отношений, охраняемых уголовным законом. В связи с этим нормы уголовного закона не только дополнительно защищают жизнь и здоровье, честь и достоинство правоохранителей, но также предусматривают более жесткую ответственность в случае их нарушения. Широкий круг полномочий, возложенных государством на систему МВД, приводит нередко к тому, что деятельность сотрудников ОВД находится под противоправным воздействием или угрозой воздействия со стороны внутренних факторов, к которым прежде всего следует относить преступления, совершаемые самими же сотрудниками, а также угроз, исходящей из внешней среды.

Объект является одним из основных составляющих элементов уголовно-правовой охраны, поэтому он должен

быть раскрыт более понятно и содержательно, так как собственно объект ставится под уголовно-правовую охрану.

Прежде чем обратиться к анализу деятельности сотрудников ОВД как объекта уголовно-правовой охраны, необходимо определиться относительно содержания используемых категорий, которые в дальнейшем будут влиять на логичность приведенных обоснований.

В науке уголовного права традиционно принято считать, что в качестве объекта уголовно-правовой охраны рассматриваются общественные отношения, на которые направлено посягательство². Данная позиция легла в основу построения системы объектов уголовно-правовой охраны действующего Уголовного кодекса РФ. Однако стоит отметить, что в доктрине уголовного права с момента ее зарождения и до сих пор по поводу понятия и сущности объекта преступления выражаются различные взгляды.

В середине XIX века популярна была нормативистская теория права, согласно которой преступлением признается нарушение нормы права. Соответственно норма права и является объектом уголовно-правовой охраны³. Н.С. Таганцев считал, что объектом преступления всегда является юридическая норма в ее реальном бытии⁴. В свою очередь В.Д. Спасович, являясь представителем теории субъективного права как объекта преступления, считал, что «преступление есть противозаконное посягательство на чье-либо право, столь существенное, что государство, считая это право одним из необходимых условий общежития, при недостаточности других средств охранительных, ограждает ненарушимость его наказанием»⁵. Также в уголовно-правовой литературе дореволюционного периода в качестве объекта уголовно-правовой охраны рассматривались: «ценности, как условие здорового существования общества, защищаемые правовыми нормами жизненные интересы, правовые блага, и другие подобные явления»⁶.

В современной науке наиболее аргументированно позицию отрицания общественных отношений как объекта уголовно-правовой охраны выражает А.В. Наумов который, придерживаясь позиций классической и социологической школ уголовного права, предлагает считать объектом преступления «те блага (интересы), на которые посягает преступное деяние и которое охраняется законом»⁷.

На наш взгляд, уголовный закон охраняет в первую очередь именно общественное отношение, в котором выражается интерес или благо. Рассматривая общественное отношение как систему, состоящую из нескольких элементов: субъектов отношения; деятельности субъектов отношения во взаимосвязи их прав и обязанностей; предмета отношения (как раз именно интереса или блага, которые и являются катализатором возникновения отношения), становится ясно, что объектом уголовно-правовой охраны является именно общественное отношение.

В качестве общественного отношения деятельность сотрудников ОВД и ставится под уголовно-правовую охрану. Поэтому деятельность сотрудников ОВД как объект уголовно-правовой охраны необходимо рассматривать в системе элементов общественного отношения. Субъектами отношения, возникающего в процессе осуществления деятельности ОВД, являются непосредственно сами сотрудники ОВД, а также иные субъекты⁸, действиями которых причиняется вред или создается угроза причинения вреда деятельности сотрудников ОВД.

Статьей десятой Федерального закона от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 03.07.2016) сотрудником органов внутренних дел признается гражданин, который взял на себя обязательства по прохождению федеральной государственной службы

в ОВД в должности рядового или начальствующего состава и которому в установленном порядке указанным выше законом присвоено специальное звание рядового или начальствующего состава⁹. Из контекста данной статьи становится ясно, что сотрудником ОВД является лицо, имеющее устойчивую правовую связь с Российской Федерацией, выраженную в их взаимных правах и обязанностях. Необходимо отметить, что лицо будет считаться сотрудником ОВД только в том случае, если оно будет назначено на должность рядового или начальствующего состава, поскольку в положениях ФЗ № 342-ФЗ от 30 ноября 2011 года «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» есть указание на то, что в ОВД могут учреждаться должности, правоотношения по которым регулируются ФЗ «О государственной гражданской службе» и Трудовым кодексом РФ. Соответственно, лицо, занимающее в ОВД должность государственной гражданской службы или вольнонаемную должность, будет считаться лицом, проходящим службу в ОВД, но никак не сотрудником ОВД.

Следующим системообразующим элементом деятельности сотрудников ОВД как объекта уголовно-правовой охраны выступает непосредственно сам процесс осуществления деятельности сотрудниками ОВД.

Учитывая, что понятие и правовая сущность деятельности сотрудников органов внутренних дел в уголовном праве России изучены недостаточно полно, для конкретизация и уяснения категории «деятельность сотрудников ОВД» следует обратиться к такому понятию, как «правоохранительная деятельность», которое является родовым по отношению к рассматриваемому вопросу. Данный подход объясняется расположением объектов уголовно-правовой охраны в действующем УК РФ по вертикали (общий,

родовой, видовой и непосредственный). В нашем случае общим объектом будут являться общественные отношения, связанные с нормальной деятельностью всей совокупности государственных органов, родовым – общественные отношения, связанные с нормальной деятельностью правоохранительных органов, видовым – общественные отношения, связанные с нормальной деятельностью ОВД, а непосредственным – общественные отношения, возникающие при осуществлении конкретного направления деятельности, входящего в полномочия ОВД.

Правоохранительная деятельность является одним из видов государственной деятельности. В научной литературе встречаются разные взгляды на понятие правоохранительной деятельности. Л.К. Савюк определяет правоохранительную деятельность как «властно-организующую деятельность компетентных органов и лиц, направленную на охрану прав и свобод граждан, обеспечение законности и правопорядка в обществе»¹⁰. Также правоохранительная деятельность определяется как государственная деятельность, «которая осуществляется с целью охраны права специально уполномоченными органами путем применения юридических мер воздействия в строгом соответствии с законом и при неуклонном соблюдении установленного им порядка»¹¹. А.П. Рыжаков рассматриваемую категорию представляет как «предусмотренное нормативно-правовыми актами принятие решений и осуществление уполномоченными на то субъектами действий, направленных на защиту прав (свобод) и законных интересов физических, юридических лиц, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований и государства в целом, на обеспечение безопасности, законности и правопорядка, а также на борьбу с преступностью»¹². Вышеуказанные понятия рассматривают правоохранительную деятельность в ее широком смысле, то есть как «деятельность всех государственных органов (законодательной, ис-

полнительной и судебной власти), обеспечивающих соблюдение прав и свобод граждан, их реализацию, законность и правопорядок»¹³.

Нас же в большей степени, применительно к тематике данной статьи, правоохранительная деятельность интересует в ее узком смысле, как «деятельность специально уполномоченных (компетентных) органов обеспечения законности и правопорядка, которые существуют только или главным образом для выполнения таких задач, как выявление, пресечение и предупреждение правонарушений, применение различных санкций к правонарушителям и реализация мер воздействия (наказания)»¹⁴. Приведенное определение будет справедливо и по отношению к деятельности ОВД, за исключением одного немаловажного момента деятельность сотрудников ОВД сопряжена с выполнением ряда функций, напрямую не относящихся к правоохранительной сфере, но являющихся сопутствующими при выполнении задач, возложенных на ОВД. К таковым можно отнести деятельность подразделений внутренней службы ОВД (кадровые, тыловые, аналитические, информационные подразделения и т. п.), а также образовательные учреждения, функционирующие в системе МВД России.

Говоря о правовом регулировании деятельности сотрудников ОВД, необходимо отметить, что единого правового акта в этой сфере не существует. Сотрудники ОВД в своей деятельности руководствуются Конституцией РФ, федеральными конституционными законами, федеральными законами, указами и распоряжениями Президента РФ, постановлениями и распоряжениями Правительства РФ, общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации, ведомственными НПА.

Указом Президента РФ от 21 декабря 2016 года № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве

внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации»¹⁵, на ОВД возложены шесть основных задач в сфере внутренних дел страны, для реализации которых делегируются сто девять полномочий из разных сфер законодательства. Проведя анализ правовых актов в сфере внутренних дел, можно сделать вывод, что ОВД – это многофункциональные органы, на которые возложены следующие направления деятельности: административная, управленческая, оперативно-разыскная, уголовно-процессуальная, экспертно-криминалистическая, контрольно-надзорная деятельность за соблюдением выполнения законодательства РФ, охранно-конвойная, материально-снабженческая, социально-правовая, кадровая, аналитическая, информационная, деятельность по предоставлению государственных услуг, координационная, деятельность в условиях военного и чрезвычайного положения, а также в условиях гражданской обороны, мобилизационная подготовка, образовательная деятельность, а также иные направления деятельности в сфере внутренних дел.

Таким образом, в общем виде деятельность органов внутренних дел Российской Федерации представляет собой особый вид государственной деятельности, возлагаемый на сотрудников ОВД в ходе реализации властных полномочий и управленческих функций в сфере внутренних дел, от имени и по поручению государства.

Последним элементом рассматриваемого объекта уголовно-правовой охраны являются непосредственно сами социальные ценности (предмет отношений), по поводу которых и возникает необходимость уголовно-правовой охраны деятельности сотрудников ОВД. Следует подчеркнуть, что прежде в научных исследованиях деятельность сотрудников ОВД как самостоятельный объект уго-

ловно-правовой охраны изучению не подвергалась, поэтому выделение преступлений против деятельности сотрудников ОВД в отдельную группу, систематизация их, в науке уголовного права не встречаются. В действующем уголовном законе нормы об охране деятельности сотрудников ОВД «разбросаны» по различным главам. Сложившаяся ситуация объясняется прежде всего многообразием полномочий в сфере внутренних дел и масштабом общественных отношений, затрагиваемых деятельностью ОВД. Поэтому мы полагаем, что предметом возникновения уголовно-правовой охраны деятельности сотрудников ОВД является широкий перечень социальных ценностей, которым причиняется вред или которые находятся под угрозой причинения вреда, в ходе реализации полномочий сотрудниками ОВД в сфере внутренних дел. Среди них находятся: жизнь и здоровье, честь и достоинство, собственность, экономическая деятельность, общественная безопасность, здоровье населения и общественная нравственность, конституционный строй и безопасность государства, государственная власть и интересы службы в ОВД, правосудие и порядок управления.

Таким образом, под деятельностью сотрудников ОВД как объектом уголовно-правовой охраны следует понимать общественные отношения, охраняющие нормальное функционирование органа внутренних дел РФ в ходе реализации властных полномочий и управленческих функций, возлагаемых на его сотрудников в сфере внутренних дел, от имени и по поручению государства.

В заключение следует отметить, что без признания необходимости уголовно-правовой охраны деятельности сотрудников ОВД невозможно объяснить общественную опасность посягательств на рассматриваемый объект. Выделение деятельности сотрудников ОВД как конкретного объекта уголовно-правовой охраны будет способст-

воватъ выявлению степени и социальных свойств причиняемого преступлением общественного опасного вреда, основания и выбора средств его защиты, а также выработки правил построения уголовного закона и квалификации преступлений. Поэтому решение многих проблем уголовно-правовой охраны прежде всего зависит от выяснения сущности объекта уголовно-правовой охраны, определения его понятия.

Примечания

1. Далее – ОВД.
2. Уголовное право России. Общая часть / под ред. А. И. Рарога. 3-е изд., с изм. и доп. М., 2009. С. 80.
3. Курс уголовного права / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 2002. Т. 1. Общая часть: Учение о преступлении С. 248.
4. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Часть Общая: лекции: в 2 т. М., 1994 Т. 1. С. 178.
5. *Спасович В.Д.* Учебник уголовного права. Часть Общая. СПб., 1863. С. 84.
6. *Коржанский Н.И.* Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980. С. 11.
7. *Наумов А.В.* Российское уголовное право: курс лекций: в 2 т. 3-е изд., доп. и перераб. М., 2004. Т.1. С. 180.
8. Таковыми могут являться и сами сотрудники ОВД.
9. Собрание законодательства РФ. 2011. № 49, ч. 1, ст. 7020.
10. *Савюк Л.К.* Правоохранительные органы: учебник. М., 2004 С.14.
11. *Гуценко К.Ф., Ковалев М.А.* Природоохранительные органы. М., 2002. С. 9.
12. *Рыжаков А.П.* Правоохранительные органы: учебник для вузов. 4-е изд. / СПС «КонсультантПлюс», 2015.

13. *Савюк Л.К.* Правоохранительные органы: учебник М., 2004. С.15.

14. Там же.

15. Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации: указ Президента РФ от 21 декабря 2016 года № 699 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 52, ст. 7614.

А.Ф. Ковалев,
адъюнкт адъюнктуры
НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., доцент *В.В. Сверчков*

ЦЕЛЬ КАК ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

Рассматривая цель как правовую категорию, важно понимать, что она будет иметь одинаковую или, по крайней мере, схожую природу возникновения и развития, что и общеправовая категория цели.

Существует верное мнение о том, что правовая цель отражает исключительно конкретные правовые отношения, имеет конкретную природу и содержание¹.

Данное мнение подтверждается и другим высказыванием о цели в праве: «Теоретическое и практическое значение цели в праве по своей сути состоит в ее связи с выявлением социального назначения и служебной роли права в жизни общества, в эффективности его функционирования, с разработкой и изучением наиболее оптимальных путей, форм, методов правового воздействия на конкретные общественные отношения»².

Цель пронизывает своим существом все содержание права, она стимулирует, организует и направляет практическую деятельность соответствующих субъектов по ее претворению в жизнь. Уместно говорить, что цель как правовая категория направлена на изучение, развитие и совершенствование права как общесоциального явления без привязывания данного явления к конкретным временным, географическим и иным факторам. С момента появления права как социальной формации, как определенного

«эквивалента» справедливости, оно избрало целью своего движения (развития) процесс постоянного и всестороннего совершенствования.

В юридической науке под целью зачастую понимают нечто объективное, иногда заменяя ее понятиями: «итог», «результат», «последствие», а равно «объект» деятельности³. Думается, что данные «подмены», недопустимы, так как они в умах читателя могут посеять смуту и непонимание. Например, правовой итог можно трактовать и как четко определенный, сформулированный и утвержденный должным порядком нормативный правовой акт (конечная форма нормотворчества). В это самое время возможно понимать под правовым итогом и всю совокупность когда-либо изданных (утвержденных) нормативных правовых актов. Но в то же время под правовым итогом мы вольны понимать и определенное представление законодателя о будущем результате своей нормотворческой деятельности.

На данном примере мы наблюдаем неопределенность в трактовании понятий, а это недопустимо, учитывая значимость рассматриваемой нами материи. Цель как правовая категория есть идеально предполагаемая и гарантированная государством модель правового состояния или процесса, к достижению которой стремится субъект (субъекты) правотворческой, а равно правореализационной деятельности, используя при достижении ее определенные юридические средства⁴.

Мы видим, что позиция ученого, пускай более подробно, но в то же время в ключевых аспектах, полностью отражает определение, сформулированное нами в начале статьи.

Рассматривая цель права, ученые приходили к выводу о том, что понятие цели в праве связано с выявлением социального назначения и служебной роли права в жизни общества, эффективности его функционирования, с поис-

ком, изучением и разработкой максимально функциональных путей, форм и методов правового воздействия на общественные отношения⁵.

Подобного мнения о цели права придерживается и другой ученый, А.В. Стремоухов, который считает, что цель как правовая категория фактически пронизывает своим существом все содержание права. Цель права организует, стимулирует и направляет вектор практической деятельности субъектов нормотворчества⁶.

Итак, важно выделить закономерность приведенных выше понятий цели как правовой категории. Во-первых, цель необходимо рассматривать как организованную систему, которая состоит из взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов. Во-вторых, цель есть непрерывный процесс, в котором нормативные правовые акты выступают единомоментным срезом существующей на конкретный момент правовой действительности. В-третьих, цель права выступает как спрогнозированный законодателем результат (результатов) своей деятельности.

Обосновывая первую закономерность, существующую в понимании цели как правовой категории, необходимо выделить ряд присущих ей признаков:

- 1) цель в качестве модели устанавливается преимущественно государством в юридических нормах;
- 2) отражает наиболее общественно значимые интересы и потребности;
- 3) формально выражается в специфических правовых средствах своего определения и реализации;
- 4) отличается общеобязательной нормативностью;
- 5) ее единообразная практическая реализация гарантирована государственной властью⁷.

При этом А.А. Севостьянов считает, что существенным признаком цели как правовой категории является ее нормативность. Это связано с тем, что абсолютное боль-

шинство целей в праве – это указание не просто на желаемый результат, а на обязательное направление поведения. Цель в праве – императивно заданное устремление, которое делает ее эффективным регулятором социальных отношений⁸.

В приведенном выше понятии появляется еще одна значимая деталь, формирующая цель как правовую категорию – императивно заданное устремление. Данная деталь является весьма существенной, поскольку, дополняя понятие цели императивной составляющей, мы сразу конкретизируем ее сущностное содержание. Таким образом, цель становится обязательной для реализации (воплощения), отклонение от цели становится недопустимо (или как минимум не приветствуется). При всем этом противоречия не будет, даже если цель начнет меняться в процессе деятельности субъекта, так как новая цель, имея по аналогии со старой императивный характер, в одностороннем порядке будет отменять или видоизменять старую цель.

В этом высказывании автор исходит из проведенной аналогии между правовой целью и нормой права, имеющей императивный характер. Под императивной нормой в международном, а равно российском праве принято понимать норму, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой, носящей также императивный характер⁹.

Определившись с еще одной составляющей цели права, продолжим дальнейшее ее изучение, необходимое для получения квинтэссенции цели как правовой категории.

Мы определили, что цель как правовая категория обладает четко определенными, исключительными свойствами, позволяющими ей выступать в качестве базиса любой юридической деятельности. Именно цель объединяет действия, способы и средства субъектов деятельности. Цель позволяет достичь четко определенного результата.

Но особое значение для значительного повышения эффективности юридической деятельности имеет последовательность закрепления (формализации) целей¹⁰.

Под формализацией цели в праве, на наш взгляд, необходимо понимать ее сущностное представление как набора характерных признаков, использование которых позволяет понять цель более содержательным образом.

В настоящей статье мы проанализировали цель как правовую категорию, используя различные подходы к ее пониманию. Именно их совокупность (в том числе их формализация) и позволяет нам определить цель в качестве основной категории в праве, которая определяет объем не только своей, но и всех смежных понятий.

Цель является категорией субъективного порядка, так как напрямую зависит от субъекта деятельности (им создается и воплощается), в то же время итоги, а равно результаты деятельности, являются объективным воплощением (невоплощением) цели в правовой действительности.

«Индивидуальное понятие – это точка зрения, с которой индивид выражает мир»¹¹. Данное утверждение великого ученого (философа) мы позволим себе переосмыслить в соответствии с контекстом данной статьи и утверждать, что цель – это особая точка зрения, с которой субъект выражает желаемое будущее.

Но необходимо еще раз подвергнуть изменению данное понятие, максимально приблизив к нашей статье, говоря, что цель как правовая категория есть особая точка зрения, с которой субъект правотворчества выражает желаемое правовое будущее.

Данное понимание категории цели является максимально приближенным к субъекту, так как даже мы установили, что цель является категорией субъективного порядка. Таким образом, какого-либо противоречия данного понятия с другими (приведенными ранее) быть не может.

Мы склонны думать, что именно сейчас представление о цели как о правовой и философской категории будет полным, так как мы с вами увидели их зависимость. Цель как философская категория напрямую влияет на понимание цели как правовой категории. Основное же их различие заключается в императивном характере цели как правовой категории.

Данное обстоятельство формируется благодаря самой сущности права. Сущность права есть общая (как правило, императивная) воля, отражающая интересы населения и государства. Право выступает в качестве меры возможного и должного поведения человека в данном государстве. Содержание права выражается в форме двух принципов: для граждан – разрешено все, что не запрещено законом; для органов государственной власти – разрешено только то, что предусмотрено законом¹².

Мы видим, что, исходя из сущности и содержания права, все связанные с ней конструкции будут приобретать основополагающие черты исходного явления (права).

Таким образом, цель как правовая категория обязана приобрести черты, свойственные праву, а одна из ключевых черт – это его императивность.

В это самое время цель как философская категория несет на себе след противоречия, так как, с одной стороны, она выражает то, чего еще нет и что должно быть достигнуто, а с другой стороны – цель – есть сложившийся в сознании идеальный образ будущего результата¹³.

Данное противоречие не исчезает, когда категория «цель» переходит из философской в правовую, а наоборот, усиливается. Связано это с тем, что право не терпит неопределенности, а стремится к максимальной степени определенности. И говоря о цели, право стремиться не допускать неопределенности, используя для этого свою императивную природу.

Цель в праве является не просто желаемым результатом, а обязательным вектором, который избран субъектом для движения. Благодаря этому понятие «цель» приобретает в праве ясность и конкретику, которая не всегда свойственна и требуется в философии.

Подводя итог, нам хотелось бы привести высказывания великих людей о цели, которые будут служить косвенным подтверждением верности избранного нами вектора рассуждений. Так, говоря о цели, Ч. Дикенсон писал: «Пусть никто ни на шаг не сойдет с честного пути под тем благовидным предлогом, что это оправдывается благородной целью. Любой прекрасной цели можно добиться честными средствами. А если нельзя, то эта цель плоха». Его современник Ж.Э. Ренан вторил Ч. Дикенсону: «Чтобы привести в движение все свои силы, человеку нужно поместить впереди себя какую-нибудь благородную цель, способную его воодушевить». Наш великий соотечественник Л.Н. Толстой говорил: «Добро есть вечная, высшая цель нашей жизни. Как бы мы ни понимали добро, жизнь наша есть не что иное, как стремление к добру»¹⁴.

Автор выражает надежду, что цель как философская и как правовая категория будет всегда стремиться к достижению исключительно благородного, прекрасного, доброго.

Примечания

1. *Стремоухов А.В.* Цель как философская и правовая категория // Царскосельские чтения. 2016. Вып. XX. Т. III. С. 107.

2. *Матузов Н.И.* Личность. Права. Демократия: Теоретические проблемы субъективного права. Саратов, 1972. С. 31.

3. *Малько А.В., Шундилов К.В.* Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов, 2005. С. 9.

4. См.: *Шундиков К.В.* Цели и средства в праве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 8.

5. *Матузов Н.И.* Личность. Права. Демократия: Теоретические проблемы субъективного права. Саратов, 1972. С. 31.

6. *Стремоухов А.В.* Цель как философская и правовая категория // Царскосельские чтения. 2016. Вып. XX. Т. III. С. 108.

7. *Малько А.В., Шундиков К.В.* Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов, 2005. С. 43.

8. *Севостьянов А.А.* Соотношение цели в праве и иных правовых категорий // Вестник ТИСБИ. 2012. С. 4.

9. Ст. 53 Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 года. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 30.01.2017).

10. *Севостьянов А.А.* Соотношение цели в праве и иных правовых категорий // Вестник ТИСБИ. 2012. С. 5.

11. *Делез Ж.* Лекции о Лейбнице. 1980, 1986/87. М., 2015. С. 32.

12. См.: *Вишневский В.В.* Правоведение: курс лекций. М., 2004. С. 33.

13. *Казакевич Т.А.* Целесообразность и цель в общественном развитии. Л., 1969. С. 44.

14. Афоризмы великих людей. URL: <http://www.wisdoms.ru/185.html> (дата обращения: 31.01.2017).

Н.В. Летёлкин,
начальник адъюнктуры
НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., доцент *А.В. Петрянин*

**К ВОПРОСУ
ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ СИСТЕМЫ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-
ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ
(ВКЛЮЧАЯ СЕТЬ «ИНТЕРНЕТ»)**

Информационно-телекоммуникационные сети стали известны широким кругам российского общества всего около 20 лет назад. Это сравнительно небольшой срок для развития новой области общественных отношений. Если в конце 90-х годов XX века пользоваться сетевым пространством могли всего несколько тысяч человек, то сегодня эта цифра возросла в сотни тысяч раз.

По состоянию на конец 2015 года аудитория российского сегмента сети «Интернет» в рамках доменных имен «.ru», «.su» и «.рф» увеличилась на 9,2% и составила 80,5 миллионов человек, увеличилось на 9,3% количество выходящих в сетевое пространство ежедневно (по состоянию на начало 2016 года – 66,5 миллионов пользователей)¹. Следует отметить, что указанные цифры были обозначены в выступлении Президента РФ В.В. Путина на форуме «Интернет-экономика 2015»².

Домен «.ru» в 2015 году вошел в пятерку крупнейших в мире, в его структуре насчитывается более 5 миллионов имен. Абсолютным лидером среди кириллических доменов

является «.рф», он введен 12 мая 2010 года и насчитывает 900 тысяч имен.

В марте 2017 года аудиторные показатели также увеличились на 5,2%, уже 87 миллионов россиян (71% от населения Российской Федерации) являются активными пользователями сетевого пространства, из них ежедневными пользователями являются 70,8 миллионов человек. В настоящее время более 66 миллионов (54% от населения Российской Федерации) пользуются информационно-телекоммуникационными сетями с помощью мобильных аппаратно-технических средств.

Информационно-телекоммуникационные сети – это и значительная экономическая площадка, все более влияющая на отдельные отрасли экономики. В 2011 году влияние экономической составляющей сетевого пространства на ВВП страны составлял всего около 1%. В 2014 году – 2,4%, при этом доля интернет-зависимых рынков составила 16% в ВВП Российской Федерации, в конце 2015 года этот показатель уже достиг 19%. Объем экономики по итогам 2016 года составил 1817,53 млрд рублей. Для сравнения, в 2014 году этот показатель был равен 1094, 00 млрд³. Таким образом, за 3 года экономическая составляющая функционирования информационно-телекоммуникационных сетей увеличилась более чем на 723,53 млрд рублей⁴.

Рынок электронных сетевых платежей в 2017 году составил 804,43 млрд рублей. За 3 года, с 2014 года, этот сегмент экономики увеличился на 329,43 млрд⁵.

Более 40 миллионов человек в 2016 году ежемесячно совершали покупки в онлайн-пространстве, средний чек покупки оценивался в 4050 рублей. Сетевая туристическая отрасль также показала внушительные результаты и оценивается по итогам 2016 года в 409,73 млрд рублей⁶.

Следует отметить, что и аудиторные и экономические показатели, несмотря на не самые благоприятные условия

развития, показывают значительный рост, который в целом оказывает положительное влияние на жизнь общества, его эволюцию. Не выходя из дома, пользуясь возможностями сетевой телекоммуникации, можно обрести новые знакомства, купить или продать товары, услуги, совершить транзакции. Все это упрощает нашу жизнь.

Вместе с тем, активное распространение этих технологий порождает и некоторые отрицательные тенденции, так, все чаще сетевое пространство используется при совершении преступлений. Безусловным лидером среди объектов уголовно-правовой охраны является собственность. Анализ практики деятельности подразделений, осуществляющих противодействие хищениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, показал стремительный рост количества совершенных посягательств. На территории Нижегородской области за 12 месяцев 2015 года зарегистрировано 1267 фактов хищения в сети «Интернет», в то время как в 2014 году – всего 294⁷.

На территории Чувашской Республики по итогам 8 месяцев 2016 года количество таких фактов возросло на 1084%, со 116 до 1374.

Рост хищений указанной категории произошел практически во всех территориальных органах МВД России на районном уровне⁸.

Рост показателей присущ не только преступлениям против собственности. Все чаще информационно-телекоммуникационные сети используются в посягательствах, ранее не известных российскому обществу.

Следует отметить, что в настоящее время использование при совершении преступлений информационно-телекоммуникационных сетей учитывается законодателем при технико-юридическом конструировании 13 основных, квалифицированных и особо квалифицированных составов

преступлений, расположенных в 4 разделах Особенной части Уголовного кодекса РФ.

Так, в основном составе он предусмотрен в ст. 171² УК РФ «Незаконные организация и проведение азартных игр».

Также рассматриваемый признак отражен в основном составе ст. 185³ УК РФ, предусматривающем ответственность за манипулирование рынком. Он был введен Федеральным законом от 30 октября 2009 года № 241-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»⁹.

Следует заметить, что указанным Федеральным законом УК РФ дополнен ст. 185²–185⁴ УК РФ¹⁰. При этом использование при совершении преступления информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования (включая сеть «Интернет») в первоначальной редакции относилось к квалифицированному составу, расположенному в ч. 2 ст. 185³ «Манипулирование ценами на рынке ценных бумаг». В настоящее же время он относится к основному¹¹.

Рассматриваемый признак также относится к основному составу, закрепленному в ч. 1 ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства». Он введен в конструкцию состава Федеральным законом от 28 июня 2014 года № 179-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹².

В качестве квалифицирующего признак использования информационно-телекоммуникационных сетей закреплен в ст. 228¹ УК РФ «Незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства

или психотропные вещества». В указанную норму информационно-телекоммуникационные сети в качестве средства совершения преступления введены Федеральным законом от 1 марта 2012 года № 18-ФЗ¹³. В статье 242¹ УК РФ «Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних», 242² УК РФ «Использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов», предусматривающих ответственность за преступления в сфере незаконного оборота материалов порнографического содержания, квалифицирующий признак использования информационно-телекоммуникационных сетей введен Федеральным законом от 29 февраля 2012 года № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних»¹⁴. Кроме того, в качестве квалифицирующего рассматриваемый признак предусмотрен и в статье 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности», а также в статье 280¹ УК РФ «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации». В статье 280 УК РФ признак введен в 2014 году¹⁵, в статье 280¹ УК РФ – в 2013 году¹⁶.

Построить систему рассматриваемых преступлений исходя из разновидностей объектов уголовно-правовой охраны по вертикали не представляется возможным, основной объект составов преступлений также различный.

Системообразующими факторами в данном случае могут выступать факультативный объект и объективная сторона состава преступления в части определения средства совершения преступления, но как же быть с составами преступлений, при технико-юридическом конструировании

которых факт использования информационно-телекоммуникационных сетей не учитывается?

Таких преступлений в Особенной части Уголовного кодекса РФ подавляющее большинство. Следует отметить, что с развитием технологий сетевых телекоммуникации их становится все больше.

В качестве своеобразного подтверждения следует привести пример криминализации деяний, подпадающих под признаки ст. 110¹ УК РФ «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства» и 110² УК РФ «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства».

С 2014 года на просторах социальной сети «ВКонтакте» информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» стали появляться страницы под названием «Синий кит», «Киты плывут вверх» и т. д. Посетителей таких страниц склоняли к совершению самоубийства, подстрекательство происходило в форме игры, участник должен был выполнять задания «куратора», всего 50 заданий, иногда меньше. В первые 10–15 дней такой игры выполнение заданий ограничивалось рисунками, подготовкой стихов, записями песен. После «куратор» требовал фотоотчет акта членовредительства. Последнее задание сводилось к самоубийству. Официально итоги этой деятельности не подводились, но в средствах массовой информации публиковались сведения о сотнях несовершеннолетних, совершивших суициды¹⁷. Тобольским районным судом Тюменской области 17 июля 2017 года был вынесен первый приговор администратору такой страницы, он был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, ст. 110; ст. 110 УК РФ «Покушение на доведение до самоубийства и доведение до самоубийства». Своего рода итогом является криминализация ряда деяний, где в качестве квалифицирующих признаков выступает использование информационно-телекоммуникационных сетей.

Подход законодателя по введению рассматриваемого нами признака неверен, поскольку точечное его включение в структуру уголовного закона не способно в полной мере противостоять всей массе посягательств.

Например, при совершении доведения до самоубийства информационно-телекоммуникационные сети использовались и до 2014 года. Так, 21 декабря 2011 года Лазаревским районным судом вынесен обвинительный приговор в отношении С., которая, используя социальные сети, а соответственно и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет» в качестве средства совершения преступления, довела до самоубийства своего знакомого¹⁸.

Достаточно серьезное распространение получили информационно-телекоммуникационные сети при совершении деяний, направленных на незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств¹⁹. Существуют целые браузеры, «построенные» на технологиях луковой маршрутизации, обеспечивающие анонимность обмена информацией. Такую «тайную переписку» зачастую используют преступники. Возможность приобретения запрещенных в свободном обороте предметов порождает возможность совершения самых различных преступлений, в том числе и на стадии приготовления, ведь, например, осуществлять приискание орудия совершения преступления, используя подобные технологии, становится проще.

Существует масса примеров использования информационно-телекоммуникационных сетей при совершении развратных действий, вымогательств и других преступлений.

Так, в ноябре 2014 года Ш., используя компьютер, подключенный к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», создал в социальной сети «ВКонтакте» персональную страницу от имени малолетней, после чего стал вести активную переписку с совершеннолетними мужчинами, желающими совершить действия сексуального

характера с лицом, не достигшим 16-летнего возраста. В дальнейшем Ш. использовал материалы переписки при вымогательстве, требуя передать денежные средства, угрожая опубликовать данные²⁰.

В связи с тем, что информационно-телекоммуникационные сети непосредственно или опосредованно используются при совершении большого количества деяний, считаем обоснованным выделять две системы рассматриваемых общественно опасных форм противоправного поведения, где первая будет строится из преступлений, включающих этот признак как конструктивный, и определять способ, вторая – иные деяния, при совершении которых используются информационно-телекоммуникационные сети.

Выделение систем рассматриваемых преступлений позволит выработать унифицированные законодательные положения в сфере противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Достижимо это исключением соответствующего признака из ныне действующих составов преступлений и введением в структуру уголовного закона новой нормы, предусматривающей ответственность за использование информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»).

Примечания

1. URL: <http://2016.russianinternetforum.ru/news/1213/> (дата обращения: 27.12.2016).

2. URL: <http://ie.iri.center/press/1558/> (дата обращения: 27.12.2016).

3. 2014 г. – 1094,00 млрд рублей, 2015 г. – 1355,38 млрд рублей, 2016 г. – 1581,34 млрд рублей, 2017 г. – 1817,53 млрд рублей.

4. В 2011 г. – 1%; 2012 г. – 1,3%; 2013 г. – 1,6 %; 2014 г. – 2,2 %; 2015 г. – 24 %. Экономика Рунета 2015–2016. URL: <http://raec.ru/upload/files/broshura2016.pdf> (дата обращения: 27.12.2016).

5. URL: <http://экономикарунета.рф> (дата обращения: 27.12.2016).

6. Там же.

7. По материалам деятельности УУР ГУ МВД по Нижегородской области.

8. По материалам деятельности УУР МВД по Чувашской республике.

9. Собрание законодательства РФ. 2009. № 44, ст. 5170.

10. Ст. 185.2 УК РФ «Нарушение порядка учета прав на ценные бумаги», ст. 185.3 УК РФ «Манипулирование рынком», ст. 185.4 УК РФ «Воспрепятствование осуществлению или незаконное ограничение прав владельцев ценных бумаг».

11. Собрание законодательства РФ. 2011. № 29, ст. 4291.

12. Собрание законодательства РФ. 2014. № 26, часть I, ст. 3385.

13. Собрание законодательства РФ. 2012. № 10, ст. 1166.

14. Собрание законодательства РФ. 2012. № 10, ст. 1162.

15. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 179-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 26, часть I, ст. 3385.

16. О внесении изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 433-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 52, часть I, ст. 6998.

17. URL: <https://rg.ru/2016/11/15/zhertvami-gruppy-smerti-vo-vkontakte-stali-ne-menee-20-podrostkov.html> (дата обращения: 27.12.2016).

18. Архив Лазаревского районного суда г. Сочи. Д. № 1-411/2011.

19. Примером является приговор Буденновского городского суда Ставропольского края в отношении Демиденко Е.С., который согласно материалам уголовного дела, используя персональный компьютер, подключенный к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», осуществил заказ основных частей огнестрельного оружия, произвел оплату заказанного товара, а позже, воспользовавшись услугами ФГУП «Почта России», незаконно приобрел заказанные им в сети основные части огнестрельного оружия.

20. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/Ix18R29WabWp/> (дата обращения: 06.09.2017).

В.В. Морозов,
адъюнкт адъюнктуры
НА МВД России.

Научный руководитель –
доктор юридических наук,
профессор *В.И. Шаров*

СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ

Конечно, обдумывай «что»,
но еще больше обдумывай «как»!
И.В. Гете

Известное выражение не менее известного автора использовано в качестве эпитафии не случайно. Именно понятие «способ» в общепринятой интерпретации раскрывает то, как произошло то или иное событие, в том числе, если это касается способа преступного деяния. Способ присущ всякому волевому поведению человека и поэтому имманентен преступлению как явлению реальной действительности¹.

Знания о способе совершения преступления имеют принципиальное, даже методологическое значение в выявлении, раскрытии и расследовании преступлений как общеуголовного характера, так и экономической направленности. Р.С. Белкин значимость способа совершения и сокрытия преступления определял тем, что знание о нем, определяют путь познания истины по делу, то есть метод раскрытия и расследования². Все это подтверждается и неформальным принципом криминалистики «От способа совершения преступления – к способу его раскрытия»³.

На сегодняшний день изучение способа совершения преступления происходит по нескольким направлениям. Данное понятие рассматривают и криминалисты, и процессуалисты, и представители материального (уголовного) права, хотя в начале XX века оно признавалось сугубо криминалистическим понятием⁴. По мнению А.Ф. Лубина, понятие «способ преступления» в настоящее время стало полидисциплинарным: превратившись в научную категорию, это понятие постепенно и незаметно покинуло пределы криминалистики и обнаружилось себя в некриминалистических областях: сначала в уголовно-правовом учении о составе преступления, потом в криминологии, а затем и в процессуальной теории доказательств и т. д.⁵

Традиционно под способом понимают «действие или систему действий, применяемых при исполнении какой-нибудь работы, при осуществлении чего-нибудь»⁶ либо «тот или иной порядок, образ действий, метод в исполнении какой-нибудь работы, в достижении какой-нибудь цели»⁷. Подобные трактовки легли в основу и определений способов применительно к конкретной деятельности: способ производства, способ передачи информации и, наконец, способ преступления и многие другие. В то же время следует иметь в виду, что способ – более прагматичное понятие, чем метод, например метод криминалистики⁸.

Так, некоторые представители уголовно-правовой науки способом совершения преступления считают приемы, методы, тактические средства, применяемые для совершения преступления⁹, другие – факультативный признак объективной стороны преступления, присущий каждому преступлению независимо от формы деяния и формы вины, представляющий собой образ действий, прием или систему приемов, направленных на достижение результата, совершаемых в определенном порядке¹⁰.

Вероятно, можно по-разному интерпретировать смысл понятия «способ совершения преступления», однако очевидно одно: способ совершения преступления может выступать и как основной элемент, образующий состав уголовно-наказуемого деяния (зачастую способ совершения есть самостоятельное деяние, например причинение вреда здоровью – ст. 111–114 УК РФ¹¹, незаконное проникновение в жилище, использование служебных полномочий, подложного документа и др.¹²), и как квалифицирующий признак, то есть может служить дополнительным условием совершаемого преступления (например тайность при краже, открытость при грабеже¹³, использование средств массовой информации и т. д.). Также способ может признаваться как обстоятельство, отягчающее наказание (п. «и», «к», «м», «н» ч. 1 ст. 63 УК РФ)¹⁴, или в качестве смягчающего обстоятельства, например способ, направленный на предотвращение последствий автотранспортного преступления¹⁵.

Согласно уголовно-правовому аспекту способы совершения преступления должны обладать двумя важными свойствами: во-первых, они должны совершаться в процессе преступления и, во-вторых, должны быть направлены на достижение преступного результата¹⁶.

Особое место способу преступления отводится и в уголовно-процессуальной науке и практике. Все связано с тем, что в соответствии с ч. 1 ст. 73 УПК РФ способ совершения преступления подлежит доказыванию наряду с такими элементами события преступления, как время и место. По мнению Г.Г. Зуйкова, который является родоначальником криминалистического исследования способа преступления¹⁷, к предмету доказывания необходимо отнести две группы фактов, отражающих способ совершения преступления: во-первых, имеющие уголовно-правовое значение; во-вторых, обеспечивающие необходимую пол-

ноту и конкретность описания способа совершения преступления в обвинительном заключении и приговоре¹⁸.

Соответственно следователь (дознатель) обязан принять меры для установления способа совершения преступления. Кроме этого, требуется раскрыть содержание способа совершения преступления в обвинительном заключении (ст. 220 УПК РФ), обвинительном акте (ст. 225 УПК РФ), в описательно-мотивировочной части обвинительного приговора (ст. 307 УПК РФ). По мнению П.В. Федышиной, способ совершения преступления УПК РФ несправедливо относится, наряду со временем и местом, лишь к «обстоятельствам совершения преступления» или «обстоятельствам, имеющим значение для дела». Такая формулировка показывает неразрывную связь способа совершения преступления с самим деянием, событием преступления, но не приближает нас к пониманию его содержания¹⁹.

Некоторые авторы отмечают, что доказывание способа совершения преступления в определенных случаях необходимо для правильной квалификации деяния²⁰. «Хотя преступления весьма разнообразны и совершаются в различных условиях и разными людьми, в них в то же время много общего, особенно в преступлениях одного вида. В еще большей мере общее проявляется в преступлениях определенной категории и преступлениях, совершенных одинаковым способом»²¹.

Знание о способе совершения преступления приобретает особую значимость и в системе криминалистических знаний, поскольку способ совершения преступления традиционно признается одним из основных структурных элементов криминалистической характеристики преступной деятельности²² и даже ее стержнем²³. В этой связи в рамках криминалистической характеристики преступления рассматривается полноценная система данных о способах совершения и сокрытия конкретных видов преступления²⁴.

Вероятно, такая значимость обусловлена тем, что способ совершения свойственен всем без исключения уголовно наказуемым деяниям²⁵, а знания о способе позволяют сформировать представление о механизме преступления (данные о способе совершения преступления признаются элементом механизма преступления²⁶) и могут привести к субъекту преступления. По экономическим преступлениям, совершаемым с использованием компьютерных и информационных технологий, это крайне необходимо, поскольку зачастую не известны ни лица, совершившие преступление, ни следовая картина преступления, а сам факт, например хищения денежных средств со банковского счета, налицо. Здесь же следует заметить, что каждому способу совершения преступления свойственна своя следовая картина.

В целом на сегодняшний день в криминалистической науке сложилось два подхода в понимании способа совершения преступления – в узком и широком смысле. Притом значение «способа совершения преступления» как криминалистического понятия предлагается наиболее широким и емким, чем уголовно-правовая и уголовно-процессуальная трактовка²⁷. Если говорить об узком смысле, то в такое понимание способа не входит такой элемент, как сокрытие, тем самым последнее образует в рамках преступления самостоятельный комплекс действий, а широкий смысл уже предполагает в составе способа совершения преступления также сокрытие²⁸.

Следуя данной логике, предложенное А.Н. Васильевым толкование способа совершения преступления как «комплекс действий, избираемый преступником для достижения преступного результата в соответствии с его личными свойствами и объективной обстановкой, образующий механизм преступления, который отражается в материальных и нематериальных следах преступления, позволяющих сделать вывод о физических и психических

чертах преступника, о его месте среди людей и вещей в событии преступления, о мотивах и целях его действий»²⁹ можно отнести к категории узкого понимания, а широкий смысл содержится в определении, предложенном Г.Г. Зуйковым, согласно которому под способом совершения преступления понимается «система действий по подготовке, совершению и сокрытию преступлений, детерминированных условиями внешней среды и психофизиологическими свойствами личности, могущих быть связанными с избирательным использованием соответствующих орудий или средств и условий места и времени»³⁰.

Подобных подходов в толковании способа совершения преступления содержится значительное количество в работах по всем научным направлениям криминального цикла³¹. Однако их объединяет несколько позиций: во-первых, большинством авторов способ совершения преступления признается некой системой (комплексом) действий; во-вторых, данные действия направлены на совершение (подготовку, сокрытие) преступления; в-третьих, выбор способа совершения преступления зависит от различных условий (личность преступника, категория преступлений, время место).

Тем самым предложенный Г.Г. Зуйковым вариант определения более полно отражает значение понятия «способ совершения преступления», хотя и может быть подвергнут критике, поскольку им не учтено такое обстоятельство, что способы могут повторяться. «Как у одного, так и у разных лиц способы совершения аналогичных преступлений повторяются, если они складываются под воздействием одинаковых объективных и субъективных факторов»³².

Разумеется, имеются и иные позиции относительно разъяснения понятия «способ совершения преступления». Например, по мнению А.В. Ковалева, способ совершения преступления следует понимать в двух смыслах, в зависи-

мости от того, совершено преступление умышленно или по неосторожности³³. Представляется, что подобная интерпретация имеет право на существование, хотя, на наш взгляд, необходимо акцентировать внимание на более существенных признаках, нежели форма вины, несмотря на то, что, зачастую это в выборе способа для преступника играет определяющее значение.

Таким образом, с учетом имеющихся знаний о способе совершения преступления можно сформулировать, что это совокупность методов, приемов и действий, используемых лицом в зависимости от объективных и субъективных факторов для подготовки, совершения и сокрытия преступления.

Примечания

1. См.: *Панов Н.И.* Основные проблемы способа совершения преступления в советском уголовном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1987. С. 6–7.

2. См.: *Белкин Р.С.* Курс криминалистики: учебное пособие. М., 2001. С. 805.

3. Первым об этом принципе заговорил Г.Г. Зуйков. См. об этом: *Зуйков Г.Г.* Криминалистическое понятие и значение способа совершения преступления // Труды ВШ МООП СССР. Вып. 15. М., 1967. С. 70; Далее идея была развита Р.С. Белкиным и рядом других авторов. См., например: *Белкин Р.С.* Курс криминалистики: учебное пособие. М., 2001. С. 805; *Дудников И.В.* Криминалистическое понятие «способ преступления» // Проблемы законности. 2012. № 120. С. 232; и т. д.

4. См.: *Громов В.* Методика расследования преступлений. М., 1929. С. 6; *Якимов И.Н.* Криминалистика: Уголовная тактика / перевод кн. В. Штибера и Р. Рейса. М., 1929. С. 33–34.

5. См.: *Лубин А.Ф.* Механизм преступной деятельности как междисциплинарная научная категория // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. 2001. № 2. С. 170.

6. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 1999.

7. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940.

8. См. об этом: *Шаров В.И.* О понятии метода в криминалистике // Следователь. 2003. № 6. С. 39–43.

9. См.: *Галахова А.В.* Вопросы квалификации преступлений в уголовном праве и судебной практике (по признакам объективной стороны) // Российский следователь. 2010. № 14. С. 17.

10. См.: *Якубович О.Р.* Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 8.

11. См.: *Атальянц М.А.* Способы совершения преступления // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 4. С. 223.

12. См. там же. С. 222.

13. См.: *Козлов А.П.* Понятие преступления. СПб., 2004. С. 216.

14. См.: *Федышина П.В.* Способ совершения преступления: учебное пособие. СПб., 2016. С. 19.

15. См.: *Наумов А.В., Никулина С.И.* Объективная сторона преступления (факультативные признаки): учебное пособие М., 1995. С. 91–92.

16. См.: *Федышина П.В.* Способ совершения преступления: учебное пособие. СПб., 2016. С. 6.

17. *Зуйков Г.Г.* Криминалистическое учение о способе совершения преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1970.

18. См.: *Зуйков Г.Г.* Установление способа совершения преступления: лекция. М., 1970. С. 7.
19. См.: *Федышина П.В.* Способ совершения преступления: учебное пособие. СПб., 2016. С. 9.
20. См.: *Чурилов С.Н.* Предмет доказывания в уголовном судопроизводстве и криминалистике: научно-практическое пособие. М., 2010. С. 31.
21. *Белкин Р.С., Краснобаев Ю.И.* О предмете советской криминалистики // Правоведение. 1967. № 4. С. 93.
22. См., например: *Белкин Р.С., Быховский И.Е., Дулов А.В.* Модное увлечение или новое слово в науке? Еще раз о криминалистической характеристике преступлений // Социалистическая законность. 1987. № 9. С. 56-58; Криминалистика: учебник для вузов / отв. ред. Н.П. Яблоков. М., 1995. С. 43-56; и др.
23. См.: *Ковалев А.В.* Криминалистическая характеристика преступлений в области охраны труда // Теория и практика криминалистики и судебной экспертизы. Саратов, 1982. Вып. 4. С. 81.
24. См.: *Белкин Р.С.* Криминалистическая энциклопедия. М., 1997. С. 105.
25. См.: *Образцов В.А.* Некоторые вопросы криминалистической характеристики преступлений в народном хозяйстве. // Теория и практика криминалистики и судебной экспертизы. Саратов, 1982. Вып. 4. С. 77.
26. См.: *Самойлов А.В.* О понятии и системе механизма преступления // Воронежские криминалистические чтения. 2001. Вып. 2. С. 60.
27. См.: *Зуйков Г.Г.* Криминалистическое учение о способе совершения преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1970. С. 11.
28. См.: *Ермолович В.Ф.* Способы и механизм преступления. Минск, 2000. С. 12-13.

29. *Васильев А.Н.* Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. М., 1978. С. 29.

30. *Зуйков Г.Г.* Криминалистическое учение о способе совершения преступления : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1970. С. 205.

31. См., например: *Белкин Р.С.* Курс советской криминалистики. М., 1979. Т. III. Криминалистические средства, приемы, рекомендации. С. 231; *Куранова Э.Д.* Об основных положениях методики расследования преступлений отдельных видов // Вопросы криминалистики. Вып. 6–7. М., 1962. С. 166; *Драпкин Л.Я., Уткин М.С.* Понятие и структура способа совершения преступления. // Проблемы борьбы с преступностью: сборник научных трудов. Омск, 1978. С. 132; *Коврижных Б.Б.* Деятельность органов прокуратуры по делам о нераскрытых убийствах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1969. С. 14; *Хасан Б.И.* Особенности сокрытия преступной деятельности по уголовным делам, связанным с применением огнестрельного оружия // Криминалистические характеристики в методике расследования преступлений: межвузовский сборник научных трудов. Свердловск, 1978. Вып. 69. С. 49; и др.

32. *Облаков А.Ф.* Криминалистическая характеристика преступлений и криминалистические ситуации. Хабаровск, 1985. С. 21.

33. См.: *Ковалев А.В.* Криминалистическая характеристика преступлений в области охраны труда // Теория и практика криминалистики и судебной экспертизы. Саратов, 1982. Вып. 4. С. 84.

**К.А. Нефедова,
адъюнкт адъюнктуры
НА МВД России**

Научный руководитель –
д.ю.н., профессор *В.А. Толстик*

СОЦИАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ ИНФОРМАЦИИ

В настоящее время одним из наиболее ценных ресурсов общества является информация. Будучи объектом особых рассуждений, информация представляет собой определенный социальный феномен. Занимая важное место в процессе коммуникации, информация связывает общественную деятельность людей, представляя собой коммуникативный процесс сбора и обработки, а также принятия на ее основе управленческих решений и их выполнения. Стоит заметить, что информация не исключает необходимости определения ее ценности в социуме.

За последнее время, наряду с развитием правового государства, серьезным обновлением системы работы правоохранительных органов и усилением борьбы с преступностью, ученые-юристы и практики уделяют большое внимание изучению и совершенствованию существующих средств и методов правового воздействия на общественные отношения. К таким средствам логично будет отнести информационные источники (ресурсы). Необходимо отметить, что к вышеуказанным источникам также относятся «информационные потоки» которые находятся в постоянном взаимодействии с происходящими процессами управления, регулирования, правотворчества, законности, правопорядка, правового воспитания и, следовательно, регули-

руют все сферы общественной жизни. Именно благодаря информации представляется возможным достаточно эффективно управлять правовым образованием, воздействовать на все элементы, внешнюю среду и решать возникающие социально-правовые задачи, регулировать общественное поведение людей.

Характерно, что информация представляет собой знания, которые выражаются посредством «сообщений». Нельзя не указать на мнение К. Черри, который верно определил, что предоставление «сообщений тесно связано с информированием либо сообщением сведений, осведомлением о чем-либо»¹.

Вместе с этим, информация, «работающая» в обществе, используемая в управлении общественными процессами, является социальной информацией. Нельзя не отметить, что в большинстве случаев она ориентирована на потребности общественных масс. Следует указать, что современный человек занимается интеллектуальным трудом, и следовательно, информационная база, общие и специфические знания необходимы для удовлетворения самых простых потребностей.

Таким образом, человек, владеющий специальной информацией, способен обезопасить себя от любых внешних неблагоприятных воздействий, то есть еще одна ценность информации – это безопасность для ее носителя.

Социальная информация выступает в качестве важнейшей предпосылки эффективного повышения и укрепления законности и правопорядка, так как непосредственно задействована в процессе коммуникации между субъектами общественных отношений².

Наряду с этим, важно учитывать, что информация, отвечающая потребностям современного общества, имеет свою меру ценности. Проблема определения ценности информации исключительно актуальна в настоящее время. Говоря о поня-

тии ценности информации, имеет смысл упомянуть о наличии субъекта, использующего информацию по собственному назначению. Заметим, что ценность информации выступает достаточно многоплановой характеристикой.

Довольно распространенным в социологии является психологический аспект информации в обществе. При этом утверждается, что сама по себе информация нейтральна, однако ее восприятие происходит по-разному. И это потому, что восприятие информации каждым человеком зависит от его принятия субъективных представлений, а также ориентации на мнение других людей. При этом забывается, что представления человека, хотя они и субъективны, детерминируются его местом в производстве, системе.

Информация в области права имеет ряд аспектов³. Нас интересует прагматический подход. Данный социально-ценностный подход к информации особенно важен для решения задач управления общественными процессами, где необходим учет не всякой информации, а лишь той, которая способствует достижению цели, стоящей перед системой. По мнению А.А. Харкевича, «информация – ценная, поскольку она способствует достижению поставленной цели. Одна и та же информация может иметь различную ценность, если ее рассматривать с точки зрения использования для различных целей»⁴.

Прогностическая информация представляет ценность для общества, так как позволяет заранее предусмотреть возможные варианты всех отклонений системы от запланированных целей, выявить возможные причины и сделать вывод по результатам последствий того или иного решения. В результате субъект управления получает возможность заблаговременно внести коррективы в течение управленческого процесса. Прогностическая информация повышает способность системы подстраиваться под изменяющиеся условия.

Подводя итог вышеизложенному, можно отметить, что на сегодняшний день информация в любом ее виде затрагивает различные стороны общественной жизни, оказывая на них огромное влияние. Хочется отметить, что в современном «информационном обществе» акцент внимания и значимости смещается с традиционных ресурсов (материальные, финансовые, энергетические и пр.) на информационные, компоненты которого существовали всегда, но не рассматривались ни как экономические, ни как иные категории. Данный факт свидетельствует о том, что общество переходит в новую информационную эпоху.

Примечание

1. *К. Черри*. Человек и информация. М., 1972. С. 26.
2. *Афанасьев В.Г.* Социальная информация и управление обществом. М., 1975.
3. *Венгеров А.Б.* Категория «информация» в понятийном аппарате юридической науки // Советское государство и право. 1977. № 10. С. 70–71.
4. *Харкевич А.А.* О ценности информации // Проблемы кибернетики. 1960. Вып. 4. С. 54.

А.А. Никифорова,
адъюнкт адъюнктуры
НА МВД России.

Научный руководитель –
к.ю.н., доцент *М.В. Степанов*

**РЕФОРМИРОВАНИЕ
УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ
В СФЕРЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ
ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ
РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Политика Советского государства отличалась экономическим протекционизмом, что, безусловно, находило свое отражение в нормативных правовых актах уголовно-правового характера. Так, ст. 78 «Контрабанда» и ст. 88 «Нарушение правил о валютных операциях» были помещены законодателем в раздел II главы 2 УК РСФСР «Иные государственные преступления» в связи с тем, что их совершение не влекло за собой причинение значительных убытков, и в большей степени страдал авторитет государства, а именно его исключительное право на внешнеторговые операции.

Таким образом, государство в этот период обеспечивало государственную монополию на осуществление практически всех сфер жизнедеятельности, в том числе и внешнеэкономической, потому любые посягательства на его независимость признавались государственными преступлениями.

Изменение курса внешней политики и смена государственных ориентиров потребовали изменений в системе

уголовно-правовой охраны отношений в сфере внешнеэкономической деятельности. Именно в этот период стали говорить о такой деятельности, как о самостоятельном объекте охраны уголовного законодательства. В рамках регулирования экономических отношений 1987 год связывают с появлением самого понятия «внешнеэкономическая деятельность», что обусловлено началом проведения реформ, суть которых заключалась в децентрализации внешнеторговых отношений¹.

На этом этапе в Уголовном кодексе стали появляться новые нормы, регламентирующие внешнеэкономические отношения. Так, в 1993 году глава I была дополнена ст. 78¹ «Незаконный экспорт товаров, научно-технической информации и услуг, используемых при создании вооружения и военной техники, оружия массового уничтожения», а в 1994 году – ст. 78² «Невозвращение на территорию Российской Федерации предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран». Необходимо отметить влияние развития научных технологий на отечественное уголовное законодательство.

В главу VI «Хозяйственные преступления» также были включены новые нормы: ст. 162⁶ «Уклонение от уплаты таможенных платежей», ст. 162⁷ «Незаконные сделки с валютными ценностями», ст. 162⁸ «Соккрытие средств в иностранной валюте», ст. 169¹ «Нарушение таможенного законодательства Российской Федерации». Следует отметить, что законодателем было изменено ранее выбранное направление в идее конструирования уголовного закона. Нормы, ранее предусматривающие ответственность за преступления против государства, стали рассматриваться как хозяйственные, или экономические. Такие изменения Ю.А. Воробьев объясняет сменой приоритетов ценностей. По его словам, «многие деяния утрачивали придаваемую

им в советское время политическую окраску (например, контрабанда)»².

Определяя причины появления данных норм, необходимо указать, прежде всего, на окончание политики государственной монополии и либерализацию внешнеэкономической деятельности в государстве. У определенного круга лиц появилась возможность накапливать капитал, перемещать его за рубеж, также в целом возросло число участников внешнеэкономической деятельности, все большее количество валюты входило в оборот в нашем государстве. Все это и ряд других факторов поспособствовали изменениям уголовного законодательства в сфере регулирования внешнеэкономической деятельности, однако, не с той скоростью, с которой происходили изменения во внешней экономике. Это приводило к его отставанию и пробельности, «экономика государства стала функционировать неэффективно, теневой сегмент экономических отношений оказался преобладающим»³.

Несмотря на попытки государства восполнить все пробелы в уголовном законодательстве в связи с изменяющимися внешнеэкономическими отношениями, отечественный уголовный закон был далек от возможности в полной мере осуществлять свои функции в данном направлении. Ю.И. Сучков подчеркивает несовершенство УК РСФСР 1960 года, говоря о разноречиях, возникающих при толковании уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за преступления в сфере внешнеэкономической деятельности. Это приводило к ошибкам квалификации названных деяний и назначению судами наказаний, несоизмерных тяжести совершенных преступлений⁴, что подводило законодателя к изменению уголовно-правового механизма регулирования отношений в данной сфере.

В 1996 году был принят новый, ныне действующий Уголовный кодекс РФ, в главе 22 «Преступления в сфере

экономической деятельности» которого нашли отражение нормы, предусматривающие ответственность за преступления в сфере внешнеэкономической деятельности. Эту группу преступлений составили: ст. 188 «Контрабанда», 189 «Незаконный экспорт технологий, научно-технической информации и услуг, используемых при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники», 190 «Невозвращение на территорию Российской Федерации предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран», 193 «Невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте», 194 «Уклонение от уплаты таможенных платежей» УК РФ.

По большому счету все эти нормы были изложены в различных вариантах в ранее действовавшем Уголовном кодексе, однако в новом УК РФ они обрели иную форму. Главной особенностью УК РФ 1996 года можно считать решение законодателя об их отнесении к посягательствам на экономические отношения.

В первую очередь на такое решение повлиял переход к рыночной экономике, вследствие чего стало происходить активное развитие внешнеэкономических связей. Учитывая тот факт, что на протяжении длительного времени наше государство придерживалось политики монополии внешнеэкономической деятельности, выход на новый уровень взаимодействия с зарубежными государствами повлек за собой ряд проблем, так как законодательная база еще не была адаптирована к новым условиям экономического развития. В числе одной из таких следует выделить несовершенство законодательства в сфере регулирования ВЭД.

Говоря об изменениях, внесенных в нормы об ответственности за совершение преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности в первые годы принятия УК РФ, можно отметить следующие особенности:

– предмет преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 188 УК РФ, был дополнен предметами и товарами, оборот которых ограничен;

– в ст. 188 УК РФ не было включено квалифицирующих признаков в виде наличия судимости за контрабанду и прорыва таможенной границы;

– особо квалифицированный состав ст. 188 УК РФ предусмотрел совершение контрабанды организованной группой;

– в ст. 188 УК РФ и 194 УК РФ квалифицирующий признак «судимость» был заменен на «неоднократность»;

– из ст. 193 УК РФ были исключеныотягчающие признаки.

Ряд причин, связанных с развитием экономики государства в целом, оказал влияние на изменение норм об уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере ВЭД. Во-первых, немаловажным фактором явились экономические реформы, проводимые в начале 90-х годов. Так, например, с 1991 года для всех юридических лиц-резидентов открылся доступ на внутренний валютный рынок государства. Затем был издан Указ Президента РСФСР от 15 ноября 1991 года № 213 «О либерализации внешнеэкономической деятельности на территории РСФСР»⁵, согласно положениям которого, юридические лица вне зависимости от формы собственности приобретали право на проведение валютных операций и на открытие валютных счетов в уполномоченных банках, в дальнейшем ими было получено право на осуществление внешнеэкономической, в том числе и посреднической, деятельности. Наряду с этим в марте 1991 года был принят Закон СССР № 1982-1 «О валютном регулировании»⁶, после чего – постановление Правительства Российской Федерации от 6 марта 1993 года № 205 «Об усилении валютного и экспортного контроля и о развитии валютного рынка»⁷.

Во-вторых, определенную роль сыграли финансовые кризисы, к числу которых относится банковский кризис 1993 года, обвальное падение курса рубля по отношению к доллару США 11 октября 1994 года, банковский кризис 1995 года. Все вышеперечисленные явления в дальнейшем оказали воздействие на осуществление уголовно-правовой охраны отношений в сфере внешнеэкономической деятельности.

Перестройка в сфере внешней экономики породила условия для свободного перемещения через государственную границу СССР как значительного количества граждан, так и товарно-материальных ценностей, что явилось одним из условий для совершения контрабандных и иных преступных посягательств в данной сфере субъектами внешнеэкономической деятельности, сотрудничающими с Российской Федерацией либо от ее лица с другими странами⁸.

По мнению М.Е. Тарасова, на такое положение экономики повлияло несколько факторов, одним из которых является резкое «открытие» экономики внешнему миру, что дестимулировало механизм осуществления легальной экономической деятельности путем вытеснения ее в тень⁹. Действительно, столь резкое изменение курса внешнеэкономической политики послужило почвой для неконтролируемых процессов по финансовым манипуляциям на внешней арене.

В этот период распространение получил вывоз капитала за рубеж на законных основаниях, что, несомненно, активным образом повлияло на состояние преступности в сфере внешней экономики. Так, до 1995 года в стране отсутствовала система таможенно-банковского контроля за экспортными и импортными операциями. Такое отсутствие государственного вмешательства во внешнеэкономические процессы в государстве явило собой возможность неконтролируемых вывозов денежных средств и денежных инструментов за рубеж, которые в результате приводили

к осуществлению их контрабандных провозов, легализации денежных средств, добытых преступным путем, и прочим злоупотреблениям. Лишь в июле 1995 года Центральный банк Российской Федерации и Государственный таможенный комитет России утвердили Инструкцию № 30 «О порядке осуществления валютного контроля за обоснованностью платежей в иностранной валюте за импортируемые товары»¹⁰. Данная Инструкция наделяла уполномоченные банки правом не переводить денежные средства за границу до реализации импортных сделок, пока клиентом не будут предоставлены надежные гарантии поступления необходимых товаров в Россию. Указанная Инструкция позволила органам валютного контроля регулировать отток валюты из страны, в частности, связанный с фиктивными импортными сделками.

Еще одним элементом социально-политической обусловленности внешнеэкономической преступности на этом этапе развития государства можно считать незащищенность государственных границ России после распада СССР. Возникла необходимость в кратчайшие сроки обустроить многокилометровые границы с бывшими союзными республиками, что подразумевало под собой создание соответствующей инфраструктуры, научно-методическое и материально-техническое оснащение, подготовку кадрового аппарата и решение многих других вопросов¹¹. Учитывая, что по объективным причинам создать и обустроить государственную и таможенную границу за столь малое время было невозможно, то различные товары на огромные суммы бесконтрольно и безнаказанно вывозились из России в бывшие союзные республики¹².

С 1998 года валютная политика в России стала носить более жесткий характер. Так, были ужесточены административные меры валютного контроля по репатриации денежных средств, а также по обоснованности осуществления

платежей при импорте товаров и услуг. Однако данные меры были отменены в связи с наступлением валютно-банковского кризиса в России летом 1998 года¹³. В этот период были предприняты срочные усилия по стабилизации экономики государства, в числе которых можно назвать принятие различных нормативных правовых актов. Несмотря на позитивную направленность идеи принятия таких документов, это явилось толчком к обходу законодательства с целью получения большей материальной выгоды участниками внешнеэкономической деятельности. Действие принятых в это время документов было направлено на поддержание курса рубля, основными из них можно считать Инструкцию Банка России от 6 апреля 1999 года № 80-И «О порядке обязательной продажи экспортной валютной выручки юридическими лицами – резидентами, осуществляющими возврат кредитов, и учета уполномоченными банками операций, связанных с исполнением юридическими лицами – резидентами своих обязательств по кредитным договорам»¹⁴, Указание Банка России от 12 февраля 1999 года № 500-У «Об усилении валютного контроля со стороны уполномоченных банков за правомерностью осуществления их клиентами валютных операций и о порядке применения мер воздействия к уполномоченным банкам за нарушения валютного законодательства»¹⁵, Положение Центрального Банка России от 28 сентября 1998 года № 57-П «О порядке и условиях проведения торгов по долларам США за российские рубли на специальных торговых сессиях межбанковских валютных бирж»¹⁶. Этими и некоторыми другими нормативными правовыми актами были установлены гарантии возврата кредитов для срочного получения максимально возможного объема валюты, а также были введены вывозные пошлины на некоторые основные российские товары, что, безусловно, привело к уходу от выплат таможенных платежей, увеличе-

нию контрабандных провозов и различным манипуляциям с валютой.

Финальной точкой в формировании внешнеэкономической и валютной системы России А.Г. Авшаров считает принятие Федерального закона от 10 декабря 2003 года № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле»¹⁷, согласно которому было отменено значительное число валютных ограничений, в том числе относительно операций между резидентами и нерезидентами¹⁸. Об активной политике государства в сфере внешнеэкономической деятельности в этот период говорит и то, что в это время были внесены изменения во все действующие на тот момент уголовно-правовые нормы, регулирующие ВЭД. Федеральным законом от 7 мая 2002 года № 50-ФЗ¹⁹ были внесены изменения в ст. 188 и 189 УК РФ относительно предмета преступлений в обеих нормах и субъекта в ст. 189 УК РФ. Часть 2 ст. 188 УК РФ была дополнена такими предметами незаконного перемещения через таможенную границу Российской Федерации, как радиационные источники, ядерные материалы, средства доставки оружия массового поражения, иного вооружения, иной военной техники. В свою очередь, в ст. 189 УК РФ были включены действия по незаконному выполнению лицом, наделенным правом осуществлять внешнеэкономическую деятельность, работ для иностранной организации или ее представителя либо незаконное оказание услуг иностранной организации или ее представителю, которые заведомо для указанного лица могут быть использованы при создании вооружения и военной техники и в отношении которых установлен экспортный контроль. Также, как видно из диспозиции нормы, был определен специальный субъект, а именно, лицо, наделенное правом осуществлять внешнеэкономическую деятельность. Характеристики такого лица содержались в примечании к ст. 189 УК РФ. Уже в 2003 году изменения были внесены сразу во все уголовно-правовые

нормы, регулирующие отношения в сфере внешнеэкономической деятельности²⁰.

Открытие государственных границ, предоставление гражданам и организациям права свободно осуществлять внешнеторговую деятельность, безусловно, нашли свое законодательное подкрепление и в рамках уголовного законодательства. Так, преступления в сфере внешнеэкономической деятельности перешли из разряда государственных преступлений в посягательства на отношения в сфере внешнеэкономической деятельности.

Примечания

1. См.: *Хайруллов Д.С.* Гафуров Ш.И. Организация и регулирование внешнеэкономической деятельности Татарстана с исламскими странами: учебное пособие. Казань, 2008.

2. *Воробьев Ю.А.* Таможенное право: учебник / отв. ред. А.Ф. Ноздрачев. М., 2011.

3. *Краснов А.Д.* Противодействие таможенным преступлениям: теоретико-прикладной анализ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000.

4. См.: *Сучков Ю.И.* Таможенные преступления: учебное пособие. Калининград, 2000.

5. О либерализации внешнеэкономической деятельности на территории РСФСР: указ Президента РСФСР от 15 ноября 1991 года № 213 // Российская газета. 1991. 19 ноября. Утратил силу.

6. О валютном регулировании: закон СССР от 1 марта 1991 года № 1982-1 // Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. № 12, ст. 316. Утратил силу.

7. Об усилении валютного и экспортного контроля и о развитии валютного рынка: постановление Правительства РФ от 6 марта 1993 года № 205 // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 11, ст. 940.

8. См.: *Сучков Ю.И.* Защита внешнеэкономической деятельности Российской Федерации по уголовному и таможенному законодательству: Проблемные аспекты теории и законодательства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Калининград, 1997.

9. См.: *Тарасов М.Е.* Усиление роли государства по ограничению теневой экономики в России // Проблемы теории и практики управления: Международный журнал. 2002. № 2. С. 19–23.

10. О порядке осуществления валютного контроля за обоснованностью платежей в иностранной валюте за импортируемые товары: инструкция Банка России № 30, ГТК РФ № 01-20/10538 от 26 июля 1995 года (ред. от 22.02.2000) // Таможенные ведомости. 1996. № 1.

11. См.: *Султанова Б.А.* Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений в таможенной сфере: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000.

12. См.: *Сучков Ю.И.* Таможенные преступления: учебное пособие. Калининград, 2000.

13. *Мансуров А.К.* Подходы к созданию системы ранней идентификации валютно-банковских кризисов в России // Научные труды: Институт народно-хозяйственного прогнозирования РАН. 2006. № 4. С. 275–296.

14. О порядке обязательной продажи экспортной валютной выручки юридическими лицами – резидентами, осуществляющими возврат кредитов, и учета уполномоченными банками операций, связанных с исполнением юридическими лицами – резидентами своих обязательств по кредитным договорам: инструкция Банка России от 6 апреля 1999 года № 80-И // Российская газета («Ведомственное приложение»). 1999. 24 апреля. Утратила силу.

15. Об усилении валютного контроля со стороны уполномоченных банков за правомерностью осуществления их клиентами валютных операций и о порядке приме-

нения мер воздействия к уполномоченным банкам за нарушения валютного законодательства: указание Банка России от 12 февраля 1999 года № 500-У // Вестник Банка России. 1999. № 13. Утратило силу.

16. О порядке и условиях проведения торгов по долларам США за российские рубли на специальных торговых сессиях межбанковских валютных бирж: положение Центрального Банка России от 28 сентября 1998 г. № 57-П // Вестник Банка России. 1998. № 69.

17. О валютном регулировании и валютном контроле: федеральный закон от 10 декабря 2003 года № 173-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 50, ст. 4859.

18. См.: *Авиаров А.Г.* Государственная внешнеэкономическая политика Российской Федерации: учебник для вузов. СПб, 2012.

19. О внесении изменений в статьи 188 и 189 Уголовного кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 7 мая 2002 года № 50-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 19, ст. 1795.

20. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 50, ст. 4848.

Д.А. Пешехонов,
адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., профессор *М.В. Баранова*

МЕСТО И РОЛЬ ДЕПООЩРИТЕЛЬНЫХ НОРМ ПРАВА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕТОДОВ ВОЗДЕЙСТВИЯ

Непрерывное развитие общественных отношений побуждает государство к определению тех из них, которые вышли на уровень, исключающий их дальнейшее самостоятельное функционирование без вмешательства государственных органов, относящихся в соответствии с принципом разделения властей к законодательной ветви власти. Из множества общественных отношений, нуждающихся в нормативной правовой регламентации, компетентными органами должны быть определены те, которые в первоочередном порядке подлежат нормативному правовому регулированию. Преимущественно это те виды социальных отношений, промедление с правовой регламентацией которых может повлечь для общества и государства наиболее негативные последствия.

Убедившись в необходимости установления юридических рамок для того или иного вида социальных отношений, в целях обеспечения и последующего поддержания высокого уровня социальной устойчивости общества, государственные органы разрабатывают механизмы регулирования, которые могли бы стать универсальными для большинства отраслей права. При этом важна возможность

сохранения их актуальности на протяжении длительного периода времени, а также соответствия традиционным запросам общества в логичности, справедливости и в не вызывающей сомнений эффективности их практического применения.

Принятие решения о правовой регламентации того или иного порожденного социальными отношениями явления – это начало продолжительного пути, в ходе которого законодатель должен определить оптимальные механизмы реагирования как на противоправное, так и на правомерное поведение, которое зачастую нуждается в не меньшем внимании.

Определение характера реакции государства на положительные либо отрицательные поступки сторон правоотношений должно происходить комплексно. При этом необходимо учитывать, как степень влияния выбранного способа реакции на конкретный поступок или порожденное поступком событие, так и спрогнозировать потенциальную способность оказания влияния с помощью выбранной меры воздействия на отношения, которые возможны в будущем. Иными словами, необходимо оценить как сиюминутный, так и долгосрочный эффект выбранной меры воздействия.

Из множества способов регулирования правоотношений, поддержания их желаемого для государства уровня мы выделим противоположные по содержанию – это поощрение субъекта, последовательно проявляющего позитивное поведение или совершившего значимый положительный поступок, и наказание за совершение противоправных действий.

На наш взгляд, наиболее универсальное определение понятия «поощрение» предложил В.М. Баранов, который определил данное явление как установленные нормами права разнообразные формы положительной оценки госу-

дарством добросовестного исполнения юридических и общественных обязанностей, а также позитивной деятельности, превосходящей обычные требования¹.

Понятие «наказание» весьма успешно сформулировал А.М. Богдановский, который трактует его как чувственное страдание или нравственное лишение, ограничение, следующее за всяким преступлением как его истинное, разумное и необходимое последствие, и вместе с тем, как совершенно равное за него воздаяние во имя оскорбленной идеи права и справедливости². Абстрагировавшись от уголовно-правового крена в подходе к назначению наказания, можно утверждать, что данный подход может быть актуальным и значимым применительно к теории права.

Назначение поощрения, вне зависимости от его вида, ведет к исключительно положительным последствиям для субъекта правоотношений. Здесь мы не учитываем возможную негативную реакцию поощряемого на такие субъективные моменты, как несоответствие ожидаемого поощрения фактически назначенному, оптимальную для субъекта форму назначения поощрения, а также ожидаемую им длительность действия поощрения.

С назначением наказания ситуация, учитывая ее отрицательный характер, несколько иная и, на наш взгляд, требует более детального рассмотрения. Во-первых, наказание, вне зависимости от его выбранного вида, влечет негативные последствия, оно направлено на ухудшение условий существования правонарушителя. Во-вторых, диапазон последствий, которые может повлечь наказание, представляется несопоставимо широким по сравнению с поощрением. В зависимости от рассматриваемой отрасли права, наказание может быть выражено как в принятии того или иного негативного для субъекта морально-психологического решения, так и в принятии принудительных и необратимых для правонарушителя последствий. Речь идет, например,

о назначении уголовного наказания – пожизненного лишения свободы.

Рассматривая поощрение и наказание как полярные друг другу формы воздействия, следует отметить, что конечная цель их назначения в глобальном понимании является схожей и может состоять в своевременной, объективной и справедливой реакции уполномоченных государством правоприменительных органов на совершаемые гражданами поступки, характер которых имеет явные признаки отклонения от нормы – как в положительную, так и в отрицательную сторону.

При выборе негативной меры воздействия на правонарушителя правоприменитель должен принимать во внимание не только сам факт негативного поступка, но и условия, при которых правонарушение стало возможным, а также личность правонарушителя.

В этой связи вызывает особый интерес рассмотрение в качестве меры реагирования на негативное поведение субъекта депоощрительных правовых норм.

Зависящие от конкретных исторических условий, депоощрительные нормы права на сегодняшний день можно определить как государственно-властное нормативное установление, направленное на принудительное превентивное (перспективное) и/или ретроспективное воздействие на правонарушителя, совершившего несовместимое с примененной к нему ранее мерой поощрения деяние, выражающееся в уменьшении объема или лишении назначенных субъекту моральных или материальных благ, с целью его побуждения к следованию приемлемой для общества и государства модели поведения.

Приведенное нами определение, несмотря на возможность оспаривания некоторых его положений, может являться ориентиром, отталкиваясь от которого законодатель способен выработать устойчивые механизмы отрицатель-

ного воздействия на правонарушителя, а правоприменитель эффективно использовать их в своей деятельности.

Депроощрительные правовые нормы способны усовершенствовать традиционные варианты негативного воздействия на правонарушителя, сделать их более универсальными. Выделив ряд особенностей депроощрительных правовых норм, мы тем самым сможем расширить значение понятия наказания в его классическом понимании, а также подчеркнуть необходимость дальнейшего совершенствования депроощрительных правовых норм как самостоятельного способа воздействия.

Первой особенностью депроощрительных правовых норм является их способность к усилению негативного воздействия на правонарушителя. Это может быть использовано в том случае если, законодатель ограничен в пределах назначения наказания рамками закона, но характер правонарушения говорит об имеющейся необходимости усиления основного наказания с помощью дополнительных предусмотренных законодательством мер. Применение к правонарушителю именно депроощрительных правовых норм в качестве дополнительного способа наказания, усиливающего его ответственность, способно стать решающим фактором, оказавшим ключевое влияние на его дальнейшее поведение.

Второй, также весьма характерной особенностью может являться применение депроощрительной правовой нормы в качестве альтернативы более строгому наказанию (при наличии в законодательстве позволяющего это сделать установления). В этом случае у правонарушителя появляется возможность перспективно переосмыслить свой проступок. Депроощрительная правовая норма в данном случае способна выступить своего рода профилактикой, направленной на пресечение в поведении правонарушителя дальнейших негативных тенденций.

В качестве третьей особенности депоощрительных правовых норм можно выделить влияние их реализации и дальнейшего совершенствования на повышение уровня определенности права в целом и правовых норм в частности. «Ахиллесовой пятой» современного законодательства является периодически встречающаяся непоследовательность в реализации той или иной нормы права, что связано с их недостаточной проработанностью. Системное изучение и последующее использование депоощрительных норм права способно привести к детализации применяемых мер негативного воздействия в целях выработки у субъектов правоотношений привычки следовать полезной для государства модели поведения.

Возможность выбора правоприменителем депоощрения в качестве реакции на правонарушение, скорее всего, будет еще длительное время оставаться в тени традиционных мер воздействия. При этом следует признать, что депоощрительные нормы играют роль существенного, значимого инструмента, способствующего повышению эффективности существующих в праве методов воздействия.

Примечания

1. *Баранов В.М.* Поощрительные нормы советского социалистического права. Саратов, 1978. С. 37.

2. *Богдановский А.М.* Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого. М., 1857. С. 5.

И.М. Пшеничнов,
адъюнкт адъюнктуры
НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., доцент *А.В. Петрянин*

ФЕНОМЕН НЕЗАКОННОГО НАЙМА НА РУБЕЖЕ ОТРАСЛЕЙ РОССИЙСКОГО ПРАВА

В действительности тот идеал, к которому мы стремимся, называемый уголовным кодексом, по своей сущности является своего рода утопией. Практически каждый разумный человек на планете понимает, что победить преступность на современном уровне развития общественных отношений невозможно. Да и вообще трудно представить, что такое когда-либо претворится в жизнь, поскольку мы говорим о деяниях, которые возникли практически одновременно с появлением самого рода человеческого. Взять хотя бы пример грехопадения Адама и Евы, связанный с вкушением «запретного плода». Уже тогда существовали определенного рода нормы и правила поведения, гарантирующие нормальную и спокойную жизнь. Но даже когда нам известна формула или алгоритм безмятежного существования, есть вероятность того, что запретные желания возьмут верх и заставят преступить закон. Возможно, это является частью нашей сущности, в связи с чем современное общество до сих пор не может от этого отказаться. Именно поэтому на данном этапе человеческой истории вопроса о борьбе с преступностью как таковой быть не может, поскольку борьба предполагает наличие конечного результата – победы или поражения. Вероятность дости-

жения любого из них практически незрима и непрогнозируема, в связи с чем речь в данной статье будет вестись в первую очередь о противодействии преступности, а в частности, наиболее опасному ее проявлению – совершаемой по найму.

Дефиниция «наем» в первую очередь вызывает ассоциации с гражданскими правоотношениями, в связи с чем обыватель, а зачастую и правоприменитель воспринимает ее как часть того же гражданского, жилищного или трудового законодательства. Однако данные институты ничуть не старше, если не моложе своей «сестры», нашедшей отражение в уголовно правовом аспекте, рассматриваемой темы.

Самостоятельного определения данной категории на страницах действующего Уголовного кодекса РФ и всех сохранившихся документов, которые ему предшествовали, вплоть до договоров с Византией, мы, к сожалению, не встретим. Но несмотря на это, в том или ином контексте все же обнаруживаются упоминания о данном явлении, пусть и не всегда являвшемся преступным, на страницах отечественной истории. Однако, прежде чем перейти к толкованию, необходимо сделать оговорку, так как часто встречается ошибка в употреблении данного существительного. Так, согласно Словарю трудностей современного русского языка К.С. Горбачевича, использование дефиниции «найм» является неправильным¹, в связи, с чем в тексте работы, в случаях, когда требуется применение данного слова, в именительном падеже употребляться будет исключительно термин «наем», поскольку это является грамматически правильным.

Для формирования комплексного представления об указанном явлении вначале было бы целесообразно рассмотреть этимологию слова «наем». Оно получено выравниванием парадигмы слова «наем» по косвенным формам,

либо искажением начальной формы слова наим. Далее от глагола нанять, из на- + -нять, далее от праславянского *jъntq̄ : jęti, от которого в числе прочего произошли: др.-русск., ст.-слав. имѣти, имамъ, а также възъяти, възъмж. Отсюда взять, снять, изъять и др. приставочные глаголы на -нять/-ять (-емлю). Ср. лит. im̃ti, imù, emiaù «брать», лат. emō, emī, emptum, -ere «брать»².

Под словом «наем», как правило, понимается устройство на работу и аренда, так называемый имущественный наем. Действующее трудовое законодательство не использует понятие «наем», но в научных исследованиях, средствах массовой информации да и в разговорах граждан можно встретить использование слов «наниматься на работу», «наемный труд».

Возникнув гораздо раньше самой отрасли трудового права, договор найма, а в последующем – личного найма, рабочий или трудовой договор, трудовой контракт или трудовой договор найма по мере социально-экономического развития России в разной степени опосредует взаимоотношения между работником и работодателем.

После Октябрьской революции 1917 года в России начинает формироваться совершенно новый тип трудового права, который во многом отличается от зарубежных национальных систем правового регулирования труда³.

В советское время было установлено, что нормами КЗоТ регулируются трудовые отношения всех работников независимо от сферы приложения их труда. Необходимость в использовании категории «наем» в трудовом праве отпала.

Термин «наемный труд» вновь получил развитие при появлении предпринимательства в России и его правовом регулировании. Наемный труд отличается от самостоятельного труда, при котором отдельный производитель является одновременно и владельцем средств и орудий труда,

и организатором производства и, обладая рабочей силой, ею распоряжается. Иной характер наемного труда гражданина (работника) основан на том, что он обладает рабочей силой, но не владеет средствами и орудиями труда, а следовательно, лишен и роли организатора производства. Этот наемный, или «несамостоятельный», труд западные авторы нередко именуют более точно: «зависимый труд», отграничивая его от «независимого (самостоятельного) труда». В конце XX и начале XXI века в период разработки и принятия действующего Трудового кодекса РФ сложилось, что регулирование наемного труда работников осуществляется нормами гражданского права, как и самостоятельного труда по договорам подряда, возмездного оказания услуг, поручения и других договоров гражданского законодательства, связанных с трудовой деятельностью.

Выделение указанных лиц из общего числа работников объясняется кардинальными изменениями в отношениях собственности, развитием многоукладной экономики. Эти перемены заложили основу для проявления в Российской Федерации нового и достаточно своеобразного субъекта труда – работника организации, одновременно связанного с этой организацией отношениями участия в ней.

Однако в ранее действовавшем КЗоТ РФ (ст. 1) было установлено, что нормами КЗоТ регулируются трудовые отношения всех работников независимо от сферы приложения их труда. Данное положение можно рассматривать, если эти работники действительно, будучи субъектами трудового правоотношения, возникшего на основании трудового договора, выполняют определенную трудовую функцию за плату с подчинением внутреннему трудовому распорядку. Поэтому исключение указанных лиц из числа работников, отношения которых не регулируются нормами трудового права, было бы обоснованным при наличии по крайней мере двух условий.

Во-первых, они должны выступать как лица «самостоятельного труда» со всеми его атрибутами: имущественной обособленностью, юридическим равенством, автономией воли, полной самостоятельностью и независимостью, исключающей подчиненность другому участнику правоотношения в сфере применения труда.

Во-вторых, эти лица в совместном (кооперированном) труде организации не могут выступать как исполнители определенной трудовой функции, поскольку это связано как с необходимостью заключения трудового договора, так и с подчинением внутреннему трудовому распорядку, свидетельствующим о наличии трудового правоотношения и его субъектов – работника и работодателя (организации)⁴.

Наконец, следует обратить внимание на то, что сами понятия «наемный труд» и «наемные работники» не легализованы должным образом трудовым законодательством Российской Федерации. Можно оперировать лишь их экономическими признаками, которые в значительной мере, как прежде, так и ныне, обуславливают регулирование труда и отражаются в нормах трудового законодательства.

В настоящее время наемный работник в трудовом праве, – это работник, взаимоотношения которого с работодателем урегулированы трудовым договором. Договора найма, в юридическом смысле, не существует, это обиходное название трудового договора. Кроме трудового договора (контракта), как срочного, так и бессрочного, законодательно закрепленного в Трудовом кодексе РФ, существует еще гражданско-правовой договор, регламентированный Гражданским кодексом РФ, это договор подряда. Иных договоров, регламентирующих трудовые отношения, законодательством РФ не предусмотрено. Следует отметить, что иногда понятие «договор найма» используется при приеме работника индивидуальным предпринимателем, но и в этом случае с работником все равно заключается трудовой договор.

В гражданском праве термин «наем» используется довольно широко, это различные виды договоров: договор найма-продажи (ст. 501 ГК РФ), договор аренды, или имущественного найма (ст. 606 ГК РФ), договоры найма жилого помещения (гл. 35 ГК РФ). Наем жилья урегулирован не только Гражданским кодексом РФ, но и другими нормативными актами, относящимися к гражданскому и жилищному законодательству, среди которых особое место занимает Жилищный кодекс РФ. Несмотря на то, что отношения по поводу найма жилого помещения по своей правовой природе являются договорными, практически во всех странах эта сфера – предмет детального законодательного регулирования, значительно более жесткого, нежели в других сферах договорных отношений. Причиной этого является его высокая социальная значимость⁵.

В Уголовном кодексе России понятие «наем» встречается в нескольких статьях, это убийство по найму (п. «з» ч. 2 ст. 105), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью по найму (п. «г» ч. 2 ст. 111), истязание по найму (п. «ж» ч. 2 ст. 117), захват заложника по найму (п. «з» ч. 2 ст. 206), наемничество (359).

Сущность понятия «наем» используемого в уголовном праве, ближе к подряду работника в трудовом и оказанию услуг в гражданском праве, то есть это выполнение работ исполнителем по конкретному заданию заказчика. В соответствии со ст. 702 ГК РФ по договору подряда одна сторона (подрядчик) обязуется выполнить по заданию другой стороны (заказчика) определенную работу и сдать ее результат заказчику, а заказчик обязуется принять результат работы и оплатить его. А в ст. 779 ГК РФ указано, что по договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик – их оплатить. Таким образом, из бу-

квального толкования данных норм следует, что по договору подряда прежде всего имеет значение достижение подрядчиком определенного результата, который передается заказчику. При возмездном же оказании услуг заказчика интересует именно деятельность исполнителя как процесс. Однако зачастую она также порождает определенный результат. В связи с этим возникает вопрос о разграничении отношений по договору подряда и договору возмездного оказания услуг. Отношения, при которых ценность представляют сами действия (деятельность) исполнителя, но не овеществленный результат в виде создания или трансформации вещи, регулируются нормами Гражданского кодекса РФ о возмездном оказании услуг, а не нормами о подряде. В отличие от договора возмездного оказания услуг, в рамках которого важна сама деятельность исполнителя, в договоре подряда имеет значение достижение подрядчиком вещественного результата⁶.

Однако, прежде чем делать подобные сравнения и выводы, обратимся непосредственно к терминологическому аппарату. Так, Словарь русского языка С.И. Ожегова не дает прямого определения данного слова и отсылает нас к понятию «нанять». Оно в свою очередь означает «взять на работу или во временное пользование за плату»⁷. Помимо этого, разумно было бы ознакомиться с термином «наемник», который в данном словаре представлен следующим образом: «1. В старину: солдат наемного войска; 2. тот, кто продан кому-нибудь, кто из низких, корыстных побуждений защищает чужие интересы»⁷. Первое указанное определение «наемника» скорее относится к международному уровню уголовно-правового явления «наем», поскольку оно в большей степени раскрывается через действующую в уголовном законе дефиницию «наемничество», которая ассоциирует его с преступлениями против мира и безопасности человечества. Однако с целью соблюдения логично-

сти и последовательности изложения рассмотрение данного вида найма будет осуществлено несколько позже в рамках данной статьи.

Решая поставленную ранее задачу по анализу терминологического аппарата, обратимся к Современному толковому словарю русского языка Т.Ф. Ефремовой, в соответствии с которым термин «наем» означает процесс действия по глаголу «нанимать», который понимается как: «принимать, приглашать для выполнения какой-либо работы на определенных условиях»⁸. А под наемником в данном контексте подразумевается «1. Солдат наемного воинского подразделения; 2. Тот, кто за плату готов выполнять преступное действие, выгодное нанимателю»⁹.

Относительно последней трактовки необходимо сделать оговорку, касающуюся уголовно-правового аспекта рассматриваемого вопроса, а именно дальнейшее употребление термина «наниматель» по отношению к лицу, в чьих интересах совершается преступление, выглядит не слишком удачно, так как в данном случае не совсем правильно отражается его роль в преступлении, поскольку самого исполнителя может нанимать и посредник, тогда как предназначение заказчика состоит в инициировании вопроса о совершении преступного деяния и оплате за его выполнение. В подтверждение этого можно привести в пример утверждение А.Н. Попова: «Некоторые правоведы делают основной акцент в первую очередь на том, что подобные преступления совершаются по инициативе не самого исполнителя, а другого лица»¹⁰. В то же время подобные суждения не должны приводить нас к выводу о необходимости использования категории «заказные преступления», вместо «совершаемые по найму», так как, несмотря на безусловно важные моменты, связанные с инициатором преступного деяния, нельзя забывать, что основная роль в таком явлении принадлежит именно испол-

нителю, поскольку именно его действия квалифицируются по конкретным статьям Уголовного кодекса, а заказчик проходит лишь как соучастник в данном преступлении. В подобном контексте постараемся придерживаться точки зрения, что если не было бы лица, готового добровольно совершить бесчеловечный поступок, то не было бы и самого противоправного деяния.

Предложенные трактовки позволяют нам проследить некоторые явно выраженные, а также вытекающие из них отличительные признаки, присущие рассматриваемому явлению: 1) наем – это процесс, заключающийся в активном действии, он не может быть осуществлен путем бездействия; 2) субъектом найма выступает лицо (заказчик, наниматель), которое является инициатором предложения выполнить определенную работу исполнителю; 3) объектом, как уже можно заметить, являются услуги, предоставляемые и осуществляемые наемником в интересах другого лица; 4) любые деяния, совершаемые по найму, являются результатом соглашения между сторонами, в связи с чем все действия, осуществляемые исполнителем, должны быть добровольными (поскольку, если они явились результатом различного рода давления, физического или психического насилия, даже при наличии оплаты речи о найме идти не может); 5) последним обязательным признаком выступает оплата, выражающаяся в материальном или ином вознаграждении, а также в различного рода личной выгоде, в том числе и неимущественного характера. В подтверждение последнего можно добавить, что в качестве платы за совершенные действия, действительно, не всегда выступают денежные средства или права на какое-либо имущество, так, например, А.Н. Попов отмечает, что могут быть и иные мотивы, такие как обещание заказчика устроить исполнителя на высокооплачиваемую работу, обеспечить принятие в учебное заведение, продвинуть по службе¹¹. Л.Л. Кругли-

ков придерживается позиции, что возможны случаи, когда наемник может совершать преступление из солидарности или по мотивам борьбы с иноверцами¹². А.Н. Красиков считает, что, например, убийство по найму может совершаться во имя «моральной благодарности» со стороны влиятельного заказчика, во имя единомыслия, за согласие женщины «расплатиться» за убийство с преступником половой близостью и т. п.¹³

На основании изложенного предлагается следующая трактовка дефиниции «незаконный найм» как уголовно-правовой категории – процесс действия, иницируемый и осуществляемый заказчиком, обусловленный заключением с исполнителем соглашения о добровольном совершении им преступления в интересах заказчика за материальное вознаграждение или иного рода личную выгоду, в том числе и неимущественного характера.

Примечания

1. *Горбачевич К.С.* Словарь трудностей современного русского языка. СПб., 2004. С. 203.

2. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т., пер. с нем. / пер. и дополнения О.Н. Трубачева. 4-е изд., стереотип. М., 2004. Т. 2. С. 481.

3. См.: *Миროнова А.Н.* Становление и развитие норм о трудовом договоре (исторический аспект) // Адвокат. 2016. № 2. С. 93–96.

4. См.: *Дмитриева И.К.* К вопросу об экономических признаках наемного труда // Трудовое право в России и за рубежом. 2014. № 4. С. 22–24.

5. См.: *Крюкова Е.С.* Договор найма жилого помещения жилищного фонда социального использования: новеллы жилищного законодательства // Российская юстиция. 2014. № 12. С. 7–10.

6. См.: *Романец Ю.В.* Система договоров в гражданском праве России: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2013. С. 202.

7. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1999. С. 310.

8. *Ефремова Т.Ф.* Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. М., АСТ, 2006. Т. 2. С. 71.

9. Там же.

10. *Попов А.Н.* Преступления против жизни с отягчающими обстоятельствами, относящимися к субъективным признакам содеянного (пп. 3-м ч. 2 ст. 105 УК РФ): монография. СПб., 2003. С. 66.

11. Там же.

12. *Кругликов Л.Л.* Преступления против личности. Ярославль, 1998. С. 25.

13. *Красиков А.Н.* Ответственность за убийство по российскому праву. Саратов, 1999. С. 82.

**О.Н. Раченкова,
адъюнкт адъюнктуры
НА МВД России.**

Научный руководитель –
д.ю.н., доцент *А.М. Хужин*

К ВОПРОСУ О СОГЛАСОВАНИИ ЮРИДИЧЕСКИХ АКТОВ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПУБЛИЧНОМ ПРАВЕ (НА ПРИМЕРЕ BREXIT¹)

Не будет преувеличением утверждение, что вся система международного права построена на юридическом согласовании, которое обеспечивает эффективное взаимодействие субъектов международного права. В юридической литературе широко распространено мнение, что все международное право создается путем согласования волеизъявлений участников межгосударственных отношений, и именно в этом заключается одно из важнейших его отличий от внутригосударственного².

Возьмем, к примеру, порядок имплементации международных норм в национальную правовую систему государства. Так, международные договоры Российской Федерации становятся частью ее правовой системы только после выражения в установленном порядке согласия Российской Федерации на обязательность для нее международного договора³. В научной среде по этому поводу справедливо отмечается, что в данном случае проявляет свое действие принцип уважения государственного суверенитета, так как международное обязательство принимается посредством согласования позиций суверенных государств, обладающих

юридически равноправной волей, следовательно, международный договор не создает обязательств (прав) для государства без его на то согласия⁴. Государство, выражая согласие как участник международных правоотношений, создает односторонний утвердительный волевой акт, порождающий соответствующие правовые последствия⁵.

Согласование юридических актов в международном публичном праве реализуется на двух уровнях: международном и внутригосударственном. Несмотря на то, что на каждом из уровней оно осуществляется для целей международных отношений, тем не менее, отличия имеются в нормативной базе, субъектном составе и, как следствие, в самой процедуре. Так, на международном уровне согласование осуществляется между субъектами международного права в соответствии с нормами соглашений, существующих между ними, в то время как согласование юридического акта международного характера на внутригосударственном уровне предполагает участие внутригосударственных образований, прежде всего, государственных органов (например, высший законодательный орган), и применение только внутригосударственного законодательства. Однако указанные виды согласования в отношении отдельных юридических актов образуют диалектическое единство, когда один и тот же юридический акт выступает предметом согласования и на международном, и на внутригосударственном уровнях, причем отсутствие положительного согласования хотя бы на одном из уровней делает невозможным осуществление юридического акта. Одним из таких юридических актов, нуждающихся в согласовании и на международном, и на внутригосударственном уровнях является выход страны – участницы Европейского союза из его состава. Далее рассмотрим согласование указанного юридического акта на примере выхода Великобритании из состава Европейского союза.

В силу ст. 50 Договора о Европейском союзе государство, являющееся членом Европейского союза, имеет право на добровольный выход из его состава, приняв соответствующее решение в соответствии со своими конституционными правилами⁶. Нормативное закрепление указанного права дало начало, как говорит Н.Б. Топорнин, практическому звучанию и заставило как практиков, так и ученых обратиться к изучению правовых нюансов этой ранее малоизученной процедуры⁷. В данной статье указаны отдельные моменты хода данной процедуры, как то: 1) государство – член Евросоюза, принявшее решение о выходе, должным образом уведомляет о своем решении Европейский совет, 2) Союз (в лице Европейской комиссии) на основе предписаний, установленных Европейским советом, проводит переговоры и заключает с государством соглашение, которое определяет порядок его выхода из Евросоюза и основы их будущих взаимоотношений; 3) после подготовки соглашения оно направляется в Европарламент на одобрение, после чего Совет от имени Европейского союза и на основе квалифицированного большинства заключает соглашение о выходе государства из состава Европейского союза.

Лиссабонский договор закрепляет право на выход из состава Европейского союза, однако не содержит детальной регламентации механизма реализации данного права. В связи с этим на страницах юридической литературы закономерно поднимаются вопросы, касающиеся данной процедуры: 1) неясно, какие вопросы необходимо урегулировать в соглашении о выходе из Европейского союза и в течение какого срока такое соглашение должно готовиться; 2) если в общих чертах порядок выхода одного государства определен в Договоре Европейского союза то, что необходимо делать, если вдруг несколько государств одновременно захотят выйти из Европейского союза;

3) каковы будут процедуры в отношении государства еврозоны, которое решило отказаться от использования евро, но не хочет выходить из Евросоюза⁷? Считаем, что на международном уровне нет необходимости в детальной регламентации обозначенной процедуры, а центральное место необходимо отдать именно согласованию как элементу реализации права на выход из Европейского союза.

Процедура выхода из Европейского союза предусматривает отдельные виды согласований как внутри данного субъекта международного публичного права, так и в рамках самого государства, принявшего решение о таком выходе. Наибольший интерес представляет согласование условий такого выхода.

Если с Европейским союзом осуществляется согласование только условий выхода, а не сам факт выхода, то на внутригосударственном уровне ставится вопрос как о согласовании самого факта выхода, так и его условий. Brexit это ярко демонстрирует. Так, адресатами согласования анализируемого юридического акта выступили, в первую очередь, граждане Великобритании посредством участия 23 июня 2016 года в «референдуме по ЕС», где был поставлен вопрос: «Нужно ли Соединенному Королевству остаться членом Европейского союза или покинуть Европейский союз?». Согласование имело положительный результат. Причем данный способ согласования имеет свою специфику, отражающуюся в том, что в основу решения положено волеизъявление лиц, поддержавших совершение данного юридического акта⁸.

На следующем этапе следует согласование факта выхода из Европейского союза с соответствующим органом государственной власти данного участника. В Великобритании таким органом выступил высший законодательный орган. Причем интересен тот факт, что основанием такого согласования выступило судебное решение. Изначально

о таком согласовании речь не шла, о чем содержится информация в отечественных средствах массовой информации со ссылкой на официальные английские источники⁹.

Общественными активистами был подан судебный иск, по рассмотрению которого Высокий суд Лондона постановил, что правительство Великобритании не может начинать процедуру выхода страны из Евросоюза без соответствующего согласования с парламентом. Аналогичная позиция нашла свое отражение и в решении Верховного суда Великобритании, который постановил, что британское правительство не может привести в действие ст. 50 Лиссабонского договора по инициированию процесса выхода страны из Европейского союза без согласования с парламентом: из одиннадцати судей трое выступили против необходимости такого согласования¹⁰. Этим же постановлением определено, что правительство не обязано согласовывать условия Brexit с парламентами Шотландии, Северной Ирландии и Уэльса, представители которых во время слушаний по апелляции настаивали на необходимости получения их согласия. Таким образом, на настоящий момент времени выглядит внутригосударственное согласование Brexit.

Далее обратимся к деятельности Европейского союза как адресата рассматриваемого вида согласования, то есть к международному уровню. Формой согласования условий выхода из Европейского союза являются переговоры, проводимые в соответствии с параграфом 3 ст. 218 Договора о функционировании Европейского Союза. На настоящий момент уже изложена позиция Европарламента по предстоящим переговорам: планируется поэтапный подход к этому процессу. Это, в свою очередь, означает, что прежде чем переходить к обсуждению будущих торговых и прочих отношений, стороны должны будут согласовать условия Brexit, в том числе урегулировать финансовые вопросы¹¹.

Таким образом, согласование юридических актов активно реализуется в системе международных публичных правоотношений. Что неудивительно, поскольку в международном праве превалирует метод координации, который признает самостоятельность участников таких правоотношений. Согласование выхода Великобритании из Европейского союза позволит сделать данный «развод с Евросоюзом» более мягким.

Примечания

1. Выход Великобритании из Европейского союза (сокр. Vrexit от сочетания слов англ. *Britain* – Британия и англ. *Exit* – выход).

2. Международное право: учебник / Б.М. Ашавский, М.М. Бирюков, В.Д. Бордунов [и др.]; отв. ред. С.А. Егоров. М., 2015.

3. О международных договорах Российской Федерации: федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ // Российская газета. 1995. 21 июля.

4. Современные проблемы организации публичной власти: монография / С.А. Авакьян, А.М. Арбузкин, И.П. Кененова [и др.]; рук. авт. кол. и отв. ред. С.А. Авакьян. М., 2014.

5. *Лозовик М.П.* Согласие государства на обязательность для него международного договора: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: М., 2003. С. 1.

6. Договор о Европейском Союзе (Маастрихт, 7 февраля 1992 г.) (в редакции Лиссабонского договора 2007 г.). Консолидированный текст. URL: <http://base.garant.ru/2566557/#ixzz4hLoGJV6J>. (дата обращения: 17.05.2017).

7. *Топорнин Н.Б.* Некоторые правовые аспекты выхода государства из Европейского союза // Международное публичное и частное право. 2015. № 6. С. 3–6.

8. Официальные результаты голосования по референдуму. URL: <http://www.electoralcommission.org.uk/i-am-a-journalist/electoral-commission-media-centre/news-releases-referendums/official-result-of-the-eu-referendum-is-declared-by-electoral-commission-in-manchester>. (дата обращения: 17.05.2017).

9. Мэй запустит процедуру Brexit без согласования с парламентом. URL: <https://rg.ru/2016/08/27/smi-mej-zapustit-proceduru-brexite-bez-soglasovaniia-s-parlamentom.html>. (дата обращения: 15.05.2017).

10. *Демченко Н.* Суд Великобритании обязал согласовать Brexit с парламентом. URL: <http://www.rbc.ru/politics/24/01/2017/588719db9a7947aec636f89c>. (дата обращения: 15.05.2017).

11. Определился подход Европарламента к переговорам о «брексите». URL: <http://ru.euronews.com/2017/04/05/farage-slams-eu-leaders-as-gangsters-over-brexite>. (дата обращения: 17.05.2017).

Т.Б. Романова,
адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
к.ю.н., доцент *С.В. Власова*

**ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ, НЕОБХОДИМЫЕ
ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ЛИЦ,
ВОВЛЕЧЕННЫХ В ПРОЦЕДУРУ
ДОСЛЕДСТВЕННОЙ ПРОВЕРКИ
ЗАЯВЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ
О ПРЕСТУПЛЕНИИ**

На сегодняшний день наиболее уязвимой с точки зрения нарушения конституционных прав, свобод и законных интересов участников уголовного процесса, по нашему мнению, остается стадия проверки по материалам, содержащим заявления, сообщения о преступлении (далее – следственной проверки).

Процесс проведения следственной проверки предшествует моменту возбуждения уголовного дела. Юридической предпосылкой для ее начала является поступившее в орган внутренних дел заявление, сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, зарегистрированное в установленном законом порядке в книге учета заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях (КУСП). В числе законных оснований для проведения следственной проверки могут быть: рапорт об обнаружении признаков преступле-

ния, письменное либо устное заявление от любого лица, которому стала известна какая-либо информация о совершенном или готовящемся преступлении, а также явка с повинной, оформленная протоколом. Под законностью регистрации понимается как учет форм документов, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом РФ, в которых содержатся сведения о совершенном или готовящемся преступлении, так и соблюдение процедуры их приема, регистрации и разрешения, подробно изложенной в Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, утвержденной приказом МВД России от 29 августа 2014 года № 736¹. Именно с момента начала проверки заявления и сообщения о преступлении начинают реализовываться уголовно-процессуальные гарантии в отношении лиц, вовлеченных в эту процедуру.

Для формирования необходимых правовых основ реализации института уголовно-процессуального представительства на данной стадии необходимо остановиться, прежде всего, на основополагающих началах – принципах уголовного процесса, соблюдение которых позволит и реализовать надлежащим образом уголовно-процессуальные гарантии, связанные с возможностью пользоваться помощью представителей.

В главе второй (ст. 11 УПК РФ) действующего уголовно-процессуального кодекса РФ содержится один из принципов – охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве². По нашему мнению, он не позволяет говорить о сущности какой-либо уголовно-процессуальной гарантии, которая, прежде всего, состоит в обеспечении чего-либо, а в рамках уголовного процесса в обеспечении при производстве какого-либо процессуаль-

ного действия прав, свобод и законных интересов его участников. В норме статьи в основном указаны обязанности должностных лиц по выполнению определенных действий, в связи с чем представляется необходимым изложить ст. 11 УПК РФ следующим образом:

Статья 11. Равенство граждан перед законом и равенство защиты их прав и законных интересов.

Основополагающими в ее содержании должны являться следующие положения:

1. Все лица, участвующие в уголовном процессе, равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту их прав и законных интересов.

2. Производство по материалам и уголовному делу осуществляется на основе равенства граждан перед законом независимо от их происхождения, социального, должностного и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, политических и иных убеждений, отношения к религии, пола, образования, языка, рода и характера занятий, места жительства и других обстоятельств.

3. Никто не может пользоваться преимуществами и привилегиями, противоречащими закону. Исключения в порядке производства по материалам и уголовному делу в отношении отдельных категорий лиц устанавливаются настоящим Кодексом.

4. Каждый имеет право в ходе производства по материалам на юридическую помощь для осуществления и защиты прав и свобод, в том числе право пользоваться в случаях и порядке, предусмотренных настоящим Кодексом, юридической помощью адвокатов и других своих представителей.

5. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается за счет государственных средств.

Одной из обязательных уголовно-процессуальных гарантий на данной стадии должна быть помощь квалифици-

рованного юриста, как при составлении заявления, так и консультирования по различным вопросам в ходе проведения процедуры проверки. Кроме этого, необходимо также узаконить процедуру подачи заявления через представителя как одной из важнейших уголовно-процессуальных гарантий в защите прав, свобод и законных интересов лиц – участников проверки заявления, сообщения о преступлении. Нормативно это должно быть закреплено в ч. 2 ст. 141 УПК РФ в следующей редакции: письменное заявление о преступлении может быть передано в орган исполнительной власти как лично, так и через представителя.

В соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о любом готовящемся преступлении и в пределах своей компетенции³. Результатом этих действий будет принятие одного из решений, предусмотренных ст. 145 УПК РФ. В рамках этой процедуры должностные лица имеют право отбора объяснений, изъятия документов, предметов, материалов и других действий. При их производстве потенциально возможны нарушения конституционных прав, свобод, законных интересов граждан, законных интересов юридических лиц. В качестве одной из уголовно-процессуальных гарантий исключения данных фактов будет указание в норме ст. 144 УПК РФ не только о действиях должностных лиц при принятии решения в пределах компетенции, но и о проведении рассматриваемой процедуры в рамках закона, с использованием законных способов, в связи чем представляется необходимым дополнить ч. 1 ст. 144 УПК РФ и изложить в следующей редакции: дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о любом готовящемся преступлении законными способами и в пределах своей компетенции.

В части 1.1 ст. 144 УПК РФ законодатель потенциально определил в качестве обязанности должностного лица разъяснить лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке заявления, сообщения о преступлении, их права и обязанности, предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом РФ³. В данном случае законодатель имеет в виду права и обязанности участников уголовного процесса. На стадии же доследственной проверки мы имеем дело с иными лицами, участвующими в производстве процессуальных действий по материалам, права и обязанности которых законом не определены. Этот факт в свою очередь и потенциально не дает возможности реализовать право на представителя, то есть получение необходимой консультативной, юридической помощи в использовании предусмотренных законом прав, их восстановлении, других правовых возможностей. Более того, в этой же норме законодатель возлагает на должностное лицо обязанность по обеспечению возможности осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы, в том числе, права не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, пользоваться услугами адвоката, а также приносить жалобы на действия (бездействия) и решения должностных лиц. Данная интерпретация также вызывает много вопросов. С морально-этической точки зрения интересы могут быть разными, также не исключается вариативность в их понимании должностным лицом и участниками доследственной проверки, что в свою очередь создает угрозу несоблюдения основных принципов уголовного судопроизводства. Во избежание таковых представляется необходимым дополнить соответствующую норму и изложить ч. 1.1 ст. 144 УПК в следующей редакции: должностное лицо должно обеспе-

чить возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их законные интересы. В случае добавления в норму статьи слова «законные», по нашему мнению, наиболее ясно будут обозначены пределы допустимых действий должностных лиц, участников доследственной проверки и их представителей. Нельзя оставить без внимания и момент обозначения законодателем в указанной выше норме возможности пользоваться услугами только адвоката, про защитника и иных возможных представителей в ней ничего не сказано. По нашему мнению, это создает определенные препятствия для реализации в полном объеме уголовно-процессуальных гарантий по защите своих прав, свобод и законных интересов любыми законными способами и с привлечением необходимых, по мнению участника доследственной проверки, лиц. В связи с этим необходимо, наравне с адвокатом, допускать к участию при производстве доследственной проверки и защитников, и представителей.

Предложенные выше положения норм Уголовно-процессуального кодекса РФ (изменения, дополнения), по нашему мнению, объективно необходимы для действующего законодательства. При их наличии институт уголовно-процессуального представительства лиц, вовлеченных в процедуру доследственной проверки заявления, сообщения о преступлении сможет получить необходимые правовые основы, а значит беспрепятственно реализовываться на стадии доследственной проверки.

Примечания

1. Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений

и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях: приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 // Российская газета. 2014. 14 ноября.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: текст с изменениями и дополнениями на 20 января 2016 года. М., 2016.

3. Там же.

А.М. Столповский,
адъюнкт адъюнктуры
НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., профессор *Т.В. Пинкевич*

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА БАНКОВСКОЙ ТАЙНЫ В РОССИИ

Залогом успешного функционирования финансовой системы страны является повышение качества правового обеспечения банковской деятельности. Дальнейшее развитие России в условиях глобального финансового кризиса напрямую зависит от степени «здоровья» банковской системы. Российский вариант процессов либерализации экономики, происходивший в последние годы, не был обеспечен надлежащими механизмами ее контроля и защиты от противоправных посягательств, что не могло не повлечь за собой криминализации финансовых отношений в масштабах государства. Общие объемы кредитования юридических лиц и индивидуальных предпринимателей увеличились в несколько раз. Например, если на начало 2009 года сумма составляла 3752 млрд рублей, то на начало 2017 года – уже до 32 395 млрд рублей¹. Данные обстоятельства свидетельствуют о том, что особое внимание должно уделяться выявлению правонарушений в финансово-кредитной сфере.

Общий объем привлеченных средств юридических и физических лиц за период с 2012 по 2017 год увеличился с 19 729 млрд рублей до 34 120 млрд рублей на начало 2017 года². Для сравнения, объем валового внутреннего

продукта Российской Федерации в 2015 году в текущих ценах составил: 85 880,6 млрд рублей³. Как видим, современная российская экономико-правовая реальность диктует необходимость строжайшего контроля и непрерывной работы в области мониторинга и актуализации законодательства в сфере банковской деятельности, в том числе в области правового института банковской тайны, поэтому необходима отлаженная и надежная система уголовно-правового регулирования этих правоотношений. В связи с этим особый интерес представляют статистические данные о преступности в финансово-кредитной сфере.

Анализ преступности в финансово-кредитной сфере показывает, что в период с 2003 по 2009 год была тенденция к увеличению количества зарегистрированных преступлений в этой сфере с 68 652 до 101 557. Следует отметить, что их увеличение в этот период имело свои экономические предпосылки, такие как последствия дефолта в 1998 году и мирового экономического кризиса 2008 года.

Однако уже с 2013 года количество выявленных преступлений в финансово-кредитной сфере снизилась до 39 424 преступлений и в 2016 году составило 28 884 преступлений⁴. Показательным является тот факт, что растет число осужденных за незаконное получение и разглашение сведений, составляющих банковскую тайну (ст. 183 УК РФ), с 13 человек в 2013 году до 48 осужденных в 2015 году⁵.

Это свидетельствует о повышении качества рассмотрения в суде уголовных дел о преступлениях, связанных с незаконным получением и разглашением банковской тайны.

Масштабы компьютерной преступности возрастают, прежде всего увеличивается число преступлений в кредитно-финансовой сфере, в том числе связанных с нарушением конституционных прав и свобод человека и гражданина и затрагивающих личную и семейную тайны, при обработке

персональных данных с использованием информационных технологий. Средства и способы совершения данных преступлений становятся все изощреннее с каждым годом⁶.

Приведенные факты свидетельствуют о серьезности ситуации, которая складывается в сфере противодействия преступлениям в сфере защиты банковской тайны. В действующем праве России коммерческая, налоговая и банковская тайна охраняется различными отраслями права, прежде всего, гражданским и уголовным.

Однако если рассматриваемый институт получил необходимую научную разработку в гражданском праве, то уголовно-правовой запрет (ст. 183 УК РФ «Незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну») требует дополнительного научного осмысления.

В связи с этим следует отметить, что уголовное законодательство выступает одним из основных и важнейших правовых средств обеспечения защиты банковской тайны. Осознавая особую роль развитых экономических отношений в жизни общества, законодатель принимает меры по закреплению гарантий защиты банковской тайны уголовно-правовыми средствами.

Примером может служить внесение изменений в санкции ст. 183 и 187 УК РФ, согласно которым в разы увеличен размер штрафа за совершение этих преступлений⁷.

Вопросы правильной квалификации преступлений появляются у субъектов правоприменительной деятельности на всех стадиях уголовного процесса, начиная с момента возбуждения уголовного дела и заканчивая рассмотрением уголовного дела в суде. Данные обстоятельства свидетельствуют об особой роли квалификации преступлений на этапе предварительного расследования.

Таким образом, уместно сделать вывод о том, что вопросы квалификации преступлений возникают у следо-

вателя, прокурора, судьи, адвоката практически по каждому уголовному делу, что определяет высокий уровень интереса к данной проблеме и актуальность работ по данной тематике.

Так же необходимо добавить, что в современном российском обществе выявляется тенденция к активному использованию в рыночных отношениях технологии безналичных расчетов, что накладывает на законодателя дополнительную ответственность за охрану банковской тайны, которая может быть нарушена путем использования электронных средств удаленного доступа, в том числе и вирусных программ.

В связи с этим проблему защиты банковской тайны в настоящее время следует рассматривать не только с позиции ст. 183 УК РФ «Незаконное получение и разглашение сведений, составляющих банковскую тайну», а как совокупность норм (ст. 159³, 183, 187, 272, 273 УК РФ), которые имеют непосредственное отношение к банковской тайне и обеспечивают в совокупности ее защиту уголовно-правовыми средствами.

Вместе с тем, несмотря на наличие уголовно-правовых норм, регламентирующих защиту банковской тайны от преступных посягательств, в уголовном праве достаточно слабо сформирован понятийный аппарат, который характеризует преступления в данной сфере, само определение «банковская тайна» в уголовном законе не закреплено, а имеющееся в других нормативных актах вызывает массу противоречий и разногласий, чему имеется множество причин.

Во-первых, положения действующего российского законодательства содержат ряд серьезных противоречий, что позволяет многозначно трактовать данный вид конфиденциальной информации. Во-вторых, это крайне неоднозначное соотношение банковской тайны с другими видами охраняемых законом тайн.

В-третьих, существенное изменение подходов к пониманию института банковской тайны и ее защиты за последние десятилетия как в отечественном, так и в зарубежном и международном законодательстве. В нормативных правовых актах, регламентирующих данный вопрос, встречаются различного характера недоработки и противоречия.

Данные обстоятельства стали причиной того, что в правоприменительной практике при квалификации преступлений нередко возникают коллизии, связанные с определением банковской тайны, квалификации при конкуренции уголовно-правовых норм, совокупности преступлений, а неверно принятое решение по конкретному уголовному делу существенным образом сказывается на защите прав и законных интересов участников уголовного процесса.

Примечания

1. Общие объемы кредитования юридических лиц-резидентов и индивидуальных предпринимателей в рублях по видам экономической деятельности и отдельным направлениям использования средств (всего по Российской Федерации) // Центральный банк Российской Федерации. URL: http://www.cbr.ru/statistics/UDStat.aspx?TblID=30201&pid=sors%20&sid%20=ITM_27910 (дата обращения: 21.03.2017).

2. Общая сумма средств организаций, банковских депозитов (вкладов) и других привлеченных средств юридических и физических лиц в рублях, иностранной валюте и драгоценных металлах (всего по Российской Федерации). URL: http://www.cbr.ru/statistics/UDStat.aspx?TblID=30221&pid=sors&sid=ITM_307%2061 (дата обращения: 21.03.2017).

3. Показатели: ВВП за 2016 год. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/bgd/>

free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d01/19.htm (дата обращения: 21.03.2017).

4. Статистика и аналитика // Министерство Внутренних Дел Российской Федерации: [сайт] URL: https://мвд.рф/upload/site1/document_news/009/338/947/sb_1612.pdf – дата обращения 21.03.2017.

5. Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 11.03.2017).

6. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 50, ст. 7074.

7. О внесении изменений в статью 183 Уголовного кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 29 июня 2015 № 193-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 27, ст. 3984.

А.С.-У. Теунаев,
адъюнкт адъюнктуры
НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., профессор *А.В. Петрянин*

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ В СФЕРЕ СУБСИДИРОВАНИЯ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

Преступное поведение как социальное явление не может рассматриваться в отрыве от анализа субъективных особенностей лиц, совершающих преступления. Различные деформации стереотипов восприятия, степень социализации, негативное отношение к нравственным ценностям и правовой нигилизм обуславливают формирование личности преступника. Когнитивное искажение и психологическая дезориентация человека выражаются в деструктивной модели образа жизни.

Понятие «личность преступника» имеет комплексный характер и изучается целым рядом научных направлений (философия, социология, психология и психиатрия, педагогика). Философский подход к этой дефиниции основан на отрицании категорий «преступная психика» или «преступная наследственность» и на признании рассогласования в современный период системы адаптации индивида в обществе¹. В социологических исследованиях обращается внимание на глобальную маргинализацию, преступную ориентацию люмпенизированных слоев общества и соци-

альное неравенство как одну из главных причин преступного поведения². С точки зрения психиатрии *специфической чертой личности преступника является душевная аномалия*, на основе которой формируется девиантная модель взаимодействия с другими людьми³. В психологии исследуются особенности социализации человека и – в контексте взаимоотношений в обществе – такие факторы, как эмоциональное состояние, тревожность, импульсивность, агрессивность⁴. Педагогические исследования включают изучение личности преступника с учетом сформировавшейся у него системы антиобщественных взглядов⁵. Приведенные положения получили развитие в криминологической и уголовно-правовой науке.

Так, в отечественной криминологии достаточно давно признается необходимость единого по своему содержанию изучения личности преступника, основанного на синтезе научных знаний из разных отраслей⁶. При этом может быть опровергнута условность этого понятия, на которой настаивают некоторые авторы⁷: хотя преступность деяний и определяется действующим законодательством, *стойкость негативных антиобщественных установок выступает фактором, формирующим мотивацию преступного поведения*. В уголовно-правовой теории сформировался подход к личности преступника как носителю совокупности физических, психических и социально-политических качеств, имеющей уголовно-правовое значение⁸. В современных криминологических исследованиях это понятие получило дуалистическое толкование. Во-первых, оно подразумевает личность человека, совершившего общественно опасное деяние, запрещенное под угрозой уголовной ответственности⁹. Во-вторых, совокупность психологических социально значимых негативных черт психики человека, развившихся в результате его недостаточной социализации и особенностей взаимодействия с другими людьми. Кроме того,

криминологи исходят из биосоциальной природы человека, в силу которой его поведению свойственна двойственная детерминация¹⁰.

С учетом изложенного, сделаем вывод о том, что *изучение личности преступника подразумевает анализ негативных антиобщественных установок во взаимосвязи с особенностями преступного поведения*. При этом имеют значение как объективные, так и субъективные характеристики совершенного преступления. *Лица, совершившие общественно опасные посягательства в сфере субсидирования агропромышленного комплекса, обладают некоторыми общими признаками*, благодаря чему может быть произведена их дифференциация по различным основаниям.

В криминологических исследованиях используется два основных приема анализа личности преступника. Первый, предложенный более 50 лет назад А.Б. Сахаровым, основан на степени стойкости антиобщественных черт личности и устойчивости преступного поведения и позволяет выделить «привычных» (профессиональных) и случайных преступников¹¹. Второй прием базируется на структуре личности преступника, в которой выделяются социально-демографические, нравственно-психологические и уголовно-правовые признаки¹². В целях наиболее полного анализа личности преступника, совершающего общественно опасные посягательства в сфере субсидирования агропромышленного комплекса, могут быть использованы оба сложившихся исследовательских подхода.

Отличительными особенностями преступного поведения в целом выступают негативная направленность интересов, устойчивая криминальная ориентация с отрицанием ценностно-нормативной системы общества¹³. При совершении корыстных преступлений эти особенности дополняются нежеланием реализовывать личные материальные потребности посредством честного труда. При использова-

нии в преступных целях механизма правового регулирования (например, порядка субсидирования агропромышленного комплекса) криминальная направленность действий виновного получает определенное легальное прикрытие, поскольку он предпринимает усилия по маскировке преступного намерения. *При совершении с использованием должностного положения, связанного с принятием решений о предоставлении субсидий, хищения выделяемых бюджетных средств или их части, виновный злоупотребляет предоставленным статусом и приобретает стойкую привычку к коррупционному поведению.* Имеет значение и то обстоятельство, что виновный подробно осведомлен о законном порядке удовлетворения имеющихся потребностей и при реализации преступного умысла предпринимает совокупность действий по имитации социально полезного поведения.

Преступления, совершаемые в сфере субсидирования агропромышленного комплекса, имеют корыстную или коррупционную направленность. При этом в обоих случаях в основе формирования преступного поведения лежит стремление к незаконному обогащению. На этой основе можно сделать следующие замечания относительно типологии личности преступника.

Основные разработанные в криминологии типологии личности преступника сгруппированы вокруг следующих центральных позиций: характер и степень общественной опасности (М.Н. Голоднюк, Н.Ф. Кузнецова), криминальная мотивация (Ю.М. Антонян, Г.Г. Шиханцов), особенности социализации личности (В.Н. Бурлаков, А.И. Долгова). По глубине, стойкости и интенсивности антисоциальной направленности принято выделять следующие типы преступников: случайный, ситуационный, неустойчивый, злостный и особо злостный (В.Д. Малков). Представляется логичным отнести лиц, совершающих преступления в сфере

субсидирования агропромышленного комплекса, к корыстным, прошедшим основные ступени социализации, обладающим относительно стойкой антиобщественной направленностью. При этом только небольшая часть из них, как будет показано ниже, может быть включена в число устойчивых преступников, а в основном они соответствуют критериям ситуационных или случайных преступников.

Применительно к корыстным преступникам выделяется несколько типов личности: ситуативный (совершающий преступление под влиянием ситуации острой нужды или ситуации доступности преступного результата), корыстный преступник, решающий с помощью преступления проблемы материального обеспечения вне зависимости от ситуации (для таких лиц преступная деятельность может являться основным источником дохода), конформистский тип (совершает преступление под влиянием более авторитетных лиц), самоутверждающийся тип (совершает преступления в целях завоевания авторитета), патологический тип (действует под влиянием страсти к накоплению), романтический тип (совершает преступления из любви к риску), «революционный» тип (определяющим в его мотивации является неприязнь к людям, имеющим большее количество материальных возможностей)¹⁴.

Из этого можно заключить, что посягательства, связанные с субсидированием агропромышленного комплекса, могут реализовываться при наличии у субъекта определенного жизненного опыта, стажа работы в сфере сельского хозяйства, а также статуса, использующегося в целях приобретения права на получение субсидии или доступа к бюджетным средствам, выделяемым на основании решения о субсидировании.

Стартовым условием для формирования личности преступника могут служить: 1) скудность духовных потребностей и интересов; 2) пренебрежительное отношение

к уголовно-правовым запретам; 3) дефекты правосознания; 4) доминирование примитивно-бытовых побуждений; 5) легкость мотивации при неглубокой критической оценке жизненной ситуации, в которой совершается правонарушение или преступление; 6) слабая развитость предвидения последствий своих действий; 7) эмоциональная неустойчивость¹⁵. Кроме того, нравственно-психологические качества лиц, совершающих преступления, могут включать стремление к обогащению любой ценой, толерантность к преступному образу жизни, оценку собственных способностей как исключительных.

Можно выделить *несколько типов личности преступника, совершающего преступления в сфере субсидирования агропромышленного комплекса.*

1. *Тип, сформировавшийся на основе законопослушной личности под влиянием слабо выраженного критического отношения к допустимым способам удовлетворения возникающих потребностей:* это лица, как правило, зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей, занимающиеся фермерской деятельностью, осведомленные об относительно простом механизме получения субсидий.

2. *Тип, имеющий маргинализованные представления о модели поведения в условиях распространенности мошеннических и коррупционных схем завладения денежными средствами:* это лица, осведомленные о коррупционных механизмах, существующих при распределении субсидий, рассчитывающие на невыявление факта нецелевого использования полученных денежных средств, а также должностные лица, использующие предоставленные законом полномочия в целях хищения бюджетных средств.

3. *Тип, имитирующий ведение деятельности в агропромышленной сфере в целях получения и последующего присвоения субсидий:* это лица, изначально не имеющие

намерения расходования выделенных денежных средств по их назначению, фактически не занимающиеся сельским хозяйством, но использующие статус индивидуального предпринимателя (фермера) для облегчения совершения преступления.

Предлагаемую типологию автор основывает на таких *критериях*, как: конкретный вид совершенного преступления, его связь с коррупционным поведением, особенности занятости субъекта в сельском хозяйстве, его жизненный опыт и предыдущие конфликты с законом, а также степень выраженности общего негативного отношения к его соблюдению.

Повышенная дискуссионность личностной проблематики в криминологии отмечается достаточно давно¹⁶. Это может быть связано и с многогранным понятием личности преступника, и со сложностью унификации представлений о ней. Как представляется, *предложенная типология может иметь прикладное значение и способствовать индивидуализации уголовной ответственности*. В отсутствие среди изученного автором массива информации случаев совершения преступлений в сфере субсидирования агропромышленного комплекса дезадаптированных, самоутверждающихся, маргинализованных (алкогольных и др.) типов преступников она вносит вклад в развитие научных знаний. Кроме того, таким образом может быть усовершенствован подход к исследованию личностных особенностей корыстных преступников.

Некоторые исследователи полагают, что *возможна типология личности преступника по длительности ведения преступной деятельности, а также степени криминального профессионализма*. Это представляется достаточно спорным, поскольку такие признаки характерны только для некоторых форм криминального поведения (например, совершения хищений, преступлений на сексуальной почве и др.).

Аналогично криминальный профессионализм выступает качеством, приобретаемым за счет повторения преступного опыта и в течение длительного времени. Таким образом, типология в данном случае носит выборочный характер.

Для выявленных лиц, совершивших преступления в сфере субсидирования агропромышленного комплекса, не характерна многоэпизодность преступных действий. С другой стороны, вопрос о длительности возникает в данном случае во взаимосвязи с быстротой выявления совершенного преступления, а это, к сожалению, становится возможным только по истечении срока целевого использования субсидии. О степени криминального профессионализма в данном случае говорить не представляется возможным, поскольку для всех осужденных по изученным уголовным делам было установлено отсутствие совершения таких преступлений в прошлом. Кроме того, при совершении преступления должностным лицом криминальная деятельность может длительное время тщательно скрываться, а уголовное дело – содержать единичный эпизод хищения бюджетных средств, предназначенных для субсидирования АПК.

Завершая изложенное, можно отметить, что *личность преступника, совершившего преступление в сфере субсидирования агропромышленного комплекса, – это носитель интеллектуальных, волевых и характерологических черт, определяющих формирование криминальной мотивации и особенности ее воплощения в преступном поведении*. Выявленные три типа личности преступника различаются по интенсивности преступного поведения и длительности поддержания негативных антиобщественных установок. При этом каждый из них может быть исправлен без применения мер уголовного наказания, связанных с изоляцией от общества, за исключением должностных лиц, чья криминальная деятельность в сфере хищения бюджетных средств представляет повышенную общественную опасность.

Примечания

1. См.: *Рудко Е.А.* Особенности личности преступника в кризисном социуме: дис. ... канд. филос. наук: Архангельск, 2002. С. 133–134.
2. См.: *Медушевский А.Н.* Социология права. М., 2015. С. 352–354.
3. См.: *Личко А.Е.* Психопатии и акцентуации характера у подростков. СПб., 2010. С. 10.
4. См.: *Борисова С.Е.* Психологические особенности личности преступника // *Юридическая психология.* 2007. № 3. С. 19–21.
5. См.: *Штинова Г.Н., Галагузова М.А., Галагузова Ю.Н.* Социальная педагогика. М., 2013. С. 34.
6. См.: *Герцензон А.А.* Уголовное право и социология. Проблемы социологии уголовного права и уголовной политики. М., 1970. С. 139–140.
7. См.: *Пушкарев М.А.* Субъект преступления и личность преступника. Курган, 2005. С. 7.
8. См.: *Дагель П.С.* Учение о личности преступника в советском уголовном праве. Владивосток, 1970. С. 15.
9. См.: *Личность преступника* / под ред. В.Н. Кудрявцева. М., 1975. С. 13.
10. См.: *Антонаян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е.* Психология преступника и расследования преступлений. М., 1996. С. 3–6.
11. См.: *Сахаров А.Б.* О личности преступника и причинах преступности в СССР. М., 1961. С. 164.
12. См.: *Абызов К.Б., Гриб В.Р., Ильин И.С.* Криминология: курс лекций. М., 2011. С. 54.
13. См.: *Криминология: учебник* / под ред. Г.Л. Касторского. СПб., 2007. С. 244.
14. См.: *Инишаков С.М.* Криминология. М., 2002. С. 162–163.

15. См.: *Лунеев В.В.* Причины, предупреждение и методы изучения преступлений в Вооруженных Силах СССР. М., 1986. С. 175.

16. См.: *Резник Г.М.* Личность преступника: правовое и криминологическое содержание // Личность преступника и уголовная ответственность: сборник научных трудов Саратова, 1981. С. 29–43.

Ю.В. Царева,
адъюнкт адъюнктуры
НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., профессор *А.С. Александров*

К ВОПРОСУ О НАРУШЕНИИ ПРАВ АДВОКАТА НА ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СУДЕ

Подвергая явному сомнению состязательный характер современного уголовного судопроизводства, в данной статье мы рассмотрим некоторые особенности приобщения судом доказательств по уголовному делу, а также проанализируем допускаемые судом нарушения прав стороны защиты.

Эффективная, а вовсе не формальная защита по уголовному делу в настоящее время – сложная и подчас непосильная задача для многих практикующих юристов. Решить ее иногда невозможно из-за элементарного нежелания адвокатов вникнуть в суть дела, особенно когда речь идет о защитниках, участвующих в уголовном деле по назначению органов предварительного расследования, а в некоторых случаях, когда адвокат выражает искренне намерение добросовестно осуществлять защиту своего подопечного, этому решению препятствуют пробелы действующего законодательства в вопросе неравноправия сторон в предоставлении доказательств по делу.

Не секрет, что, согласно официальной статистике, количество оправдательных приговоров является мизерным. Низкий процент оправдательных приговоров (0,4 процента) объясняется хорошей работой следствия в России, считает Владимир Маркин¹.

Указанные доводы, на наш взгляд, весьма сомнительны, хотя бы если принять во внимание существование на современном этапе уголовного судопроизводства России смешанного следственно-состязательного процесса, или «полицейского следствия»². Обвинительная, следственная власть играет роль хозяина уголовного процесса, а «следователь – хозяина уголовного дела»³.

По мнению доцента кафедры уголовно-процессуального права Московской государственной юридической академии Анны Паничевой, если бы следователи и судьи неуклонно соблюдали законы, можно было бы иметь нормальную правоохранительную систему, а «сейчас мы имеем бесконтрольный Следственный комитет»⁴.

Письменная форма фиксации доказательств на предварительном расследовании является формой их признания в суде, как бы заранее предопределяя их законную силу. Помимо этого, собранные следователем доказательства свободно конкурируют с полученными непосредственно в судебном заседании. И если говорить о конкуренции, нелишним будет отметить, что зачастую прокуроры пользуются в суде таким приемом. При наличии противоречий в показаниях свидетеля, данных на предварительном следствии и в судебном заседании, государственный обвинитель с согласия суда оглашает протокол допроса свидетеля, а затем задает ему стандартный вопрос: «Вы подтверждаете показания, данные вами на предварительном следствии?». Как правило, свидетель в этом случае дает положительный ответ.

Оказавшись в таких обстоятельствах, судья вынужден следовать материалам уголовного дела, сформированного следователем. А собранные при расследовании доказательства, облеченные в письменную процессуальную форму (протоколы следственных действий), создают некую разновидность системы формальной оценки доказательств, когда

основная задача судьи сводится лишь к проверке представленных обвинением доказательств на предмет их непротиворечивости друг другу, а в конечном итоге, в обеспечении соответствия приговора выводам обвинения.

Если по материалам уголовного дела, собранным на досудебной стадии процесса, все гладко, судья выносит обвинительный приговор, поскольку у него нет оснований не доверять таким доказательствам. Несмотря на формально декларируемый принцип свободы оценки доказательств, в настоящее время суд такой свободой не наделен и находится в некой зависимости от собранных по делу материалов. Это означает, что формализованное расследование является одной из главных причин (хотя и не единственной) обвинительного уклона в российском уголовном процессе.

Что мы наблюдаем в ходе производства по делу? Следователь, судья и прокурор желают только одного – вынесения обвинительного приговора «любой ценой». Судьи не пытаются установить истину по делу – их задача вынести обвинительный приговор. Доказательства защиты всегда воспринимаются судьями и государственными обвинителями «в штыки». Законные доводы защиты о существенных нарушениях процессуального закона в ходе следствия почти всегда признаются необоснованными и отклоняются. Не принимаются во внимание и ссылки защиты на руководящие разъяснения Верховного Суда РФ. В постановлениях «об отказе в удовлетворении ходатайств защиты об исключении недопустимых доказательств» фиксируются в прямом смысле «корявые», нелогичные доводы.

Говоря о законных методах защиты, при рассмотрении уголовного дела судом добиться оправдательного приговора можно фактически двумя способами: путем представления суду неопровержимых доказательств невиновности подсудимого либо путем исключения из числа допустимых большинства доказательств, представленных суду

стороной обвинения, ввиду существенных нарушений уголовно-процессуального закона.

Указанные способы имеют существенное различие и могут возникнуть при абсолютно противоположных обстоятельствах, характеризующих причастность лица к содеянному. Так, в первом случае на основе неоспоримых (безусловных) доказательств суд удостоверяется в том, что лицо не совершало инкриминируемого ему преступления, во втором случае факт совершения подсудимым преступления не опровергается, однако суду недостаточно доказательств его вины для вынесения обвинительного приговора, поскольку большая их часть перешла в разряд недопустимых.

Понятно, что у любого адвоката шансов исключить из процесса доказывания недопустимые доказательства гораздо больше, чем добыть доказательства невиновности. Здесь мы сразу исключаем случаи недобросовестности адвокатов, которые, намереваясь обеспечить своему подзащитному алиби, приводят в суд лжесвидетелей⁵.

Добиться положительного результата с помощью исключения недопустимых доказательств – задача не из легких, и справиться с ней под силу только опытному адвокату. В настоящее время следственный корпус сильно помолодел. Следователи не имеют достаточного опыта, учить и подсказывать им зачастую некому. В связи с этим нарушения процессуального закона содержатся почти в каждом уголовном деле. Однако следует учитывать, что судом как недопустимые исключаются только доказательства, полученные *с существенным нарушением процессуального закона*.

Как следует из смысла закона и позиции Верховного Суда РФ, доказательства считаются недопустимыми, когда при их собирании и закреплении был нарушен установленный законом порядок. Кроме того, доказательства являются

недопустимыми, если они получены в результате действий, не предусмотренных процессуальными нормами, например, когда процессуальная форма производства следственного действия не соблюдается. Иногда следователи объединяют несколько следственных действий в одно или подменяют одно следственное действие другим, например, проверку показаний на месте подменяют осмотром места происшествия с участием подследственного.

Теперь перейдем к рассмотрению реальной ситуации, демонстрирующей возможности стороны защиты по представлению в суд собранных ею доказательств.

В соответствии с положениями УПК РФ защита наделяется правом собирания доказательств. Если исходить из положений ст. 53, 86 УПК РФ, адвокат вправе собирать и представлять доказательства, необходимые для оказания юридической помощи, путем получения предметов, документов, иных сведений; опроса лиц с их согласия; истребования документов от различных органов, в том числе государственных и муниципальных. Однако в действительности следователь как лицо, ведущее уголовный процесс, как правило, ограничивается лишь удовлетворением, и то не в каждом случае, поданного защитником ходатайства о производстве отдельных следственных действий. Но это уже отдельное полномочие защиты, предусмотренное п. 8 ч. 1 ст. 53 УПК РФ.

Тем не менее, если стороне защиты и удастся собрать и приобщить к материалам уголовного дела во время следствия какие-либо доказательства, добытые указанным выше путем, они должны быть вескими, поскольку наши суды пытаются забраковать любые доказательства, оправдывающие подсудимого.

Если подсудимый хочет допросить свидетелей, не допрошенных на предварительном следствии, то ему самому необходимо обеспечить их явку в суд, поскольку суды не-

редко отказывают в допросе свидетелей, несмотря на то, что показания последних имеют значение для дела.

Далее рассмотрим конкретный пример, связанный с предоставлением адвокатом в суд заключения специалиста.

Так, в соответствии со ст. 53, 58 УПК РФ защитник вправе привлекать специалиста. Однако в связи с тем, что УПК РФ недостаточно четко регламентирует порядок получения такого заключения и не предусматривает его содержания, с этим доказательством в суде часто возникают проблемы. Еще больше ситуация усугубляется, если *заключение специалиста* как доказательство использует защитник. В соответствии со ст. 58 УПК РФ специалист может давать разъяснения не только суду, но и сторонам, то есть право получать заключение специалиста есть и у защиты.

Из-за пробелов в правовом регулировании имеются проблемы в правоприменительной практике. Суд и органы расследования очень часто отказывают защитникам в удовлетворении ходатайств о приобщении к материалам дела заключения специалиста.

На протяжении нескольких лет позиция Конституционного Суда РФ по этому вопросу остается стабильной. Так, в своем определении от 17 июня 2013 года № 1003-0⁶ Конституционный Суд РФ отмечает, что обвиняемый и его защитник имеют право участвовать в доказывании, в том числе привлекать к участию в деле выбранного ими специалиста. Сторона защиты вправе получить от специалиста заключение и представить его органам расследования и суду для приобщения в качестве доказательства к материалам дела. Из этого определения следует, что заключение специалиста может быть доказательством по уголовному делу, а единственный критерий удовлетворения либо неудовлетворения ходатайства о приобщении такого заключения к материалам уголовного дела – относимость полученных

сведений. Аналогичная позиция Конституционного Суда РФ высказана в определениях от 24 февраля 2011 года № 264-О-О, от 19 июня 2012 года № 1100-О, от 23 апреля 2013 года № 495-О⁷.

Но если позиция Конституционного Суда РФ однозначна и стабильна, то позиция Верховного Суда РФ по этому поводу весьма изменчива. По одним уголовным делам Верховный Суд РФ счел обоснованным отказ суда первой инстанции в приобщении заключения специалиста по ходатайству защиты, мотивируя тем, что оно получено вне рамок уголовно-процессуального закона.

Как указывалось в начале статьи, УПК РФ действительно не регламентирует порядок обращения адвоката к специалисту для дачи заключения. Однако этот порядок не определен и для следователя.

Конституционный Суд РФ прямо указал в своем определении от 4 апреля 2006 года № 100-О⁸, что отсутствие процессуальной регламентации формы не может рассматриваться как основание для отказа в приобщении полученных результатов к материалам дела. Эту позицию можно толковать расширительно и распространить не только на опрос лиц с их согласия, но и на заключение специалиста, поэтому приведенные Верховным Судом РФ мотивы трудно признать обоснованными.

По другому уголовному делу судом было принято и приобщено к материалам дела заключение специалистов, однако оно им не исследовалось, так как получено адвокатом в рамках осуществления защиты (Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2013 год)⁹.

Такая позиция Верховного Суда РФ вызывает недоумение.

В то же время из постановления Пленума Верховного суда РФ от 21 декабря 2010 года № 28 «О судебной экспер-

тизе по уголовным делам»¹⁰ следует, что заключение специалиста все же имеет статус доказательства по уголовному делу. Согласно п. 20 данного постановления «заключение и показания специалиста даются на основе использования специальных знаний и так же, как заключение и показания эксперта в суде, являются доказательствами по делу. При этом следует иметь в виду, что специалист не проводит исследование вещественных доказательств и не формулирует выводы, а лишь высказывает суждения по вопросам, поставленным перед ним сторонами.

Под сторонами в уголовно-процессуальном праве понимается не только сторона обвинения, но и сторона защиты. Таким образом, представлять заключение специалиста вправе и защитник, и такое заключение по смыслу названного постановления должно признаваться доказательством по уголовному делу.

Но судебная практика по-прежнему идет по пути, отличающемуся от указанной позиции. Суды общей юрисдикции в большинстве случаев заключение специалиста, полученное по инициативе адвоката, не признают доказательством.

Суды используют следующие формулировки в своих постановлениях: «заключение специалиста не может заменить заключение эксперта»; «специалист, в отличие от эксперта, исследования не проводил»; «специалист высказывает только свои суждения, имеющие значение для уголовного дела, но доказательственной силой, присущей заключению эксперта, они не обладают»¹¹.

Однако суд забывает, что цель получения защитником заключения специалиста – не подменить заключение эксперта, а оспорить его. Более того, спорное утверждение о доказательственной силе заключений не может обосновывать отказ в удовлетворении ходатайства защитника о приобщении их к материалам дела.

Позиция Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) по этому вопросу была высказана в постановлении от 27 марта 2014 года по делу «Матыцина против России»¹². ЕСПЧ в этом постановлении отмечает, что правила допустимости не должны лишать сторону защиты возможности их эффективного оспаривания, в частности, путем представления или получения альтернативных мнений и заключений. При определенных обстоятельствах отказ в принятии альтернативной экспертизы в качестве доказательства может рассматриваться в качестве нарушения п. 1 ст. 6 Конвенция о защите прав человека и основных свобод ЕТS № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.), с изменениями и дополнениями¹³.

В постановлении от 25 июля 2013 года по делу «Ходорковский и Лебедев против России»¹⁴ подчеркнуто, что оспаривание заключения эксперта в отсутствие помощи другого эксперта в соответствующей сфере может быть затруднительным. Таким образом, одного права стороны защиты просить суд о назначении другой экспертизы недостаточно. Чтобы реализовать это право эффективно, сторона защиты должна иметь ту же возможность представления собственных «экспертных доказательств».

Из приведенных примеров следует, что ЕСПЧ признает доказательственное значение заключения специалиста, полученного защитником, считает это необходимым для осуществления защиты прав, гарантированных Европейской конвенцией по правам человека. Ситуацию, когда сторона защиты лишается права представить суду заключение специалиста, ЕСПЧ расценивает как ставящую ее в явно неблагоприятное положение по сравнению со стороной обвинения.

Из всего сказанного выше можно сделать следующий вывод.

В соответствии с уголовно-процессуальным законом защитник не обладает правом непосредственного назначения судебной экспертизы (здесь он ограничен постановкой

перед экспертом «своих» вопросов). В связи с этим **получение им заключения специалиста** – это важнейшая гарантия обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту. Лишение этого права исключает возможность оказания активной защиты.

При этом, несмотря на то, что Конституционный Суд РФ и ЕСПЧ однозначно признают заключение специалиста, предоставленное стороной защиты, доказательством по уголовному делу, и закон разрешает адвокату пользоваться помощью специалиста, суд в большинстве случаев лишает его возможности реализации этого права.

Налицо явное нарушение принципов состязательности и равенства сторон перед законом и судом, что, в свою очередь, не может не влиять на справедливость судебного разбирательства.

Примечания

1. URL: www.bbc.com/russian/russia/2015/01/150120_mark_in_acquittal_rate_court_russia (дата обращения: 15.05.2017).

2. URL: www.svoboda.org/a/27485437.html (дата обращения: 15.05.2017).

3. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / под ред. А.С. Александрова. М., 2015. С. 7.

4. Руководитель Фонда «Общественный вердикт» Наталья Таубина. URL: www.svoboda.org/a/27485437.html (дата обращения: 15.05.2017).

5. Уголовное дело № 266421. Архив Советского районного суда г. Н. Новгорода.

6. СПС «Гарант». URL: www.garant.ru (дата обращения: 15.05.2017).

7. Там же.

8. Там же.

9. Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2013 год. URL: www.suprcourt.ru (дата обращения: 15.05.2017).

10. О судебной экспертизе по уголовным делам: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 21 декабря 2010 года № 28. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.05.2017).

11. URL: www.pershickow.ru (дата обращения: 15.05.2017).

12. Постановление Европейского суда по правам человека от 27 марта 2014 г. по делу «Матыцина против России». URL: www.europeancourt.ru (дата обращения: 15.05.2017).

13. СПС «Гарант». URL: www.garant.ru (дата обращения: 15.05.2017).

14. Постановление Европейского Суда по правам человека от 25.07.2013 по делу «Ходорковский и Лебедев против России». URL: www.europeancourt.ru (дата обращения: 15.05.2017).

А.А. ШUTOVA,
адъюнкт адъюнктуры
НА МВД России.

Научный руководитель –
к.ю.н., доцент *Е.Е. Черных*

**ВОПРОСЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ
МОШЕННИЧЕСТВА
В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ
И НЕЗАКОННОГО ПОЛУЧЕНИЯ КРЕДИТА
(ПО МАТЕРИАЛАМ
ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ)**

Незаконное получение кредита и мошенничество в сфере кредитования являются одними из наиболее распространенных посягательств в различных сферах экономической деятельности. Они укоренились в России, становятся все более опасными, тем самым создают сложности в разработке мер, направленных на противодействие подобным негативным явлениям.

В настоящее время в правоприменительной практике актуальным вопросом остается разграничение норм, предусматривающих ответственность за мошенничество в сфере кредитования (ст. 159¹ УК РФ), и незаконное получение кредита (ст. 176 УК РФ). Данное обстоятельство обусловлено единым способом совершения уголовно наказуемых деяний, которым выступает предоставление заведомо ложных сведений в банк или иную кредитную организацию.

Так, приговором суда К.О.Ю. признан виновным в совершении мошенничества в сфере кредитования. В апелляционной жалобе адвокат указывает, что действия К.О.Ю. образуют состав преступления, предусмотренный ст. 176

УК РФ, а не ст. 159¹ УК РФ, поскольку корыстного умысла не было, так как он не обращал денежные средства в свою пользу. Денежные средства поступили на счет организации. Причиной прекращения платежей по кредиту явилась сложившаяся экономическая ситуация, а не умысел подсудимого. Однако К.О.Ю. предлагались варианты решения вопросов, связанных с погашением кредита, но осужденный уходил от решения этих вопросов, в том числе от вопроса реструктуризации кредита¹. Несмотря на то, что К.О.Ю. частично выполнил взятые на себя кредитные обязательства, это не должно влиять на квалификацию действий осужденного, так как хищение в форме мошенничества является окончанным с момента, когда у виновного появилась реальная возможность распорядиться похищенным. По данному делу это был момент поступления денежных средств на счет организации, возглавляемой осужденным. С учетом изложенного судебная коллегия оснований для переквалификации действий К.О.Ю. с ч. 4 ст. 159¹ УК РФ на ст. 176 УК РФ также не усмотрела.

В другом случае в апелляционном представлении государственный обвинитель ставит вопрос об отмене приговора в связи с тем, что судом необоснованно переквалифицированы действия К.С.В. с ч. 4 ст. 159¹ УК РФ на ч. 1 ст. 176 УК РФ. Исходя из обстоятельств дела, у К.С.В. не усматривается умысел, направленный на хищение денежных средств, о чем свидетельствуют его действия в виде погашения полученного кредита, затем при неполучении лицензии им были предприняты меры к пролонгации договора и по переводу кредитных обязательств на другое общество, то есть были предприняты меры по возврату кредита². С субъективной стороны для квалификации действия по ст. 159¹ УК РФ умысел, направленный на хищение, должен был сформирован до момента получения кредита. В данном случае можно заметить, что К.С.В. пред-

принял всевозможные действия по погашению кредита, что свидетельствует об отсутствии у него умысла, направленного на хищение денежных средств.

Повторимся, что указанные общественно опасные деяния совершаются с использованием единого способа – предоставление банку или иному кредитору заведомо ложных сведений. Однако между признаками данных составов преступлений имеется ряд существенных отличий:

1) *по объекту преступного посягательства* (родовому, видовому и непосредственному). Указанные уголовно наказуемые деяния находятся в одном разделе – «Преступления в сфере экономики». Для них характерен единый родовый объект преступного посягательства. Отличие содержится в определении видового и непосредственного объекта преступлений. Так, видовым объектом преступлений против собственности являются отношения собственности, пронизывающие все сферы экономических отношений. Достаточно обоснованной нам видится позиция Т.В. Пинкевич, согласно которой к видовому объекту преступлений в сфере экономической деятельности относятся «организационно-экономические отношения, связанные с производством, обменом и потреблением»³.

Непосредственным объектом незаконного получения кредита выступает группа *информационно-экономических правоотношений*. В первую очередь выделяем информационные отношения, поскольку первоначально через посягательство на них происходит воздействие на экономические отношения. Во вторую – выделяем *экономические отношения* ввиду того, что непосредственный объект является составной частью родового и видового объектов. Вместе с тем, он должен лежать в той же плоскости и в той же сфере общественных отношений, что и видовой объект. Указанные отношения страдают вторично в результате воздействия на них информационных отношений, оказывающих

значительное влияние на экономические основы. Информация, выступающая обязательным признаком составов преступлений в сфере экономической деятельности, непосредственно влияет и тем самым определяет содержание непосредственного объекта преступного посягательства.

Так, при незаконном получении кредита, ответственность за которое предусмотрена ст. 176 УК РФ, лицо предоставляет в банк или иную кредитную организацию документы, в которые предварительно вносятся заведомо ложные сведения о хозяйственном положении или финансовом состоянии индивидуального предпринимателя или руководителя организации. Указанная информация относится к значимым для кредитора обстоятельствам, отражающим экономическую деятельность индивидуального предпринимателя или руководителя организации. Изначально субъект вносит данные заведомо ложную информацию в документы, на основании которых банк или иная кредитная организация принимают решение об одобрении и предоставлении кредита. Последствия от указанных действий, связанных с информационными посягательствами в форме искажений, влекут экономические последствия, выражаемые в причинении имущественного ущерба банку или кредитной организации.

Непосредственным объектом мошенничества в сфере кредитования являются информационно-имущественные права банков и кредитных организаций;

2) *по предмету преступного посягательства.* Предмет преступления, указанный в ст. 176 УК РФ, шире, в качестве него выступают не только денежные средства, но и льготные условия кредитования;

3) *по средству совершения преступления.* При незаконном получении кредита виновное лицо предоставляет в банк заведомо ложные сведения и финансовом состоянии или хозяйственном положении индивидуального предпри-

нимателя или руководителя организации. Содержание и перечень сведений, которые относятся к финансовому состоянию и хозяйственному положению, в действующем законодательстве, в том числе в уголовном, отсутствует. Отсутствие законодательной регламентации оценочных категорий приводит к тому, что правоприменительные органы в процессе квалификации вынуждены сами устанавливать содержание указанных сведений, что значительно усложняет их деятельность;

4) *по субъекту преступного посягательства*. Если в ст. 159¹ УК РФ он общий, то в ст. 176 УК РФ – специальный (индивидуальный предприниматель или руководитель организации). Анализ материалов правоприменительной практики позволил нам утверждать, что возможны случаи, когда лица осуществляют фактическое руководство организациями и совершают преступление с использованием не осведомленных об их преступных намерениях юридических руководителей, в этом случае они несут уголовную ответственность как исполнители в силу ч. 2 ст. 33 УК РФ;

5) *по субъективной стороне*. Указанный элемент состава преступления вызывает наибольшие споры и сложности в процессе квалификации криминальных явлений. Так, субъективная сторона преступления ввиду незаконного получения кредита характеризуется умышленной формой вины (прямым или косвенным умыслом).

В свою очередь при мошенничестве в сфере кредитования обман служит средством изъятия имущества в свою собственность или в собственность иных лиц; у виновного лица при этом заведомо отсутствует намерение выполнить принятые на себя гражданско-правовые обязательства. Указанное означает, что умысел в безвозмездном завладении чужими денежными средствами должен появиться у лица еще до момента их передачи. В связи с этим субъек-

тивная сторона мошенничества в сфере кредитования характеризуется прямым умыслом и корыстной целью. То есть, совершая обманные действия, виновный осознает противоправный, безвозмездный характер своих действий, действует изначально с желанием причинить ущерб собственнику с целью личного обогащения либо обогащения третьих лиц.

В отличие от мошенничества в сфере кредитования, при незаконном получении кредита преступник рассчитывает на временное пользование полученными обманным путем денежными средствами, полагая, что его финансовое состояние и хозяйственное положение позволит ему впоследствии выполнить кредитные обязательства перед банком или иным кредитором.

Поэтому факт предоставления лицами ложных сведений о финансовом состоянии либо хозяйственном положении еще не образует состава мошенничества, так как в данном случае умысел виновного первоначально направлен на получение кредита. К тому же нецелевое использование денежных средств, выданных по договору кредита, при отсутствии признаков хищения также не образует состава мошенничества.

Наибольшие сложности в правоприменительной деятельности возникают с установлением возможности и намерения у лица выплатить сумму предоставляемого ему кредита. Большинство преступников отрицают наличие сформированного умысла, направленного на хищение денежных средств. Тем самым они пытаются доказать то, что ввиду ухудшения их финансового состояния произошло невозвращение денежных средств, предоставляемых им по договору кредитования. По причине недоказанности умысла достаточно часто происходит переквалификация мошенничества в сфере кредитования на незаконное получение кредита.

В процессе правоприменения судебными органами следует устанавливать все обстоятельства, свидетельствующие о наличии у лица умысла, сформированного еще до момента предоставления ложных сведений, не исполнять возлагаемые на него обязательства по кредитному договору.

О наличии умысла, направленного на хищение, может свидетельствовать, например, отсутствие реальной финансовой возможности исполнить взятое обязательство, отсутствие реального места работы, допущенная просрочка в первый и последующие месяцы платежей по кредиту, использование кредитных средств не по целевому назначению, распоряжение ими по своему усмотрению.

О том, что у лиц присутствовало намерение возвратить банку или иному кредитору денежные средства, однако ввиду объективных причин не удалось выполнить возложенные обязанности, может свидетельствовать: заложенное в счет погашения долга недвижимое имущество (залог) на сумму, превышающую сумму кредита, систематическое осуществление платежей по кредиту, когда лицо выплачивает несколько взносов по погашению кредита⁴. *К примеру, суд указывает, что сам факт предоставления осужденным ложных сведений о его финансовом состоянии и доходах еще не образует мошенничество, умысел осужденного Козлова был направлен на незаконное получение кредитов, которым своими действиями способствовали Гаджиев и Магомедов, деньги, полученные ими по кредитным договорам, они намерены были возвратить, это подтверждается заложенным в счет погашения долга недвижимым имуществом и частичным возвращением долга. На основании данных обстоятельств приговор Буденновского городского суда Ставропольского края от 31 июля 2015 г. в отношении Козлова, Гаджиева и Магомедова был изменен, и их действия были переквалифицированы: Козлова*

*с ч. 3 ст. 159.1 УК РФ на ч. 1 ст. 176 УК РФ ; Гаджиева и Магомедова с ч. 3 ст. 159.1 УК РФ на ч. 5 ст. 33 ч. 1 ст. 176 УК РФ*⁵. Поэтому в каждом конкретном случае стоит устанавливать умысел виновных, от которого в основном и зависит квалификация.

В том случае, если производится частичное погашение сумм кредитов вплоть до объявления процедуры банкротства, это свидетельствует об отсутствии умысла в хищении денежных средств. Кроме того, если кредитные договоры были обеспечены залоговым имуществом – товарами в обороте, имуществом, стоимость которого превышала стоимость полученных в виде кредитов денежных средств – то это также может указывать на то, что у субъекта отсутствовал умысел в хищении денежных средств. По нашему мнению, также особое значение имеет установление того, был ли кредит потрачен по целевому назначению или нет. В том случае, если не установлено нецелевое использование кредитных средств, все полученные в банках средства израсходованы на цели кредитования (пополнение оборотных средств, расчеты с поставщиками товара, а также на погашение задолженности по ранее взятым кредитным обязательствам), признаков преднамеренного, фиктивного банкротства в ходе процедуры наблюдения не выявлено, то следует констатировать отсутствие умысла, направленного на хищение денежных средств. Подобную уголовно-правовую оценку можно сделать и в том случае, если лицо прекратило осуществлять платежи по всем взятым кредитным обязательствам с момента введения процедуры наблюдения, к тому же о введении указанной процедуры конкурсным управляющим уведомлены все кредиторы, состав преступления в виде мошенничества также будет отсутствовать. На основе изложенного полагаем, что следует детально исследовать все обстоятельства дела в своей совокупности для того, чтобы установить отсутствует ли пря-

мой умысел в хищении денежных средств банков или иных кредиторов, а также было ли у лица намерение исполнить взятые на себя обязательства по их возврату.

Итак, в процессе квалификации мошенничества в сфере кредитования и незаконного получения кредита следует устанавливать все обстоятельства содеянного, которые только в совокупности могут свидетельствовать о наличии или отсутствии умысла, направленного на хищение денежных средств, полученных по кредитному договору.

Примечания

1. Апелляционное определение по делу № 22-89/2017. URL: <https://rospravosudie.com/court-moskovskij-oblast-noj-sud-moskovskaya-oblast-s/act-549602585/> (дата обращения: 12.02.2017).

2. Апелляционное определение по делу № 22-555. URL: <https://rospravosudie.com/court-verhovnyj-sud-respubliki-altaj-respublika-altaj-s/act-535077745/> (дата обращения: 12.02.2017).

3. *Пинкевич Т.В.* Криминологические и уголовно-правовые основы борьбы с экономической преступностью: дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2002. С. 200.

4. Апелляционное определение по делу № 22-5641 от 28.10.2015 г. URL: <http://kraevoy.stv.sudrf.ru/> (дата обращения: 12.04.2017).

5. Апелляционное определение по делу № 22-5641 от 28.10.2015 г. URL: <http://kraevoy.stv.sudrf.ru/> (дата обращения: 12.04.2017).

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ ДОКТОРАНТОВ,
АДЬЮНКТОВ И СОИСКАТЕЛЕЙ

Выпуск 23

Сборник статей

Редакторы *Г.В. Сухова, Т.Ю. Булганина*
Компьютерная верстка *Е.С. Писаревой*
Дизайн обложки *К.А. Быкова*

Подписано в печать 30.10.17. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 12.
Тираж 40 экз. Заказ № 394.

Редакционно-издательский отдел
Нижегородской академии МВД России

Отпечатано в отделении полиграфической и оперативной печати
Нижегородской академии МВД России

603144, Н. Новгород, Анкудиновское шоссе, 3